ISSN 2713-2951

Социолингвистика
Sociolingvistika

http:// sociolinguistics.ru № 2 (18) 2024

Институт языкознания РАН
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 2 (18)

2024

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА
научный журнал
№ 2 (18) 2024
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы
В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Ответственный редактор номера
А.Н. Биткеева (д.ф.н., Институт языкознания РАН),

Заместитель главных редакторов
Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственный секретарь
С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., проф., Махачкала, Россия
Л. Болд	акад. Монгольской академии наук, д. ф. н., проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., проф., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корреспондент РАН, д. филол. н., проф., Санкт-Петербург, Россия
М. Вингендер	д. филол. н., проф. Гиссен, Германия
Е.В. Головко	член-корреспондент РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	д. филол. н., проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., проф., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н, Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	д. филол. н., проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., проф., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., проф., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., проф., Чеченская Республика, Россия
Т. Поншон	д. филол. н., проф., Шампань-Арденн, Франция
М. Тамин	проф., Шампань-Арденн, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., проф., Республика Башкортостан, Россия
Юкиясу Араи	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., доцент, Москва, Россия
Ван Хьеп Нгуен	доктор философии, Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	д. филол. н., проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	д. филол. н., проф., Ухань, КНР

© Институт языкознания Российской академии наук, 2024
© Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2024

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGVISTIKA

No. 2 (18)

2024

Established in 2020

Published four times a year

SOCIOLINGVISTIKA
Scientific Journal
No. 2 (18) 2024
ISSN 2713-2951
DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief
Vladimir M. Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Executive editor of the issue
Aysa N. Bitkeeva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences),

Deputy Editor-in-Chief
Tatjana I. Retinskaya (Orel State University)

Executive Secretary
Svetlana V. Kirilenko (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
L. Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
M. Wingender	DSc in Philology, Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
L. Grenoble	DSc in Philology, Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu.Mikhalchenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Chechen Republic, Russia
T. Ponchon	DSc in Philology, Professor, Champagne-Ardenne, France
M. Tamin	Professor, Champagne-Ardenne, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Republic of Bashkortostan, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Associate Professor, Moscow, Russia
Van Hiep Nguyen	PhD in Philosophy, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	DSc in Philology, Professor, Shanghai, China
Zhao Shijiu	DSc in Philology, Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2024
© Orel State University, 2024

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии. 7

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Камышева С.Ю. Государственный и официальный языки в Киргизской Республике: императивные меры и социальная мотивация 8
Нагурная С.В. История языковой политики в Карелии по документам научного архива КарНЦ РАН. 22

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Бабук А.В. Эмодзи как элементы интернет-жаргона при маскировке денотата и различных проявлениях речевой агрессии в компьютерно-опосредованной коммуникации. 36

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

Сиротинина О.Б., Дегальцева А.В. Динамические процессы в современном русском языке: ответ на глобальные вызовы времени. 52
Кузьмина А.А. Низкая языковая компетентность школьников и молодежи Саха как детерминант отсутствия интереса к чтению на родном языке. 67

ДИСКУССИИ

Нанзатов Б.З., Тишин В.В. Монгольский аффикс *+s* в якутских этнонимах как хронологический маркер исторических бурятско-якутских контактов: к постановке вопроса . 81

ТРИБУНА МОЛОДЫХ

Щеголяев А.А. Социальные и языковые факторы популярности религиозной литературы в Англии X–XI вв. 94
Траоре Я. Местные языки в Мали: между угрозой исчезновения и резилиентностью 105

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА

Язык и этнос ***(С.В. Кириленко)*** 120

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

Тридцать третье заседание дискуссионно-аналитического клуба по вопросам языковой политики (Москва, Институт языкознания Российской академии наук, 18 января 2024 г.) (***М.Я. Каплунова***). 128

Требования и рекомендации к оформлению статей 141

CONTENTS

Editorial preface. 7

LANGUAGE POLICY

Kamysheva, Svetlana Yu. State and official languages in Kirgizstan: Imperative measures and social motivation. 8

Nagurnaja, Svetlana V. History of language policy in Karelia according to documents of the scientific archive of KarRC RAS 22

LANGUAGE CONFLICTS

Babuk, Aleksandr V. Emoji as elements of online-jargon in denotation disguise and different types of speech aggression in computer-mediated communication 36

LANGUAGE PROCESSES

Sirotinina, Olga B., Degaltseva, Anna V. Dynamic processes in the modern Russian language: answer to the global challenges of the time. 52

Kuzmina, Angelina A. Low language competence of the schoolchildren and youth of Sakha as a determinant of lack of interest in reading in native language 67

DISCUSSIONS

Nanzatov, Bair Z., Tishin, VladimirV. Mongolic suffix *+s* in Yakut ethnonyms as a chronological marker of historical contacts between Buryats and Yakuts: Toward the formulation of the problem 81

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

Shchegolyaev, Andrey A. Social and linguistic factors of the popularity of religious literature in England in the X–XI centuries. 94

Traore, Yaya. Local languages in Mali: Between the threat of extinction and resilience 105

SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

Language and ethnos (***Svetlana V. Kirilenko***.) 120

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

The thirty-third meeting of the analytical discussion club on language policy (Moscow, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, January 18, 2024) (***Maria Ya. Kaplunova***) 128

Style sheet 141

ОТ РЕДАКЦИИ

EDITORIAL PREFACE

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию представляется номер, в котором продолжаем знакомить вас с актуальными вопросами языковой жизни в России и зарубежных странах. В фокусе внимания авторов номера актуальные аспекты языковой политики в России и зарубежных странах. В статье С.Ю. Камышевой анализируется роль государственного и официального языков в Киргизской Республике. Важное место в определении основ языковой политики в Киргизской Республике занимает фактор социальной мотивации и учет приоритетов в выборе личностью языка образования и профессиональной деятельности. Билингвизм граждан Кыргызстана становится основным фактором формирования креативной и конкурентоспособной языковой личности. Новые архивные материалы относительно языковой политики в Карелии в довоенный период анализируются в статье С.В. Нагурной. Политическая ситуация того времени требовала смены языковых приоритетов, что негативно сказывалось на формировании письменной традиции карельского языка, его коммуникативную мощность в целом.

Представлены материалы, отражающие динамику современных языковых процессов, причин их происхождения и последствий, которые коснулись современных языков. В статье О.Б. Сиротининой О.Б., А.В. Дегальцевой рассмотрены позитивные и негативные результаты влияния глобализации, демократизации и цифровизации на современный русский язык. В статье А.А.Кузьминой анализируется языковая ситуация среди молодежи саха, в частности, их уровень языковой компетенции как показатель языкового сдвига.

Тема языковой агрессии рассмотрена в статье А.В. Бабука в актуальном ракурсе. Автор анализирует функциональную нагрузку эмодзи как элемента интернет-жаргона при маскировке денотата и различных проявлениях речевой агрессии.

В рубрике «Дискуссии» представлена статья Б.З. Нанзатова, В.В. Тишина, в которой опираясь на междисциплинарный подход, авторы представляют на обсуждение вопрос об интерпретации морфологического состава и фонетического облика якутских этнонимов, отраженных в названиях административных единиц различного таксономического уровня (улусов, наслегов, родов) в целях изучения хронологии якутско-бурятских языковых контактов.

Обратим Ваше внимание на публикации молодых ученых, освещающих вопросы взаимодействия языка и общества. В фокусе внимания молодых ученых А.А. Щеголяева и Я. Траоре зарубежная языковая ситуация – в Англии X-XI вв. и Мали.

Надеемся, что данный номер журнала «Социолингвистика» вызовет здоровые научные дискуссии, что внесет вклад в поиск наиболее оптимальных путей решения общетеоретических и прикладных задач социальной лингвистики.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

LANGUAGE POLICY

УДК 81’272 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-8-21

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ОФИЦИАЛЬНЫЙ ЯЗЫКИ В КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ: ИМПЕРАТИВНЫЕ МЕРЫ И СОЦИАЛЬНАЯ МОТИВАЦИЯ

Светлана Ю. Камышева
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
Российская Федерация

В статье рассматривается вопрос о содержании и основных направлениях языковой политики в Киргизской Республике, взаимодействии государственного (киргизского) и официального (русского) языков, роли, месте и функционировании русского языка в социокультурном и образовательном пространстве страны. Объектом исследования являются меры языкового регулирования, проводимые в отношении государственного и официального языков. Проводится мысль, что императивные меры к процессам языкового регулирования нередко приводят к субъективному выбору решений, усложняют отношения между языками. Между тем важное место в характеристике языковой ситуации и определении основ языковой политики в Киргизской Республике занимает фактор социальной мотивации и учет приоритетов в выборе личностью языка образования и профессиональной деятельности. Функциональная значимость малых языков возрастает, когда они активно взаимодействуют с мировыми языками. Для киргизского таким привычным и традиционным партнером взаимодействия является русский язык, благодаря которому и в настоящее время происходит активное пополнение его ресурсов лексическими единицами, обозначающими ценности мировой цивилизации, а билингвизм граждан Кыргызстана, открывая новые «окна возможностей», становится основным фактором формирования креативной и конкурентоспособной языковой личности.

Ключевые слова: *языковая политика, языковое регулирование, государственный язык, официальный язык, языковая ситуация*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© С.Ю. Камышева, 2024

STATE AND OFFICIAL LANGUAGES IN KIRGIZISTAN: IMPERATIVE MEASURES AND SOCIAL MOTIVATION

Svetlana Yu. Kamysheva
State Pushkin Russian Language Institute, Russian Federation

The article deals with the issue of the content and main directions of language policy in Kyrgyzstan, interaction of the state (Kyrgyz) and official (Russian) languages, the role, place and functioning of the Russian language in social-cultural, educational sectors of the country. The object of the study is the measures of language regulation carried out in relation to the state and official

languages, considered as subjects of language policy. It is suggested that imperative measures to the processes of language regulation often lead to subjective choice of decisions, complicate relations between languages. Meanwhile, an important place in characterizing the language situation and defining the foundations of language policy in the Kyrgyzistan is occupied by the factor of social motivation and consideration of priorities in the choice of the language of education and professional activity by the individual. The functional significance of small languages increases when they actively interact with world languages. For the Kyrgyz language, the Russian language is such a habitual and traditional partner of interaction, thanks to which its resources are actively replenished with lexical units denoting the values of world civilization, and bilingualism of Kyrgyz citizens, opening new "windows of opportunity", becomes the main factor in the formation of a creative and competitive linguistic personality.

***Keywords**: language policy, language regulation, state language, official language, language situation*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Svetlana Yu. Kamysheva, 2024

1. Введение

Вопросы языковой политики и функционирования русского языка относятся к числу одних из самых злободневных проблем как для стран Центральной Азии, так и для современной Киргизской Республики (Кыргызстана).

Киргизская Республика – небольшая страна в Центральной Азии, население которой на начало 2023 г. составило 7 млн 37 тыс. человек [Демографический ежегодник КР: 2018–2022, 2023]. Для государства, которое проходит непростой путь социально-политического, экономического становления и историко-культурного возрождения, языковой вопрос имеет решающее значение. Проблема в том, что с позиций международного права киргизский язык – это главный атрибут и символ государственности, а с социально-экономической стороны он не занял места, должного своему статусу, в системе государственного управления, экономики, торговли, науки и образования. Такое несоответствие порождает множество коллизий в современном Кыргызстане, связанных со стремлением властных структур расширить функции киргизского языка в самых различных сферах деятельности государства и его граждан. Продвижение этого вопроса приводит к столкновению с другими языками, в первую очередь с русским, который активно используется в таких важных сферах, как государственное управление, наука и образование, экономика и промышленность, современные технологии и др.

Цель данного исследования – выявить особенности функционирования государственного и официального языков в Киргизской Республике (КР), показать противоречия и наметить пути их преодоления.

Как отмечается в монографическом исследовании О.Л.Сумароковой, истоки просветительской деятельности по продвижению и культивированию русского языка в Кыргызстане берут начало еще в дореволюционный период. Благодаря деятельности российских сподвижников в стране начали функционировать русско-туземные школы. В 1893 г. в Оренбурге были изданы первые учебные пособия и словари по обучению русскому языку, такие как «Практические уроки русского языка для киргизов», «Первоначальный учебник русского языка для киргизов», а также «Киргизско-русский словарь» [Сумарокова, 2015: 146–169].

В этом контексте слово «русификация», которое обладает оценочной коннотацией, не имело отрицательного содержания, поскольку усвоение русского языка на самом деле было для киргизов благотворным процессом овладения новым, более приспособленным языковым кодом для познания современного мира.

Научные исследования А.О. Орусбаева были посвящены вопросам языкового строительства, взаимодействию киргизского и русского языков как субъектов языковой политики. В его работах высоко оценивается роль русского языка. Автор подчеркивает, что «практическое знание устной и письменной форм русского языка во многом способствовало развитию образования, науки и культуры, развитию и укреплению всех отраслей народного хозяйства» [Орусбаев, 2003:3]. Прогнозируя возможность появления в будущем деструктивных межъязыковых коллизий в новых социополитических условиях, А.О. Орусбаев предлагает активно развивать такое новое направление социолингвистики, как социолингвистическая конфликтология.

Анализу постсоветского периода языковой практики кыргызстанцев и роли в нем русского языка посвящена монография М.Дж. Тагаева «Диалог языков и культур» [Тагаев, 2018]. В данной работе автором представлен комплексный анализ языковой ситуации Киргизии в постсоветский период ее развития, особое внимание при этом уделяется необходимости проведения сбалансированной и гармоничной языковой политики, при которой каждый из контактирующих языков занимает ту сферу коммуникации, где достигается наибольший результат.

З.К. Дербишева и М.А. Рудов рассматривают проблемы двуязычия, полагая, что билингвизм граждан представляет собой наиболее перспективный и оптимальный путь развития языковой ситуации в стране [Дербишева, 2022: 144–146; Рудов, 2013: 37].

Положение и функционирование русского языка в Кыргызстане П.И. Дятленко и М. Кухаренко связывают с необходимостью Евразийской интеграции страны. Русский язык они считаеют одним из факторов успешной и быстрой интеграции республики и ее граждан в общее пространство Евразийского экономического союза и полагают, что свободное владение им

жителями республики дает возможность улучшить конкурентные преимущества трудовых мигрантов на рынке ЕАЭС, позволяя решить проблему кадрового дефицита в целом [Дятленко и др. 2009].

Для оценки позиций русского языка в странах постсоветского пространства и отдельных регионах использовались статистические данные, полученные по четко определенным критериям, разработанным специалистами Центра языковой политики и международного образования Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [УС-Индекс, 2023]. Это обширное исследование дает возможность объективно по самым разным параметрам оценить роль русского языка для каждой страны.

2. Методика

Методологическую базу исследования составили труды зарубежных и отечественных социо- и этнолингвистов по теоретическим аспектам; в работе применялись общенаучные методы обобщения, систематизации, сравнения, описательный метод, методы анализа и синтеза, а также частнонаучные лингвистические методы, среди которых приемы интерпретации, классификации, а также статистические приемы обработки информации.

3. Результаты и обсуждение

Статья состоит из двух частей, в каждой из которых поднимается актуальная проблема: характеристика языковой ситуации в Киргизской Республике; основные проблемы и пути их решения.

3.1. Характеристика языковой ситуации в Киргизской Республике

Языковая ситуация и функционирование языков во многом зависят от двух важнейших факторов – языкового регулирования и социальной мотивации граждан страны, иначе говоря, от языковой политики, под которой понимается процесс реализации государственной концепции, направленной на сознательное регулирование стихийных языковых процессов путем проведения мер идеологического, императивного, образовательного, финансового и иного содержания.

Н.П. Космарская очень точно характеризует отношения между русским и киргизским языками: «У русского языка реально существует особо прочная основа в республике из-за высокой степени его укорененности именно в киргизской среде. По совокупности объективных и субъективных причин киргизы оказались одной из наиболее русифицированных этнических групп в бывшем СССР и самой русифицированной – в Центральной Азии. С одной стороны, это стало тяжелым ударом по их языку и национальной самобытности (отсюда отчасти и

проистекают современные трудности продвижения киргизского языка как государственного)» [Космарская, 2006: 191].

Накануне распада Советского Союза, как пишет А.А. Авдеев, «русскоязычное население концентрировалось в основном в городах, где доля этнических русских составляла 39 %, а доля тех, для кого русский язык был родным – 47 %. Всего же 82,5 % городского населения Киргизской СССР свободно владело русским языком (как родным или вторым)» [Авдеев, 2023].

По данным переписи населения 2022 г., в Кыргызстане русским языком свободно владеет 37,9 % населения страны, 24,9 % – свободно, хорошо – 19,2 %, плохо – 9,1 %, не владеют – 8,9 % [Основные социально-демографические характеристики населения, 2023]. Таким образом, свыше 80 % граждан республики обладают достаточными навыками общения на русском языке. При этом процент граждан, свободно владеющих русским языком, кореллирует с количеством учащихся, ежегодно оканчивающих школы с обучением на русском языке, из года в год дополняя парадигму из категории людей, для которых русский язык становится первым языком общения и познания мира. В целом можно утверждать, что независимо от своей национальной принадлежности треть населения Кыргызстана состоит из граждан, для которых русский язык является основным языком общения и познания мира.

Русский язык в КР имеет статус официального, все сайты государственной власти и все страницы государственного портала электронных услуг имеют русскоязычные версии [Индекс положения русского языка в мире: 2023: 24–26].

Новая Конституция Киргизской Республики, принятая 11 апреля 2021 г. и введенная в действие 5 мая 2023 г., в статье 13 подтвердила статусы и правовые основы функционирования языков в Кыргызстане в следующей редакции:

«1. Киргизский язык – государственный язык Киргизской Республики. Порядок применения государственного языка определяется конституционным законом.

2. В Киргизской Республике в качестве официального используется русский язык.

3. Представителям всех этнических групп, образующим народ Киргизской Республики, гарантируется право на создание условий для сохранения, изучения и развития родного языка» [Конституция КР, 2023].

В дополнение к статье 13 Конституции Киргизской Республики 17 июля 2023 г. за № 140 был принят Конституционный закон Киргизской Республики «О государственном языке Киргизской Республики», в котором изложены конституционные положения, касающиеся функционирования государственного, официального и других языков [Конституционный закон КР «О государственном языке КР», 2023].

Статьи, которые регулируют правовые вопросы функционирования государственного языка, имеют императивный характер и дебитивную модальность, которая предписывает обязательность их неукоснительного исполнения. Если ранее статус государственного и официального языков был примерно одинаков, то данный конституционный Закон крайне ограничивает функции русского языка. Статья 2 этого закона гласит: «Статус киргизского языка как государственного языка в Киргизской Республике обеспечивает обязательность его исполнения во всех сферах, определенных настоящим конституционным Законом и иными нормативными правовыми актами» [Там же]. Далее в Законе перечисляются практически все сферы общественной жизни, в которых государственный язык подлежит обязательному использованию: деятельность госорганов, судопроизводство, образование, наука, культура и др.

Важно отметить, данным конституционным Законом государственный язык объявляется языком межнационального общения несмотря на то, что эта функция обычно считалась прерогативой русского языка. Как видно, акценты в правовом отношении сместились в сторону киргизского языка, который за 30 лет постсоветской эпохи укрепил свои позиции, особенно на юге Кыргызстана. При этом функции языка межнационального общения между близкородственными народами – киргизами и узбеками – берет на себя киргизский язык, вследствие чего Узбекистан, перешедший на латиницу, закрыл тем самым для почти миллионного узбекского населения Кыргызстана свое коммуникативное и научно-образовательное пространство, вынуждая узбеков Кыргызстана чаще обращаться к государственному языку.

Как пишет М.Дж. Тагаев: «...Языковая политика в Кыргызстане в отношении государственного языка была направлена на решение следующих задач: 1) повышение его интегрирующей роли в обществе и процессе самоидентификации граждан страны; 2) расширение сфер применения в общественной жизни, социально-экономической, культурной, научно-образовательной деятельности людей и др.; 3) создание условий для использования как языка межнационального общения; 4) поэтапный перевод делопроизводства в стране на государственный язык» [Тагаев, 2023]. Для решения их в Кыргызстане был учрежден специальный государственный орган – Национальная комиссия по государственному языку при Президенте Киргизской Республики, основу деятельности которой должны были составить два ведущих направления: 1) реализация императивных мер государственной политики; 2) создание надлежащих условий для усиления социальной мотивации граждан к изучению государственного языка.

К сожалению, Национальная комиссия в основу своей деятельности положила только первое направление и занялась главным образом составлением и инициированием лишь

многочисленных законодательных актов, т.е. мерами императивной поддержки государственного языка, что приводит зачастую к волюнтаристским решениям, далеким от реальности и социальных запросов граждан.

Что же касается официального (русского) языка, то согласно этому конституционному Закону, содержание соответствующих статей носит характер потенциальной модальности, т.е. содержание той или иной статьи может быть реализовано лишь при наличии определенных условий, которые сопровождаются допущениями, представленными оборотами следующего вида: «...официальный язык может использоваться в случаях...», «...в необходимых случаях [документация] может быть переведена на официальный язык», «…официальный язык может использоваться…», «…в случаях, предусмотренных законодательством, переводятся на официальный язык…» и др. [Конституционный закон КР «О государственном языке КР», 2023]. Такие оговорки к закону усиливают фактор субъективности в применении статей конституционного Закона, относящихся к функционированию официального языка, создают некоторые коллизии во взаимоотношениях киргизского и русского языков, ограничивая сферу применения последнего.

Следствием этого конституционного Закона и других подобных поправок к соответствующей статье Конституции КР становится резкое сокращение в последние десятилетия количества часов в учебных планах общеобразовательных школ, отводимых на изучение русского языка и литературы. Такое обстоятельство вынуждает родителей отдавать своих детей в школы с русским языком обучения, которые ныне переполнены, и в таких классах, как правило, обучается нередко до 50 и выше детей.

В настоящее время в Кыргызстане функционирует 2353 школы, из них частных – 191, государственных – 2162. Количество учащихся с 1-го по 11-й классы составляет свыше 1 млн 400 тыс. школьников [Интервью с министром образования... 2023]. Около трети всех детей получают образование в классах с русским языком обучения.

По данным Индекса положения русского языка в мире, Киргизская Республика относится к странам с высокой долей обучающихся на русском языке в системе высшего образования: 65,3 % студентов вузов обучаются на русском языке [Индекс положения русского языка, 2023: 34, 35].

Таким образом, несмотря на императивные меры по продвижению государственного языка, в обществе Кыргызстана отмечается высокая степень социальной мотивации к изучению русского языка, к получению образования на русском языке как более качественного, дающего возможности для эффективного формирования и накопления человеческого капитала, под

которым понимается «совокупность знаний, умений, навыков, мотиваций, присущих индивиду и используемых в процессе производства товаров и услуг» [Человеческий капитал, 2023].

С одной стороны, интересы государственного строительства требуют всемерного расширения функций государственного языка, что приводит к необходимости применения императивных мер по его продвижению в разные сферы человеческой деятельности, с другой – люди осознают, что ресурсов киргизского языка явно недостаточно для обозначения и передачи смыслов, понятий современного развития науки и образования и трансляции ценностей мировой цивилизиции. Это обстоятельство порождает некоторые коллизии во взаимоотношениях с государственным и официальным языками.

3.2. Основные проблемы и пути их решения

Вопрос о взаимодействии государственного языка с другими языками Киргизской Республики, прежде всего с русским языком как официальным, является одной из злободневных проблем сегодняшнего дня. Этот вопрос находит в обществе неоднозначное решение, вызывает споры и затрагивает интересы многих людей, проживающих в многонациональном Кыргызстане.

Язык имеет значение не только для развития общества: функционируя в сознании людей, он является формой жизни для каждого человека. С самого рождения до глубокой старости человек живет в стихии родного языка, который в грамматическом строе, лексике, пословицах и поговорках хранит опыт поколений, что предопределяет этническую ментальность, особенности поведения, систему ценностей, создает национальную картину мира. Родной язык через общие культурные ценности и стереотипы поведения, отраженные в нем, помогает каждому из нас легко включаться в свое национальное сообщество, адаптироваться к окружающему миру. Неслучайно Ч.Т. Айтматов говорил, что «язык – это святая сила, расширяющая узкий мир человека до Вселенной».

Сегодняшняя реальность такова, что ни один национальный коллектив не может существовать сам по себе, в отрыве от внешнего мира. В той или иной форме мы входим в контакты, обмениваемся знаниями, вещами, технологиями, постигаем иные ценности и др., мы живем бок о бок и трудимся с людьми, говорящими на других языках. Благодаря современным средствам коммуникации границы мира чрезвычайно раздвинулись, точнее, их почти не стало для процессов общения. Языки, которые мы используем в процессе общения, как и люди, по своей роли в мироустройстве оказываются не всегда равноправными, что вызывает необходимость для некоторых народов (больших и малых) выбора и использования какого-либо

мирового языка в качестве языка-посредника, что приводит к появлению различных коллизий между ними.

На личностном уровне владение разными языками приводит к двуязычию и бикультуральности, что нередко становится причиной генерации людей иной ментальности и стиля поведения. В процессах такого рода часть киргизского общества склонна видеть отход от родного языка, забвение родной культуры и национальных традиций. При этом не учитывается то обстоятельство, что с течением времени окружающий мир меняется, меняемся и мы, а язык, как зеркало, отображает эту динамику. Мир, который окружал киргизов, за последний век преобразился до неузнаваемости, и он не мог не оказать влияния на их языковые предпочтения, ментальность и культурно-языковое поведение.

Надо отметить, что выезду русскоязычного населения Кыргызстана за его пределы способствовали не только экономические проблемы, но, в известной степени, и языковые.

В Основном Законе КР заложена правовая основа для равноправного функционирования киргизского и русского языков. Однако этот юридический акт не привел к тому, что два языка стали гармонично функционировать и взаимодействовать, а все жители Кыргызстана стали двуязычными. Скорее наоборот, их конституционное признание создало новые коллизии во взаимоотношениях языков, стало правовым основанием для обострения отношений и возникновения соперничества между ними, привело к стремлению вытеснить соседствующий язык из сферы его традиционного бытования. Причем, активную позицию в этом процессе занимает киргизский язык, несмотря на то что обладает малым ресурсным потенциалом языковых средств по сравнению с русским языком.

Языковая ситуация, сложившаяся на сегодняшний день в КР, отдаленно напоминает то, что происходило в Европе с этническими языками до XVII в., в эпоху формирования национальных языков, которые из-за недостаточности собственных языковых ресурсов еще не были готовы обеспечить все сферы общения. Использование латыни диктовалось «практической потребностью, поскольку язык этот был не только языком могущественной тогда католической церкви, но и языком дипломатии, науки, европейской межнациональной литературы, административной и судебной практики и международной европейской торговли» [Современное зарубежное языкознание, 1983: 51].

Иначе говоря, латынь выполняла в Европе те же функции, что и русский язык в пространстве СНГ, с той лишь разницей, что она к тому времени уже не использовалась в живом общении и относилась к числу мертвых языков. В настоящее время русский язык обладает более устойчивыми позициями, чем латынь в средневековье, поскольку это богатейший литературный язык живого общения в России – стране с большим населением и огромным экономическим,

цивилизационным и научно-образовательным потенциалом. В свое время латынь уступила место национальным языкам потому, что живые языки в новых социально-экономических условиях благодаря активной деятельности их носителей (географические завоевания, открытия в науке и многое др.) чрезвычайно расширили свой коммуникативно-когнитивный потенциал. Отсюда проистекает важный вывод, значимый для развития киргизского языка: язык может развиваться, увеличивать свои функциональные возможности, если он активно применяется в различных сферах человеческой деятельности, используется не только для общения, но и для познания мира и развития личности.

Диалог языков и культур в Кыргызстане осложняется тем обстоятельством, что «в рамках собственной культуры создается прочная иллюзия своего видения мира, образа жизни, менталитета и т. п. как единственно возможного и, главное, единственно приемлемого» [Тер-Минасова, 2000: 32]. В этой ситуации усвоение другого языка и постижение другой культуры становится активным в случае, если соседствующий язык более, чем родной, приспособлен для коммуникативного обеспечения современного мира.

Таким языком для большинства кыргызстанцев является русский язык, и он не может уйти полностью из традиционных сфер его бытования, особенно из науки и образования, производства, экономики, торговли и др., т.е. из ключевых областей человеческой жизнедеятельности. Прочные позиции русского языка в Кыргызстане объясняются тем, что он широко используется для обеспечения коммуникации в торгово-экономических и промышленных областях, обладает мощными научно-образовательными возможностями и широко применяется в сфере информационных технологий. Иначе говоря, русский язык вплетен в непосредственную жизнедеятельность каждого кыргызстанца по обеспечению их потребностей в перечисленных сферах.

В то же время существует необходимость расширения сфер применения киргизского языка в самых различных областях жизнедеятельности людей. Важно продвигать его как символ государства, как одно из условий целостности нации и страны, как способ выражения национально-культурной самобытности киргизского народа.

Киргизский язык за годы суверенного развития КР значительно укрепил свои позиции: в последнее десятилетие он активно берет на себя функции языка межнационального общения между киргизами и узбеками на юге республики, наблюдается процесс его активного включения в сферу административно-государственного управления и делопроизводства. Однако другие жизненно важные сферы, как то: межгосударственная торговля и экономика, область техники и высоких технологий, науки и информации – остаются для киргизского языка недостаточно освоенными.

В политических дискуссиях по вопросу о продвижении киргизского языка бывает много эмоционально-патриотического, субъективного, но мало конкретики и прагматики. Языковой вопрос становится разменной монетой в риторике некоторых политиков и общественных деятелей, которые предлагают волюнтаристские решения в угоду своим личным или клановым интересам.

В пылу полемики нередко забывается, что проблема функционирования и взаимодействия языков должна решаться в комплексе с социально-экономическими задачами государства и в соответствии с интересами граждан всего Кыргызстана. Языковая проблема – это еще и вопрос о том, какого гражданина должна воспитывать страна, чтобы обеспечить себе процветание. От выбора языка воспитания и образования зависит ментальность личности, ее жизненные ориентиры и культивируемые ценности.

4. Выводы

Несмотря на протесты ура-патриотов против русского языка в пользу киргизского, все же продолжается объективный процесс активного взаимодействия киргизского и русского языков, обусловленный необходимостью социально-экономического роста государства. Между тем одной из важных составляющих прогресса в стране является наличие гармоничного языкового сообщества, в котором взаимоотношения между языками строятся не на противопоставлении «свой язык – чужой язык», а по принципу «свой язык – другой язык», когда «другой язык» служит тем же целям общественного развития, что и «свой язык». Поэтому возникает необходимость снять «напряженность» между киргизским и русским языками и рассматривать их как два языковых кода (инструмента), каждый из которых проявляет эффективность в зависимости от сферы его применения.

Потребности социально-экономического развития страны неминуемо детерминируют то, что в конечном итоге языковые коллизии должны нивелироваться и привести к сбалансированным отношениям, к пониманию того, что в условиях современного мира нужны оба языка – и киргизский, и русский.

Литература

Авдеев А.А. (2023) Динамика этнолингвистической структуры населения Киргизии. Режим доступа: https://demreview.hse.ru/article/view/14571 Дата обращения: 31.10.2023.

Демографический ежегодник Кыргызской Республики: 2018–2022 (2023). Бишкек: Нацстатком КР. 311 с.

Дербишева З.К. (2022) Особенности билингвизма в Кыргызстане // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. № 1. С. 144–155.

Дятленко П., Кухаренко М. (2009) Этнолингвистическая ситуация в современной Киргизиии // Диаспоры: Независимый научный журнал. № 1. С. 129–172.

Индекс положения русского языка в мире: Индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), Индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс) (2023). Вып. 3 / Авт.-сост. А.Л. Арефьев, В.А. Жильцов, С.Ю. Камышева, Т.В. Нестерова, А.А. Филиппова; под ред. С.Ю. Камышевой. М.: Гос. ин-т русского языка имени А.С. Пушкина. 72 с.

Интервью с министром образования Уланбеком Мамбетакуновым (2023). Режим доступа: https://edu.gov.kg/posts/1346/ Дата обращения: 7.11.2023.

Конституция Киргизской Республики (2021) (Введена в действие Законом Киргизской Республики от 5 мая 2021 года. Режим доступа: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru Дата обращения: 1.11.2023.

Конституционный закон Киргизской Республики (2023) «О государственном языке Киргизской Республики». От 17 июля 2023 г. № 140. Бишкек. 56 с.

Космарская Н.П. (2006) «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: Адаптивные практики и ментальные сдвиги: (Русские в Киргизии, 1992–2002) [“Children of the Empire” in PosttSoviet Central Asia: Mental Shifts and Practices of Adaptation (Russian in Kirgizia, 1992–2002)] / Ин-т востоковедения РАН, Ин-т Африки РАН. М.: Наталис. 597 с.

Орусбаев А.О. (2003) Русский язык как этнокоммуникативный компонент двух- и многоязычия в Кыргызстане. Бишкек: Изд-во КРСУ. 227 с.

Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года. Кн. I. Основные социально-демографические характеристики населения (2023). Бишкек: Нацстатком КР. С. 90–178.

Рудов М.А. (2013) Стимулы и ресурсы распространения русского языка в Кыргызстане // Русское слово в Кыргызстане. № 3 (11). С. 35–37.

Современное зарубежное языкознание: Вопросы теории и методологии (1983). Киев: Наукова думка, 1983. 208 с.

Сумарокова О.Л. (2015) Эволюция языковой политики российской империи в Туркестанском крае: (По материалам Киргизстана) / Отв. ред. Г.Д. Джунушалиева. Бишкек: Изд-во КРСУ. 265 с.

Тагаев М.Дж. (2018) Диалог языков и культур: (На материале функционирования и взаимодействия культурно-языковых пространств киргизского и русского языков). Бишкек: Изд-во КРСУ. 240 с.

Тагаев М. Дж. (2023) Русский язык как субъект языковой политики в Кыргызстане: (30 лет постсоветской эпохи). Режим доступа: https://analitika.akipress.org/unews/un_post: 24799#comm Дата обращения: 3.11.2023 г.

Тер-Минасова С.Г. (2000) Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово /Slovo. 146 с.

Человеческий капитал: Большая российская энциклопедия (2023). Режим доступа: https://bigenc.ru/c/chelovecheskii-kapital-a962e1?ysclid=lontfplo1b721838406 Дата обращения: 7.10.2023.

References

Avdeev, A.A. (2023) Dinamika etnolingvisticheskoj struktury naseleniya Kirgizii [Dynamics of ethno-linguistic structure of the population of Kyrgyzstan]. Available at: –https://demreview.hse.ru /article/view/14571. Access date: 31.10.2023. (In Russ.)

Demograficheskij ezhegodnik Kyrgyzskoj Respubliki: 2018–2022 (2023) [Demographic Yearbook of the Kyrgyz Republic: 2018–2022]. Bishkek: Nacstatkom Kyrgyzskoj Respubliki. 311 p. (In Russ.)

Derbisheva, Z.K. (2022) Osobennosti bilingvizma v Kyrgyzstane [Features of bilingualism in Kyrgyzstan] // Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika. No. 1. Pp. 144–155. (In Russ.)

Dyatlenko, P., Kuharenko, M. (2009) Etnolingvisticheskaya situaciya v sovremennoj Kirgiziii [Ethnolinguistic situation in modern Kyrgyzstani] // Diaspory: Nezavisimyj nauchnyj zhurnal. No. 1. Pp. 129–172. (In Russ.)

Indeks polozheniya russkogo yazyka v mire: Indeks global'noj konkurentosposobnosti (GK-Indeks), Indeks ustojchivosti v stranah postsovetskogo prostranstva (US-Indeks) (2023) [Index of the position of the Russian language in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (SU-Index)]. Vyp. 3 / Avt.-sost. A.L. Aref'ev, V.A. ZHil'cov, S.Yu. Kamysheva, T.V. Nesterova, A.A. Filippova; pod red. S.Yu. Kamyshevoj. M.: Gosudarstvennyj institut russkogo yazyka imeni A.S. Pushkina. 72 p. (In Russ.)

Interv'yu s ministrom obrazovaniya Ulanbekom Mambetakunovym (2023) [Interview with the Minister of Education Ulanbek Mambetakunov]. Available at: https://edu.gov.kg/posts/1346/. Access date: 7.11.2023. (In Russ.)

Konstituciya Kirgizskoj Respubliki (2021) [Constitution of the Kyrgyz Republic] (Vvedena v dejstvie Zakonom Kirgizskoj Respubliki ot 5 maya 2021 goda. Available at: http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112213?cl=ru-ru. Access date: 1.11.2023. (In Russ.)

Konstitucionnyj zakon Kirgizskoj Respubliki (2023) [Constitutional Law of the Kyrgyz Republic] “O gosudarstvennom yazyke Kirgizskoj Respubliki”. Ot 17 iyulya 2023 g.No. 140. Bishkek. 56 p. (In Russ.)

Kosmarskaya, N.P (2006) “Deti imperii” v postsovetskoj Central'noj Azii: Adaptivnye praktiki i mental'nye sdvigi: (Russkie v Kirgizii, 1992–2002) [“Children of the Empire” in PosttSoviet Central Asia: Mental Shifts and Practices of Adaptation: (Russian in Kirgizia, 1992–2002)] / In-t vostokovedeniya RAN, In-t Afriki RAN. M.: Natalis. 597 p. (In Russ.)

Orusbaev, A.O (2003) Russkij yazyk kak etnokommunikativnyj komponent dvuh- i mnogoyazychiya v Kyrgyzstane [Russian language as an ethno-communicative component of bilingualism and multilingualism in Kyrgyzstan]. Bishkek: Izd-vo KRSU. 227 p. (In Russ.)

Perepis’ naseleniya i zhilischnogo fonda Kyrgyzskoj Respubliki 2022 goda. Kn. I. Osnovnye sotsial’no-demograficheskie kharakteristiki naseleniya (2023) [Population and Housing Census of the Kyrgyz Republic 2022. Book I. Basic Socio-Demographic Characteristics of the Population]. Bishkek: Natsional’nyj statistichestij komitet Kyrgyzskoj Respubliki. Pp. 90–178. (In Russ.)

Rudov, M.A. (2013) Stimuly i resursy rasprostraneniya russkogo yazyka v Kyrgyzstane [Incentives and resources for the spread of the Russian language in Kyrgyzstan] // Russkoe slovo v Kyrgyzstane. No. 3 (11). Pp.35–37. (In Russ.)

Sovremennoe zarubezhnoe yazykoznanie: Voprosy teorii i metodologii (1983) [Modern foreign linguistics / Issues of theory and methodology]. Kiev: Naukova dumka. 208 p. (In Russ.)

Sumarokova, O.L. (2015) Evolyuciya yazykovoj politiki rossijskoj imperii v Turkestanskom krae: (Po materialam Kirgizstana) [Evolution of the language policy of the Russian Empire in the Turkestan region: (On the materials of Kirghizstan)] / Ed. G.D. Dzhunushalieva. Bishkek: Izd-vo KRSU. 265 p. (In Russ.)

Tagaev, M. Dzh. (2018) Dialog yazykov i kul'tur (na materiale funkcionirovaniya i vzaimodejstviya kul'turno-yazykovyh prostranstv kirgizskogo i russkogo yazykov) [Dialogue of languages and cultures (on the material of functioning and interaction of cultural and linguistic spaces of Kyrgyz and Russian languages)]. Bishkek: Izd-vo KRSU. 240 p. (In Russ.)

Tagaev, M. Dzh. (2023) Russkij yazyk kak sub"ekt yazykovoj politiki v Kyrgyzstane: (30 let postsovetskoj epohi) [Russian language as a subject of language policy in Kyrgyzstan: (30 years of the post-Soviet era)]. Available at: https://analitika.akipress.org/unews/un_post:24799#comm Access date: 3.11.2023. (In Russ.)

Ter-Minasova, S.G. (2000) Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya [Language and intercultural communication]. M.: Slovo. 146 p.

Chelovecheskij kapital: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya (2023) [Human capital: Big Russian Encyclopaedia]. Available at: https://bigenc.ru/c/chelovecheskii-kapital-962e1?ysclid=lontfplo1b721838406. Access date: 7.10.2023. (In Russ.)

Камышева Светлана Юрьевна – кандидат филологических наук, доцент, руководитель Центра языковой политики и международного образования, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина, Российская Федерация
https://orcid.org/0000-0002-8697-015X
Адрес: 117485 Российская Федерация, г. Москва, ул. Академика Волгина, 6
Эл.адрес: skamysheva@yandex.ru

Svetlana Yu. Kamysheva – PhD in Philology, Associate Professor，Head of the Centre for Language Policy and International Education, Pushkin State Russian Language Institute, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-8697-015X
Address: ul. Akademika Volgina 6, 117485 Moscow, Russian Federation.
Email: skamysheva@yandex.ru

Для цитирования: *Камышева С.Ю.* Государственный и официальный языки в Киргизской Республике: Императивные меры и социальная мотивация // Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 8–21. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-8-21

For citation: *Kamysheva S.Yu.* State and official languages in Kirgizstan: Imperative measures and social motivation // Sociolingvistika. 2024. No. 2 (18). Pp. 8-21. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-8-21

The article was submitted 10.11.2023;
approved after reviewing 15.02.2023;
accepted for publication 18.05.2024.

УДК 81’272 DOI DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-22-35

ИСТОРИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В КАРЕЛИИ ПО ДОКУМЕНТАМ НАУЧНОГО АРХИВА КАРНЦ РАН

Светлана В. Нагурная
Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра
Российской академии наук, Российская Федерация

В статье проанализированы документы Научного архива Карельского научного центра РАН, которые отражают направления языковой политики, проводившейся в Советской Карелии в довоенный период в отношении карельского языка. Архивные документы впервые вводятся в научный оборот. Языковое строительство в Карелии 1920–1940-х годов прошло несколько этапов, каждый из которых развивался под влиянием идей, концептуально противоположных друг другу. На формирование письменной традиции в значительной степени оказывали воздействие факторы, имевшие политический контекст. Повлиявшие на судьбу карельского языка события менялись зачастую быстро и радикально. За неполные двадцать лет карельская письменность претерпела многократные изменения. Это нашло отражение в рукописях словарей и учебников, оставшихся неопубликованными в силу того, что одна языковая реформа стремительно сменялась следующей. Карельский язык прошел путь от устной, диалектной формы через стадию так называемого карело-финского языка к единому нормированному стандарту. Время функционирования письменного стандарта оказалось недолгим, но и за этот короткий период правила языка успели поменяться. Политическая ситуация потребовала смены языковых приоритетов, в результате использование карельского языка в официальной сфере было прекращено. Сохранившиеся рукописи стали документальными свидетельствами перипетий языковой политики.

Ключевые слова: *карельский язык, языковое строительство, рукописи, Научный архив КарНЦ РАН, языковая политика, корпусное планирование*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© С.В. Нагурная, 2024

HISTORY OF LANGUAGE POLICY IN KARELIA ACCORDING TO DOCUMENTS OF THE SCIENTIFIC ARCHIVE OF KarRC RAS

Svetlana V. Nagurnaja
Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre
Russian Academy of Sciences, Russian Federation

The article presents and analyzes documents from the Scientific Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, which reflect the directions of the language policy pursued in Soviet Karelia in the pre-war period in relation to the Karelian language. Archival documents are being introduced into scientific circulation for the first time. Language construction in Karelia in the 1920s–1940s went through several stages, each of which developed under the influence of ideas that were conceptually antagonistic to each other. The formation of the written tradition was largely influenced by factors that had a political context. The events that influenced the fate of the Karelian language often changed too quickly and radically. In less than twenty years, Karelian writing has undergone numerous changes. This was reflected in the manuscripts of dictionaries and textbooks

created in those years and remaining unpublished due to the fact that one language reform was rapidly replaced by the next. The Karelian language has gone from an oral, dialect form through the stage of the so-called "Karelian-Finnish language" to a single standardized form. The functioning time of the written standard turned out to be very short, but even during this period the rules of the language managed to change. The political situation soon required a change in language priorities, and as a result, the use of the Karelian language in official life was discontinued. The surviving manuscripts have become documentary evidence of the vicissitudes of language policy.

Keywords: *Karelian language, language construction, manuscripts, Scientific archive of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, language policy, corpus planning*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Svetlana V. Nagurnaja, 2024

1. Введение

В Научном архиве Карельского научного центра РАН (НА КарНЦ РАН) сохранился ряд рукописей 1930–1940-х годов, свидетельствующих об исторических процессах, которые происходили в Карелии в сфере языковой политики, а также о непростом характере траекторий ее реализации.

Историография советской языковой политики 1920–1940-х годов выделяет три основных периода. В основе политики послереволюционного времени лежало стремление власти удовлетворить «потребность идентичности» для всего населения России, а ее цель заключалась в том, «чтобы каждый, независимо от национальной принадлежности мог свободно пользоваться своим материнским языком и овладеть на нем высотами мировой культуры» [Алпатов, 2000: 38]. В 1923 г. на XII съезде РКП(б) были разработаны принципы «коренизации», которая предусматривала использование национальных языков в государственной и образовательной сферах, обязательное изучение местного языка ответственными работниками, выдвижение национальных кадров на руководящие посты, открытие национальных школ.

Следующий период, связанный с началом первой пятилетки, характеризовался созданием письменности для многих бесписьменных языков Советского Союза. Руководство страны полагало, что распространение грамотности на языках народов СССР будет благоприятствовать экономическим, социальным и культурным преобразованиям. Стандартом для новых литературных языков стала латиница, которая, как считалось, могла способствовать приближению «мировой революции», в то время как кириллица «ассоциировалась с ассимиляторской политикой царизма» [Кондрашкина, 2018: 23]. Идеологический контекст двух перечисленных периодов «определил содержание языковой жизни страны: заявленное на политическом уровне равенство всех этносов России, период "коренизации", поддержка просвещения на титульных языках республик без выделения русского языка» [Биткеева, 2021: 216].

С середины 1930-х годов произошла радикальная смена национальной, в том числе языковой, политики, суть которой теперь заключалась в поддержке русского языка как основного языка в национальных регионах. В центре внимания теперь было распространение русского языка, а «развитие языков меньшинств если и шло, то в основном по инерции» [Алпатов, 2020: 120]. В 1938 г. постановлением ЦК ВКП(б) и Совнаркома русский язык вводился как обязательный предмет во всех национальных школах СССР. Знаком новой политики стал начавшийся в 1935 г. частичный, а с 1937 г. почти полный переход алфавитов с латиницы на кириллицу [Алпатов, 2023: 192].

Во второй половине 1930-х годов письменные языки были переведены на кириллицу, а нормированные словари и грамматики подверглись русификации. Произошла реорганизация школ, означавшая «перевод преподавания на русский язык и исключение из программы обучения родного языка и литературы, краеведения с элементами этнографии и истории своего народа» [Мусаев, 2018: 103].

Языковая политика в Советской Карелии в 1920–1940-е годов зависела не только «от общенациональных тенденций, но и от региональных особенностей» [Голубев и др., 2019: 175]. «Возникающая разновекторность языковых устремлений Центра и республики неоднократно вызывала корректировку и крутые повороты в языковой политике» [Клементьев, 2009: 162].

За два предвоенных десятилетия карельский язык прошел все этапы советского языкового строительства. Этап 1920-х – начала 1930-х годов вошел в историю как этап «коренизации», по сути являвшейся «финнизацией» Карелии, поскольку в качестве официального, наряду с русским, выступал финский язык. Следующий этап ознаменовался созданием единого литературного карельского языка, чему предшествовало возникновение карельской письменности на основе латинской графики в Тверской Карелии. Во второй половине 1930-х годов в русле общегосударственной политики произошла делатинизация карельской письменности и переход на русский алфавит. В 1940 г. в связи с преобразованием Карельской АССР в Карело-Финскую ССР финский язык вновь вошел в число государственных языков, а единый карельский язык был отменен.

Неизданные материалы периода языкового строительства 1930–1940-х годов, сохранившиеся в НА КарНЦ РАН, отражают происходившие в те годы реформы и изгибы в языковой политике, которые оказали влияние на судьбу карельского языка.

2. Источники исследования

Источниками данного исследования являются неопубликованные документы Научного архива Карельского научного центра РАН, относящиеся к периоду языкового строительства в

Карелии в 1920–1940-е годы. Документы впервые вводятся в научный оборот. В статье проанализированы четыре уникальных документа, относящиеся к разным этапам довоенного языкового строительства и демонстрирующие различные подходы в корпусном планировании карельского языка рассматриваемого периода.

Рукопись «Карело-финско-русского словаря» (составитель В. Евсеев), датированная примерно 1933–1936 гг., отражает работу, которую сотрудники этнографо-лингвистической секции Карельского научно-исследовательского института осуществляли под знаком проводившейся в республике политики финнизации.

Рукописи 1938 г. – «Грамматика карельского языка» (автор Б.И. Рунтов) и «Сборник упражнений по синтаксису карельского языка для неполной средней школы» (автор А. Зиновьев) – относятся ко времени создания единого литературного карельского языка, в основу которого были положены собственно карельские говоры Карелии и Калининской области.

Документ 1940 г. – рукопись «Карельского орфографического словаря» (автор Е.П. Каллио, редактор Н.А. Анисимов) – относится к завершающему периоду в истории создания карельской письменности в Советской Карелии, основным лозунгом которого было освобождение карельского языка от тверских говоров и элементов финского языка и приближение его к русскому языку.

3. Документы архива и языковая политика в Карелии. Этап «коренизации»

Планомерная работа в области языкового строительства в Карелии началась с созданием национальной государственности карельского народа – Карельской трудовой коммуны. 7 июня 1920 г. ВЦИК принял постановление об образовании из местностей Олонецкой и Архангельской губерний, населенных карелами, автономного областного объединения – Карельской трудовой коммуны (КТК) [Такала, 2011: 138].

«Особенность Советской Карелии заключалась в том, что автономия строилась усилиями красных финнов – небольшой группы политэмигрантов, покинувших Финляндию после поражения в гражданской войне 1918 г.» [Такала, 2016: 135]. «Финский период» в истории Советской Карелии продолжался с 1920 по 1935 гг., это время совпало с активным национально-государственным строительством в стране, механизмом осуществления которого была «коренизация». «В отличие от политики центра по проведению на местах всей культурно-образовательной работы на родных языках, в Карелии языковая политика, выступающая в официальных документах как “карелизация”, фактически являлась “финнизацией”» [Строгальщикова, 2019: 280].

В качестве сферы использования карельских диалектов предполагалось оставить устную речь, а функции письменной карельской речи отводились финскому литературному языку. В 1923 г. при преобразовании Карельской трудовой коммуны в АКССР вторым официальным языком республики наряду с русским был утвержден так называемый карело-финский язык, роль которого исполнял финский язык. Объединение под одним названием двух языков, карельского и финского, было «тактическим маневром перед центральной властью, в решениях которой по языковой политике, проводимой в регионах, оперировали понятием местных языков» [Строгальщикова, 2000: 162].

Руководители Карелии были убеждены, что литературный финский язык служит естественным продолжением диалектов карельского языка, а его использование поможет сблизить карельские диалекты и со временем устранить препятствия, которые ограничивали его применение за пределами устной речи. Вторая половина – конец 1920-х годов прошли под знаком усиленной «финнизации», обозначавшей «исправление исторической несправедливости» на пути приближения карельских диалектов к финскому языку, который в перспективе войдет в повсеместное употребление [Клементьев, 2009: 155].

С середины 1920-х годов большинство школ национальных районов Карелии были переведены на финский язык, а в 1929 г. руководство республики официально утвердило финский язык в качестве письменного и литературного языка карельского населения. Один из лидеров финской управленческой элиты Карелии Густав Ровио в 1931 г. писал: «Создание нового карельского литературного языка в Карелии рассматривается как реакционная затея, способная приостановить и затормозить культурное строительство» [Ровио, 1931: 21].

Институты финской культуры в 1920-х – начале 1930-х годов «количественно неуклонно росли и расширяли свое влияние», а к началу 1930-х финская культура уже охватывала область народного образования, просветительной работы, печать, искусство [Афанасьева, 1994: 45].

В соответствии с идеологией реализуемой языковой политики осуществлялось и корпусное планирование. В созданном в сентябре 1930 г. Карельском научно-исследовательском институте (КНИИ) начала работу этнографо-лингвистическая секция, с деятельностью которой получило развитие целенаправленное и планомерное изучение языков и культур прибалтийско-финских народов Карелии. В статье 1931 г. «Наука – на службу социалистическому строительству» на страницах политико-экономического журнала «Советская Карелия» заместитель директора КНИИ С.А. Макарьев отмечал: «Проблема языка в карельских условиях занимает доминирующее положение во всей деятельности этнографо-лингвистической секции... перед словарной бригадой секции стоят громадные задачи, к осуществлению которых в настоящее время приступлено. На базе материалов Карельской языковой экспедиции и

материалов, дополнительно собранных работниками секции, составляется финско-карельский словарь, в котором будут даны все различия карельских говоров» [Макарьев, 1931: 30, 31]. Для разработки терминологии на финском языке была создана отдельная терминологическая бригада. Речь в статье Макарьева, судя по всему, идет о «Карело-финско-русском словаре», рукопись которого сохранилась в НА КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 32. № 190).

Главным составителем словаря был известный впоследствии фольклорист, финно-угровед, доктор филологических наук В.Я. Евсеев. Свою научно-исследовательскую деятельность он начал в КНИИ в 1931 г. Еще будучи студентом Ленинградского университета, Евсеев был участником экспедиции Д.В. Бубриха по сбору карельского лингвистического материала. В июне 1935 г. руководство КНИИ подписало договор с Евсеевым о составлении «Карело-финско-русского словаря» (объемом 15 тыс.слов), эта работа вошла в планы НИР института на 1935–1936 гг.

Руководитель этнографо-лингвистической секции А.Н. Нечаев в письме М.М. Хямяляйнену[1] (работавшему в то время в ЛИФЛИ) докладывал, что в КНИИ вопрос о создании словаря стоял не один год, сотрудниками накоплен большой лингвистический материал, а подготовка к публикации словаря ведется форсированными темпами. Письмо было составлено в связи с тем, что в декабре 1935 г. в «Лениградской правде» сообщалось, что Ленинградский институт философии, лингвистики и истории приступил к составлению «Карельского словаря».

Рукопись словаря включает словарные статьи на буквы A–I, т.е. работа по его составлению осталась незавершеннной. В списке сокращений представлены диалектные варианты карельского языка (lv – ливвиковский карельский, ld – людиковский, kk – средний карельский, pk – северный карельский), названия населенных пунктов, в которых был собран материал, а также соответствия географических названий и бытующих в них диалектов (например, Usmana – Подужемье: pk). Лексика была собрана на территории современных Пряжинского, Кондопожского, Суоярвского, Олонецкого, Муезерского, Медвежьегорского районов Карелии, Костомукши, т.е. в рукописи словаря представлены практически все карельские говоры.

Заголовочные слова в одних случаях соответствовали одному говору или населенному пункту, в других случаях в качестве таковых предлагались варианты из разных наречий

[1] Хямяляйнен Матвей Михайлович, филолог-финно-угровед, ученик Д.В. Бубриха, один из создателей вепсской письменности в 1930-е годы. В разные годы работал в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (КНИИ, КНИИК).

карельского языка (например, harmaa “серый” – Видлицы, harmag – Уссуна, harmai – Тулмозеро, Святозеро и Салминицы, harmah – Мунозеро).

Диалектным карельским лексемам были даны однозначные соответствия из финского и русского языков. Представленная в рукописи языковая триада «карельский-финский-русский» отражала приоритеты языковой политики того времени.

Параллельно со словарем языковеды этнографо-лингвистической секции в 1930–1937 гг. готовили «Русско-карело-финский справочник», который, как и словарь, не вышел в свет. Справочник содержал лексику флоры, фауны, традиционных промыслов карелов, профессиональную лексику и т.д.

Работа над «Карело-финско-русским словарем» не была закончена, что было связано с завершением этапа «финнизации» в национальной политике и началом ее нового курса, ориентированного на создание единого литературного карельского языка.

4. Единый карельский письменный язык

С середины 1930-х годов политика «коренизации» подверглась пересмотру, в связи с чем языковая политика в Карелии резко поменяла свое направление. «В 1935 г. финское руководство Карелии было смещено и в республике разворачивается антифинская кампания» [Такала, 2015: 307].

17 июня 1937 г. на XI Всекарельском съезде Советов была утверждена первая Конституция Карельской АССР, которая законодательно закрепила право карельского литературного языка на его использование в официальной жизни. Текст Конституции был переведен на карельский язык и опубликован на кириллице и на латинице. В июле 1938 г. были приняты изменения в Конституцию КАССР, согласно которым карельский язык применялся в сфере судопроизводства, на нем публиковались республиканские законы, надписи на карельском языке появились на гербе и флаге КАССР, а финский язык полностью уходил из употребления в данных сферах [Евсеева, 2020: 218].

Разработка карельского литературного языка началась в Карелии под руководством Дмитрия Владимировича Бубриха. В октябре 1937 г. был опубликован проект единого карельского алфавита, в основу которого был взят русский алфавит. В конце года Наркомпрос РФ одобрил новый карельский алфавит. Фонетическая система единого карельского языка включала в себя особенности звуковых явлений собственно карельских и тверских говоров.

Две рукописи 1938 г. в НА КарНЦ РАН – «Грамматика карельского языка, часть 2. Синтаксис» (НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 175), подготовленная Борисом Рунтовым, и «Сборник упражнений по синтаксису карельского языка для неполной средней школы» (НА

КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 174) Арсения Зиновьева – являются свидетельством создания единых норм карельского языка на основе русской графики. Авторы рукописей – выпускники Карельского отделения Тверского пединститута, ученики А.А. Милорадовой, основательницы письменности для тверских карелов.

В 1938 г. А. Зиновьев был командирован в Советскую Карелию для оказания помощи в деле подготовки учебной литературы. В Карелии он руководил группами, которые занимались составлением карельских учебников. «От наркома просвещения Карельской АССР Филимонова Милорадова А.А. знала, что при утверждении учебников Зиновьев исключал слова, бытующие в Карелии, заменяя на слова, бытующие в Карельском национальном округе Калининской области» [Головкин, 2008: 113]. На этот же факт обратил внимание автор отзыва, подготовленного на учебник Б. Рунтова. В отзыве отмечалось, что Рунтов мало использует лексику карельского литературного языка, в результате чего возникают «непонятности для карелов Карельской республики в словах и окончаниях слов в предложениях». Рецензент писал: «Автор употребляет слова и окончания исключительно из калининского наречия, забывая о том, что существуют правила правописания единого литературного карельского языка».

Внедрение единого карельского языка в практику жизни происходило со значительными трудностями. Выпуск книжной продукции, в том числе учебной, тормозился в связи с нехваткой редакторов карельского языка, отсутствием шрифтов. Ответственный редактор газеты «Советская Карелия» П. Савельев отмечал, что «язык газеты чрезвычайно труден для читателя», так как принятая грамматика существенно отличается от разговорного языка, особенно от языка южных районов, и ближе к финской, а сотрудники редакции не совершенствуются в изучении общего карельского языка [Евсеева, 2020: 221]. Многие книжные издания включали словари для объяснения новых слов. Карельский поэт В. Брендоев вспоминал: «Помню, альманах “Карелия” на карельском языке сопровождался словариком, чтобы карелы могли сообразить, о чем прочитали» [Нагурная, 2019: 74].

Вскоре Д.В. Бубрих и его ближайший соратник М.М. Хямяляйнен были объявлены виновниками хаоса, возникшего в результате ускоренного введения нового письменного языка. Ученых обвинили в участии в контрреволюционной организации и шпионаже в пользу Финляндии; в январе 1938 г. был арестован Д.В. Бубрих, в сентябре – М.М. Хямяляйнен. «Дело о “Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации” разрасталось за счет вовлечения в него “буржуазных националистов” из созданного 9 июля 1937 г. в Калининской области Карельского национального округа» [Строгальщикова, 2016: 31].

Рукописи А. Зиновьева и Б. Рунтова изданы не были. Зиновьеву удалось проработать в Карелии всего около трех месяцев, уже в сентябре 1938 г. он был арестован и этапирован в Калининскую тюрьму. Еще ранее арестовали Б. Рунтова по делу о «Карельской буржуазно-националистической, террористической, контрреволюционной организации».

Этап создания единого карельского языка для всех карелов СССР с учетом опыта создания письменности в Тверской Карелии завершился.

5. Новый вариант карельской письменности

Очередной поворот в языковой политике ознаменовался призывами освободить карельский язык от тверских говоров, элементов финского языка и архаизмов. Работу по разработке новой литературной нормы возглавил руководитель лингвистической секции Карельского НИИ культуры Н.А. Анисимов. В основу правил правописания было положено ливвиковское наречие. В марте 1939 г. проект правил опубликовали в газете «Советская Карелия». В словарный состав нового варианта карельского языка влились многочисленные русские заимствования.

В секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН уцелела гранка из учебника по арифметике на карельском языке, набранная по старым правилам правописания и исправленная в соответствии с новыми правилами. Из 372 слов гранки остались неизменными менее половины. Исправления касались в основном замены карельских слов русскими заимствованиями. Так, фраза *лувун кердуанда* ‘умножение числа’ была исправлена на *числан умножинда*. Русификация терминологии коснулась в значительной степени и языковедческих неологизмов, принятых в предшествующем варианте карельского литературного языка. Например, грамматические термины *туннуссана* ‘имя прилагательное’ и *именсияллине* ‘местоимение’ заменялись на *прилагательное* и *местоимение*.

В НА сохранилось свидетельство и этого периода языкового строительства в Карелии, а именно рукопись «Карельского орфографического словаря» 1940 г., составителем которого был Е. Каллио, редактором – Н.А. Анисимов (НА КарНЦ РАН. Ф.1. Оп. 38. № 221). Егор Каллио после окончания Петрозаводского учительского института с 1937 г. работал научным сотрудником Карельского НИИ культуры.

В Предисловии (написанном на карельском языке) к словарю указывается, что для каждого молодого литературного языка есть место для споров о том, как писать слова, что отбирать для литературной нормы, как сделать язык понятным для тех, кто на нем говорит и пишет. Это касается и карельского языка, поскольку он является молодым. Данный словарь, по словам составителя, – это первая книга, в которой показано, как нужно писать карельские слова

и располагать их в алфавитном порядке. Отмечается, что в 1935 г. все же был опубликован «Русско-карельский орфографический справочник для карельских школ», составленный А.А. Беляковым. Но, во-первых, в нем в алфавитном порядке расположены слова русского языка, и читателю без знания русского сложно найти необходимое карельское слово. Кроме того, в справочнике представлены слова и формы из языка карелов Калининской области, которые отсутствуют в языке карелов Карельской республики. К тому же, как указывает составитель словаря, в справочнике Белякова использован латинский алфавит.

Достаточно открыть первые страницы рукописи, чтобы убедиться, насколько русифицировалась новая литературная норма: *Вуажнойммат правописаниян правилат* – ‘Важнейшие правила правописания’. Очевидно, что языковеды, составляя словарь в условиях жестких гонений на создателей предыдущих грамматических правил, в русле новых веяний языковой политики вынуждены были включать многочисленные русские заимствования, которыми пестрит рукопись.

Однако и эта книга осталась в рукописи. В связи с изменением политической ситуации в стране на первый план в Карелии наряду с русским вновь вышел финский язык, а все мероприятия по созданию карельской письменности и литературного карельского языка были прекращены.

В июле 1940 г. Карелия была преобразована в Карело-Финскую ССР, с 1 сентября ЦК принял решение об отмене преподавания в школах на карельском языке. Карельская письменность была запрещена как в Карелии, так и за ее пределами. «В сфере административного управления все нормы по использованию языков в таком же объеме, как и предусмотренные Конституцией 1937 г., были оставлены в Конституции КФССР лишь за финским и русским языками» [Строгальщикова, 2019: 283]. В основе такого решения опять лежала «идея о культурной и лингвистической общности карелов и финнов, подразумевавшая, что финский язык, будучи высокоразвитым литературным языком, был хорошо понятен карелам и, таким образом, наилучшим образом подходил для развития культуры Советской Карелии» [Голубев и др., 2019: 298].

6. Заключение

Рукописи учебников и словарей, подготовленные в 1930–1940-е годах сотрудниками Карельского научно-исследовательского института (с 1937 г. – Карельского научно-исследовательского института культуры), отразили изгибы и непоследовательность языковой политики своего времени. Корпусное планирование карельского языка в предвоенный период носило бессистемный и противоречивый характер и, по сути, не являлось в прямом смысле слова

«планированием», поскольку в его основе в разные годы лежала совершенно разная идеология. Судьба карельского языка убедительно показала, что языковой вопрос может служить достижению конкретных политических целей и задач [Белоусов, 2014].

Рассмотренные рукописи были созданы в разные временные отрезки десятилетия, а готовились, соответственно, под влиянием различных концепций языковой политики. Ни одна из рукописей не была опубликована, поскольку каждый новый курс в языковом строительстве, стремительно сменявший предыдущий, был его полным антагонистом. Карельским диалектам предписывалось то сливаться с финским языком (в этих целях в официальную практику был введен термин «карело-финский язык»), то в процессе создания единого литературного карельского языка составителям новых норм на определенном этапе следовало ориентироваться на русский язык, в результате чего в карельских текстах значительную часть составляли русские заимствования с карельскими окончаниями. Но и для такого варианта карельского литературного языка было отведено очень короткое время, а создание карельской письменности отодвинулось почти на пятьдесят лет.

Литература

Алпатов В.М. (2000) 150 языков и политика. 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+; ИВ РАН. 224 с.

Алпатов В.М. (2020) Языковая политика и родной язык // Социолингвистика. № 3 (3). С. 114−124. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-3-3-114-124

Алпатов В.М. (2023) Избранные труды XX века / Сост. П.М. Аркадьев и др. М.: Языкознание. 459 с. DOI: 10.37892/978-5-6049527-0-2.

Афанасьева А.И. (1994) Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера: Проблемы экономики и культуры XX века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ. С. 41−48.

Белоусов К. (2014) Лингвист не равно фашист // Север. № 1–2. С. 178−185.

Биткеева А.Н. (2021) Языковая политика // Социолингвистика. № 2 (6). С. 213−226. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226

Головкин А.Н. (2008) История Тверской Карелии. Тверь: Студия-С. 432 с.

Голубев А.В., Такала И.Р. (2019) В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб.: Нестор-История. 352 с.

Евсеева Е.В. (2020) Попытка создания единого карельского литературного языка в Карелии в 1937–1939 гг.: (На основе документов Национального архива Республики Карелия) // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 5. С. 212−222. DOI: 10.15393/j103.art.2020.1623

Клементьев Е.И. (2009) Идеология и практика языковой политики в Карелии в 1920–1930-е годы // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века // Гуманитарные исследования. Вып.3. Петрозаводск: КарНЦ РАН. С. 149−163.

Кондрашкина Е.А. (2018) Влияние психологического фактора на витальность языка // Вопросы психолингвистики. № 3 (37). С. 22−35. DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35

Макарьев С. (1931) Наука – на службу социалистическому строительству // Советская Карелия. № 8–10. С. 30−31.

Мусаев В.И. (2018) Поворот в советской национальной политике в середине – второй половине 1930-х гг. // Народы и религии Евразии. № 2 (15). С. 96−111.

Нагурная С.В. (2019) Карельская письменность // Народы Карелии: Историко-этнографические очерки. Петрозаводск: Periodika. С. 65−77.

Нуортева С. (1927) Проблема карельского языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. № 2–3. С. 3−7.

Ровио Г. (1931) Проблема языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. № 1–2. С. 16−21.

Строгальщикова З.И. (2000) Вопросы языковой политики в конституциях Республики Карелия // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации: (Становление и развитие государственности). Мат. Междунар. науч.-практ. конф. 6 июня 2000 г., Петрозаводск / Сост. В.Н. Бирин. Петрозаводск: Госкомнац РК. С. 161−167.

Строгальщикова З.И. (2016) М.М. Хямяляйнен и вепсская письменность [Электронный ресурс] // Мат. науч. конф. «Бубриховские чтения: Карельская научная школа исследования прибалтийско-финских языков и культур». Петрозаводск, 6–7 окт. 2016 г. / Отв. ред. Н.Г. Зайцева. Петрозаводск. С. 22−34. Режим доступа: http://elibrary.petrsu.ru/ books/29118. Дата обращения: 30.10.2023.

Строгальщикова З.И. (2019) Этнические процессы в Карелии в постсоветский период: (Особенности реализации этнонациональной политики) // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней / Науч. ред. О.П. Илюха. Петрозаводск: КарНЦ РАН. С. 273−303.

Такала И.Р. (2011) Национальное строительство или политический проект? Финский фактор в становлении карельской автономии // Проникновение и применение дискурса национальности в России и СССР в конце XVIII – первой половине XX вв. / Ред. Индрек Яатс, Эрки Таммиксаар. Тарту: Эстонский нац. музей. С.125−148.

Такала И.Р. (2015) Финны-иммигранты в России XX в. // Русский Сборник: Исследования по истории России / Ред.-сост. О.Р. Айрапетов, М.А. Колеров, Брюс Меннинг, Пол Чейсти. Т. XVII: Финляндия и Россия. М.: Модест Колеров. С. 272−312.

Такала И.Р. (2016) «Граница на замке!»: Особенности государственного террора в Карельском приграничье 1920-х – первой половине 1930-х годов // Альманах североевропейских и балтийских исследований. Вып. 1. С. 132−159. DOI: 10.15393/j103.art.2016.462

Архивные источники

Каллио Е.П. Карельский орфографический словарь. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 221.

Зиновьев А. Сборник упражнений по синтаксису карельского языка для неполной средней школы. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 174.

Рунтов Б.И. Грамматика карельского языка. Ч. II Синтаксис. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 38. № 175.

Карело-финско-русский словарь / Сост. В. Евсеев. НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 32. № 190.

References

Alpatov, V.M. (2000) 150 yazyikov i politika. 1917–2000 [150 Languages and Politics: 1917-2000]. M.: Kraft+; Oriental Studies Institute of the Russian Academy of Sciences. 224 p. (In Russ.)

Alpatov, V.M. (2020) Yazykovaya politika i rodnoy yazyk [Language policy and native language] // Sotsiolingvistika. No. 3. Pp. 114−124. (In Russ.). DOI: 10.37892/2713-2951-2020-3-3-114-124

Alpatov, V.M. (2023) Izbrannye trudy XX veka [Selected works of the 20th century] / Ed. by P.M. Arkad'ev, etc. M.: Jazykoznanie. 459 p. (In Russ.)

Afanas'eva, A.I. (1994) Sosushhestvovanie i vzaimovlijanie russkoj i finskoj kul'tur v Karelii (1920–1940 gg.) [Coexistence and mutual influence of Russian and Finnish cultures in Karelia (1920–1940)] // Voprosy istorii Evropejskogo Severa: Problemy jekonomiki i kul'tury XX veka. Petrozavodsk: Izdatel'stvo PetrGU. Pp. 41−48. (In Russ.)

Belousov, K. (2014) Lingvist ne ravno fashist [A linguist is not the same as a fascist] // Sever. No. 1–2. Pp. 178−185. (In Russ.)

Bitkeeva, Aysa. N. (2021) Jazykovaja politika [Language policy] // Sotsiolingvistika. No. 2 (6). Pp. 213−226. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-213-226

Golovkin, A.N. (2008) Istorija Tverskoj Karelii [History of Tver Karelia]. Tver': Izdatel'stvo Studija-S. 432 p. (In Russ.)

Golubev, A.V., Takala, I.R. (2019) V poiskah socialisticheskogo Jel'dorado: severoamerikanskie finny v Sovetskoj Karelii 1930-h godov [In Search of a Socialist Eldorado: North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s]. SPb.: Nestor-Istorija. 352 p. (In Russ.)

Evseeva, E.V. (2020) Popytka sozdanija edinogo karel'skogo literaturnogo jazyka v Karelii v 1937–1939 gg.: (Na osnove dokumentov Nacional'nogo arhiva Respubliki Karelija) [An attempt to create a unified Karelian literary language in Karelia in 1937–1939.: (Based on documents from the National Archives of the Republic of Karelia)] // Al'manah severoevropejskih i baltijskih issledovanij, No. 5. Pp. 212−222. (In Russ.) DOI: 10.15393/j103.art.2020.1623

Klement'ev, E.I. (2009) Ideologija i praktika jazykovoj politiki v Karelii v 1920–1930-e gody [Ideology and practice of language policy in Karelia in the 1920-1930s] // Finskij faktor v istorii i kul'ture Karelii HH veka. Gumanitarnye issledovanija. Iss. 3. Petrozavodsk: KarNC RAN. Pp. 149−163. (In Russ.)

Kondrashkina, E.A. (2018) Vlijanie psihologicheskogo faktora na vital'nost' jazyka [The influence of the psychological factor on the vitality of the language] // Voprosy psiholingvistiki. No. 3 (37). Pp. 22−35. (In Russ.) DOI: 10.30982/2077-5911-2018-37-3-22-35

Makar'ev, S. (1931) Nauka – na sluzhbu socialisticheskomu stroitel'stvu [Science - at the service of socialist construction] // Sovetskaja Karelija. No. 8–10. Pp. 30−31. (In Russ.)

Musaev, V.I. (2018) Povorot v sovetskoj nacional'noj politike v seredine – vtoroj polovine 1930-h gg. [A turn in Soviet nationality policy in the mid-second half of the 1930s.] // Narody i religii Evrazii. No. 2 (15). Pp. 96−111. (In Russ.)

Nagurnaja, S.V. (2019) Karel'skaja pis'mennost' [Karelian writing] // Narody Karelii: Istoriko-jetnograficheskie ocherki. Petrozavodsk: Periodika. Pp. 65−77. (In Russ.)

Nuorteva, S. (1927) Problema karel'skogo jazyka v nacional'noj politike AKSSR [The problem of the Karelian language in the national policy of the AKSSR] // Karelo-Murmanskij kraj, No. 2–3. Pp. 3−7. (In Russ.)

Rovio, G. (1931) Problema jazyka v nacional'noj politike AKSSR [The problem of language in the national policy of the AKSSR] // Karelo-Murmanskij kraj. No. 1–2. Pp. 16−21. (In Russ.)

Strogal'shhikova, Z.I. (2000) Voprosy jazykovoj politiki v konstitucijah Respubliki Karelija [Issues of language policy in the constitutions of the Republic of Karelia] // Respublika Karelija: 80 let v sostave Rossijskoj Federacii: (Stanovlenie i razvitie gosudarstvennosti). Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 6 ijunja 2000 g. Petrozavodsk. Pp. 161−167. (In Russ.)

Strogal'shhikova, Z.I. (2016) M.M. Hjamjaljajnen i vepsskaja pis'mennost' [M.M. Hämäläinen and Vepsian writing] // Materialy nauchnoj konferencii «Bubrihovskie chtenija: Karel'skaja nauchnaja shkola issledovanija pribaltijsko-finskih jazykov i kul'tur». Petrozavodsk. Pp. 22−34. Available at: http://elibrary.petrsu.ru/books/29118. Access date: 30.10.2023. (In Russ.)

Strogal'shhikova, Z.I. (2019) Jetnicheskie processy v Karelii v postsovetskij period (osobennosti realizacii jetnonacional'noj politiki) [Ethnic processes in Karelia in the post-Soviet period (features of the implementation of ethno-national policy)] // Jetnokul'turnye i jetnopoliticheskie processy v Karelii ot Srednih vekov do nashih dnej. Petrozavodsk: KarNC RAN. Pp. 273−303. (In Russ.)

Takala, I.R. (2011) Nacional'noe stroitel'stvo ili politicheskij proekt?: Finskij faktor v stanovlenii karel'skoj avtonomii [Nation building or political project? The Finnish factor in the formation of Karelian autonomy] // Proniknovenie i primenenie diskursa nacional'nosti v Rossii i SSSR v konce XVIII – pervoj polovine XX vv. Tartu: Jestonskij nacional'nyj muzej. Pp. 125−148. (In Russ.)

Takala, I.R. (2015) Finny-immigranty v Rossii XX v. [Finnish immigrants in Russia in the 20th century] // Russkij Sbornik: Issledovanija po istorii Rocsii. Vol. XVII: Finljandija i Rossija. M.: Modest Kolerov. Pp. 272−312.(In Russ.)

Takala, I.R. (2016) "Granica na zamke!": Osobennosti gosudarstvennogo terrora v Karel'skom prigranich'e 1920-h – pervoj polovine 1930-h gg. ["Border is locked tight!": Features of state terror in the Karelian borderland in the 1920s – the first half of the 1930s.] // Al'manah severoevropejskih i baltijskih issledovanij. No. 1. Pp. 132−159. (In Russ.) DOI: 10.15393/j103.art.2016.462

Sources

Kallio, E.P. Karel'skiy orfograficheskiy slovar [Karelian spelling dictionary]. AT KarRC RAS. V. 1. Manuscript 38. No. 221. (In Russ.)

Zinoviev, A. Sbornik uprazhneniy po sintaksisu karel'skogo yazyka dlya nepolnoy sredney shkoly. [Collection of exercises on the syntax of the Karelian language for junior high school]. AT KarRC RAS. F. 1. Manuscript 38. No. 174. (In Russ.)

Runtov, B.I. Grammatika karel'skogo yazyka [Grammar of the Karelian language[. Part II Syntax. AT KarRC RAS. F. 1. Manuscript 38. No. 175. (In Russ.)

Karelo-finsko-russkiy slovar' [Karelian-Finnish-Russian dictionary] Ed. V. Evseev. AT KarRC RAS. F. 1. Manuscript 32. No. 190. (In Russ.)

Примечание

Исследование подготовлено в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.
The study was carried out as part of the state assignment of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences.

Нагурная Светлана Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
https://orcid.org/0000-0002-6233-8045
Адрес: 185910 Российская Федерация, г. Петрозаводск, ул. Пушкинская, 11
Эл. адрес: kov@krc.karelia.ru

Svetlana V. Nagurnaja – Candidate of Philology, Senior researcher, Institute of Linguistics, Literature and History of Karelian Research Centre Russian Academy of Sciences, Russian Federation
https://orcid.org/0000-0002-6233-8045
Address: 11 Pushkinskaya Street, Petrozavodsk, Karelia, 185910, Russia
Email: kov@krc.karelia.ru

Для цитирования: *Нагурная С.В.* История языковой политики в Карелии по документам научного архива КарНЦ РАН // Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 22–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-22-35

For citation: *Nagurnaja S.V.* History of language policy in Karelia according to documents of the scientific archive of KarRC RAS // Sociolingvistika. 2024. No. 2 (18). Pp. 22–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-22-35

The article was submitted 20.11.2023;
approved after reviewing 10.03.2024;
accepted for publication 5.06.2024.

ЯЗЫКОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

LANGUAGE CONFLICTS

УДК 81'276:004.738.5 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-36-51

ЭМОДЗИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ИНТЕРНЕТ-ЖАРГОНА ПРИ МАСКИРОВКЕ ДЕНОТАТА И РАЗЛИЧНЫХ ПРОЯВЛЕНИЯХ РЕЧЕВОЙ АГРЕССИИ В КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Александр В. Бабук
Научно-практический центр Государственного комитета
судебных экспертиз Республики Беларусь,
Республика Беларусь

Статья посвящена проблеме эмодзи, невербальным компонентам интернет-жаргона, и их использованию как инструмента маскировки денотативного компонента и речевой агрессии. Обосновывается мысль о синонимичности терминов «жаргон» и «сленг» в связи с признаком принадлежности их субъектов к компьютерно-опосредованной коммуникации. Показывается, что, будучи элементами интернет-жаргона, эмодзи выполняют основные функции, связанные с экономией речевых средств, – преодоление языковой двусмысленности и кодирования предмета речи. Подчеркивается, что в процессе создания текстов в интернет-дискурсе во внутренней форме эмодзи совершается «семантический сдвиг», благодаря которому невербальные компоненты приобретают значение, актуальное для данного высказывания в конкретной коммуникативной ситуации. Большое внимание уделяется роли эмодзи в маскировке денотата, а также различным вариантам речевой агрессии (оскорбление, кибергруминг, угроза, экстремизм) в компьютерно-опосредованной коммуникации как на интенциональном стремлении говорящего. Поскольку в современных текстах интернет-дискурса все большую популярность приобретают эмодзи, то представляется важным описание всевозможных значений невербальных компонентов и разработки необходимого для этого инструментария, применяемого в судебной лингвистической экспертизе текста. Особое внимание уделяется функциональным особенностям эмодзи в современных текстах компьютерно-опосредованной коммуникации, содержащих криминалистически значимую информацию.

Ключевые слова: *эмодзи, компьютерно-опосредованная коммуникация, речевая агрессия, маскировка денотата, интернет-жаргон, судебная лингвистическая экспертиза*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© А.В. Бабук, 2024

EMOJI AS ELEMENTS OF ONLINE-JARGON IN DENOTATION DISGUISE AND DIFFERENT TYPES OF SPEECH AGGRESSION IN COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION

Alexander V. Babuk
Scientific and Practical Center
of the State Forensic Examination Committee
of the Republic of Belarus,
The Republic of Belarus

The article is dedicated to the problem of emoji, non-verbal components of online-jargon, and their using as a masking denotative component and speech aggression tool. The idea of the synonymy of the terms "jargon" and "slang" is substantiated in connection with the sign that their subjects belong to computer-mediated communication. It is shown that, being elements of online-jargon, emoji perform basic functions related to saving speech resources, overcoming linguistic ambiguity and encoding the subject of speech. It is emphasized that in the process of creating texts in Internet discourse, the internal form of emoji undergoes a "semantic shift", due to which non-verbal components acquire a meaning that is relevant for a given utterance in a specific communicative situation. Attention is paid to the role of emoji in masking denotation and various variants of speech aggression (insult, cybergrooming, threat, extremism) in computer-mediated communication as an intentional desire of the speaker. Since emoji have become becoming increasingly popular in modern texts of Internet discourse, it seems important to describe the various meanings of non-verbal components and develop the necessary tools for this, used in the forensic linguistic examination of the text. A great attention is paid to the functional features of emoji in modern texts of computer-mediated communication containing forensically significant information.

Keywords: *emoji, computer-mediated communication, speech aggression, denotation disguise, online-jargon, forensic linguistic examination*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Aleksandr V. Babuk, 2024

1. Введение

Согласно представлению классической лингвистики человек говорящий может использовать одни и те же языковые элементы, знаки в различных социальных и коммуникативных ситуациях. Интерпретации этих элементов могут варьироваться в зависимости от обликовых характеристик субъектов коммуникации. Отсюда возникает понятие социолекта – языка конкретной социальной группы, объединенной по какому-либо признаку (этносу, возрасту, полу, профессиональной принадлежности, роду занятий, родному языку и т.д.).

Социолект часто называют *жаргоном* или *сленгом*. Этимология первого термина восходит к французскому языку, этимология второго – к английскому. Изначально под жаргоном понимали любой непонятный язык, с которым европейцы сталкивались в процессе колониальных завоеваний [Bonvillain, 2016: 355]. Затем им стали называть «испорченный язык», т.е. динамическую языковую систему, изменившуюся вследствие внешних факторов: *Он меня на понт взял* – ‘он меня обманул’. Сленгом в современном английском языке часто называют несвойственное слову его значение, используемое в типичной коммуникативной конструкции, поэтому о значении такой языковой единицы часто можно догадаться только из контекста [Coleman, 2012: 3]:

– *Идем к тебе домой сегодня после уроков?*

– *Боюсь, что я не смогу. Мои шнурки в стакане* (‘мои родители дома’).

В отличие от жаргона сленг более экспрессивен, наполнен неологизмами, просторечиями, вульгаризмами. В нашем исследовании мы будем считать сленг и жаргон синонимами, поскольку в данном случае говорящие объединены одной общей социолингвистической характеристикой – принадлежностью к субъектам компьютерно-опосредованной коммуникации.

2. Материал исследования

Материал данного исследования составлен на основе практики судебных лингвистических экспертиз, проводимых в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь, а также множественных описаний эмодзи, опубликованных в интернет-энциклопедии «Эмодзипедия» [Emojipedia, 2023]. Кроме того, материалом для написания данной статьи послужили лингвистические и лингвокриминалистические исследования отечественных и зарубежных ученых в области описания интернет-жаргона и эмодзи как невербальных компонентов компьютерно-опосредованной коммуникации.

Цель данной статьи – описание эмодзи как невербальных компонентов интернет-жаргона в маскировке денотата и различных проявлениях речевой агрессии, выявление их лексико-семантических, синтаксических и лингвопрагматических особенностей.

Впервые в отечественной лингвистике на основе эмпирического материала исследования эмодзи описываются не просто как структурные единицы современного интернет-жаргона, но и как элементы маскировки денотата и выражения речевой агрессии с выделением конкретных функциональных особенностей.

3. Методы исследования

В работе использовались общенаучные методы анализа, синтеза, описания, наблюдения, а также применялся лингвистический анализ денотативного компонента текста. Кроме того, эмодзи как объекты исследования рассматривались с точки зрения семиотики, теории референции, семантики, синтаксиса и лингвопрагматики текста во взаимосвязи с социолингвистическим фактором принадлежности субъектов к компьютерно-опосредованной коммуникации.

4. Особенности интернет-жаргона как социолекта

Особенности жаргона как языка социальной группы проявляются на фонологическом и семантическом уровнях [Чемоданов, 1975: 16], олицетворяя групповую идентичность. Жаргон принадлежит к социолекту, который отличается нестабильностью, имеет ограниченную

продолжительность и преемственность в поколениях. Он чаще всего «приобретает характер социального символа – символа принадлежности к определенной социально-экономической, профессиональной, возрастной, этнической или иной группе и символа противопоставления ее другим группам. С точки зрения социолингвистики жаргонная лексика часто имеет более негативную коннотацию, выражающую «отрицательную социальную оценку лиц, находящихся вне данной группы» [Швейцер и др., 1978: 21], а сами жаргонизмы относятся к категории эмоционально-экспрессивной лексики. Типичным примером такого социолекта является описанный М.А. Грачёвым язык арго – жаргон деклассированных элементов, объединенных по своей социальной принадлежности к преступному сообществу [Грачёв, 2003].

Развитие компьютерных технологий и современных средств массовой информации и коммуникации привело к созданию цифрового языка письменной и устной речи, а вместе с этим и формированию интернет-жаргона как особого социолекта, главный признак которого заключается в принадлежности субъектов интернет-сообществу. Возникновение данного явления обусловлено стремлением говорящего сократить ментальную дистанцию между реципиентом и языком коммуникации, что в итоге стало частью так называемой PR-технологии – применения средств массовой информации и коммуникации с целью формирования общественного сознания по определенному образу [Leitner, 2008: 197].

Если ранее с появлением первых компьютерных и мобильных устройств на постсоветском пространстве интернет-жаргон носил характер профессионально специфичных языковых образований [Беликов и др., 2001: 34–35], то теперь такая форма коммуникации касается всех субъектов, объединенных по признаку принадлежности к компьютерно-опосредованной коммуникации. Используя различные средства интернет-жаргона, понятные только субъектам такой коммуникации, пользователь как бы ищет себе собеседника в своей среде. Б. Тошович пишет, что «основная ориентация носителей жаргона – выражать интерперсональные отношения. Они могут быть положительными (в форме дружбы), отрицательными (конфликт, ссоры) и нейтральными» [Тошович, 2006: 61]. Именно отрицательные отношения между субъектами коммуникации способствуют созданию речевого конфликта.

5. Эмодзи как средства лингвистической экономии и маскировки денотата

Одними из широко распространенных средств современного интернет-жаргона выступают эмодзи (от яп. 絵 *э* – ‘картинка’ и 文字 *модзи* – ‘знак’, ‘символ’) – невербальные компоненты коммуникации. Первые такие невербальные компоненты были созданы на основе графем и пиктограмм. Они назывались эмотиконами (от англ. *emotion* + *icon*, т.е. ‘эмоция’ и

‘иконка’) и применялись только для создания эмотивно-экспрессивного компонента текста. Эмодзи в отличие от эмотиконов используются в компьютерно-опосредованной коммуникации не только для выражения интерактивных эмоций, просодических компонентов высказывания, мимики и жестов, но и для обозначения сакральных символов, идей и номинации конкретных объектов (сооружений, учреждений, инструментов, бытовых предметов, артефактов и т.д.).

Собрание эмодзи в сети интернет представляет собой банк данных, обращение к которому в процессе создания текста осуществляется посредством различных программ и приложений для компьютерных устройств и смартфонов. Так, например, приложение Яндекс и Apple разработали специальную виртуальную клавиатуру, используемую коммуникантами в качестве средств подбора необходимых по значению эмодзи на основе калькирования – буквальной заменой языковых средств невербальным компонентом. Ее работа построена по принципу крупных переводческих систем, вроде Trados, которая позволяет автоматически настраивать список часто используемых компонентов в тексте. Однако существенный недостаток данного инструмента заключается в трансформации высказывания в эмодзи на основе буквалистического подхода к тексту, т.е. буквального звукобуквенного совпадения, что неизбежно влечет за собой неверную интерпретацию высказывания: *Кот Матроскин мне голову оторвет, если я ружье домой не привезу* – 🐵🐆🔜😂👇🧔🗓️💊🥷🚫✊👇🔫🏠.

Созданные на основе Юникода эмодзи воплощают следующие основные принципы, типичные для современной компьютерно-опосредованной коммуникации: 1) универсальность; 2) открытость; 3) оперативность; 4) последовательность и логичность; 5) семантичность; 6) конвертируемость. Первый принцип позволяет субъектам вступать в коммуникацию вне зависимости от своей идентичности; второй принцип обеспечивает доступность средств коммуникации; третий принцип позволяет оперативно выполнить коммуникативную задачу; четвертый принцип опирается на синтаксис и логику построения высказывания; пятый принцип задает актуальное значение в соответствии с референцией высказывания; шестой принцип создает условия для проведения замены эмодзи актуальным вербальным компонентом в соответствии с референцией высказывания.

Эмодзи являются объектами, изучением которых занимается семиотика – наука о языковых знаках и знаковых системах. Сущность языка эмодзи как семиотических объектов опирается на признаки символичности и иконичности. Первый признак предполагает описание образности данного знака, второй – его свойство. Типичным примером синтеза этих двух признаков может служить эмодзи с изображением чернокожего повара ( ) в размещенном на сайте одного из ресторанов меню представленных блюд, где изображенный человек в белом

колпаке – это иконическое свойство знака, а его цвет кожи – символическое, обозначающее чернокожего повара, работающего в данном ресторане.

Основу эмодзи составляют языковая игра и метафоризация. Первый лингвистический прием предполагает сознательное отступление от различных речевых норм с целью создания комического эффекта и абсурдизации высказывания, второй – перенос значения слова на другой предмет или явление путем сравнения на основании различных признаков – по форме, функции и т.д. Кроме того, как и слово, эмодзи имеют внутреннюю форму, состоящую из плана содержания (что изображать) и плана выражения (как изображать). В первом случае эмодзи выражают какой-то общий класс предметов, идей, артефактов, во втором – конкретные предметы, идеи или артефакты. Так, для выражения средств транспорта служат эмодзи с изображениями автомобиля (🚗), поезда (🚆), самолета (✈), корабля (🚢), автобуса (🚌) и т.д.

Основная функция эмодзи – экономия речевых средств и преодоление языковой избыточности. Это обусловлено нейрофизиологическими особенностями работы мозга человека, который при выполнении поставленной задачи стремится затратить наименьшее количество усилий. Вот почему с точки зрения нейролингвистики при решении любой речевой задачи человек старается передать максимально ярко выраженный смысл минимальными речевыми средствами. В этом смысле эмодзи являются эффективным инструментом замены вербальных компонентов при построении высказывания в форме короткого электронного сообщения.

Пополнение банка эмодзи новыми элементами и их значениями в компьютерно-опосредованной коммуникации осуществляется на основе процессов проникновения новых жаргонизмов в язык, которые могут быть вызваны какими-то внешними событиями или социальными изменениями [Zhang et al., 2016: 13]. Так, пандемия коронавируса в 2020 г. стала причиной широкого распространения и употребления эмодзи с защитной медицинской маской (😷), обозначающих режим карантина и больных данным заболеванием, а эмодзи с изображением шприца (💉) – сторонников вакцинации, эмодзи с изображением фиксированного бицепса (💪) – лиц, успешно прошедших вакцинацию. Подобные изменения обусловлены не только социальными трансформациями, но и динамикой языка как системы.

Другая основная функция эмодзи заключается в стремлении говорящего уменьшить или полностью преодолеть неоднозначность (двусмысленность) в тексте, создавая более точное (прямое) выражение предмета речи (референта), и использование сложных для понимания лингвистических приемов, поскольку семантическое значение невербальных компонентов может противоречить вербальному смыслу всего текста [Godard et al., 2022: 7].

В современных текстах компьютерно-опосредованной коммуникации, содержащих криминалистически значимую информацию, эмодзи все чаще используют для средства маскировки денотата. Более того, проведенные в последнее время в зарубежных странах социолингвистические исследования показывают, что, как и лексемы, используемые преступными группами, невербальные компоненты утрачивают свое первоначальное значение и получают «семантический сдвиг» [Тошович, 2006: 61], т.е. специфическое значение денотата, актуальное только для данного контекста и коммуникативной ситуации, связанной с совершением противоправного деяния. Это обусловлено тем, что значения эмодзи, как и значения употребляемых говорящим лексических единиц, «определяются исходя из микроконтекста (словесного окружения) и макроконтекста (содержания и композиции текста в целом)» [Грачёв, 2016: 27]. Утрачивая первоначальное значение, эмодзи трансформируются в знаки или маркеры принадлежности субъекта к данной конкретной социальной группе, создавая соответствующий жаргонизм в невербальной форме. Например, эмодзи чашки кофе (☕) на жаргоне сутенеров в китайском интернет-дискурсе означают приход клиента к месту встречи и готовность «жриц любви» оказать требуемые услуги; красная роза (🌹) – удовлетворенность клиента и получение преступниками прибыли в результате совершенной оплаты за оказанные «услуги»; увядшая красная роза (🥀) – завершение всех процедур и уход клиента из данного места встречи. Снеговик (☃) служит маркером номинации определенного наркотического вещества или средства, биллиардный шар (🎱) – вес данного наркотического вещества или средства, школьный рюкзак (🎒) – также вес или цену данного наркотического вещества или средства [Pei et al., 2022: 5–6].

6. Эмодзи при создании высказываний речевой агрессии

Стремительное распространение интернет-жаргона в повседневной коммуникации постепенно стало фактором порождения множества видов речевой агрессии и конфликтов, разжигание которых осуществляется в пространстве глобальной сети. Соответственно жаргон преступных элементов, проникнув в язык повседневной коммуникации, также постепенно охватил интернет-дискурс. Проведенные в последние десятилетия исследования [Swift Key Emoji Report, 2015] в зарубежных странах показывают, что эмодзи как элементы жаргона в компьютерно-опосредованной коммуникации все чаще используются для речевого выражения насилия и агрессии.

Если рассмотреть феномены насилия и агрессии с точки зрения лингвистики, то можно заметить, что в их основе лежит речевой конфликт [Плотникова, 2017: 10], представляющий

собой коммуникативное событие, предмет которого экстраполируется в правовую сферу, становится причиной для последующего судебного разбирательства и инициации судебной лингвистической экспертизы (далее – СЛЭ) – процессуального действия, проводимого с целью установления фактических данных, имеющих значение доказательства. Предметом этого доказательства оказываются тексты различных видов и объемов: эссе, статьи, сообщения, доклады, публикации, листовки, плакаты и т.д. В последнее время объектами СЛЭ все чаще становятся тексты компьютерно-опосредованной коммуникации. Анализ зарубежных источников показывает, что в связи с частотным использованием эмодзи в интернет-дискурсе в современной СЛЭ возникло особое направление, цель которого – криминалистическое исследование данных невербальных компонентов коммуникации [Danesi, 2021].

Помимо лингвистической экономии и маскировки денотата, при создании речевого конфликта эмодзи широко применяются в современной компьютерно-опосредованной коммуникации с целью кодирования такого предмета речи, вербальное выражение которого представляет трудность в связи с недостатком словарного запаса (лексикона) и/или низким уровнем речевой грамотности (грамматикона) говорящего. Одним из важнейших мотивов использования эмодзи в компьютерно-опосредованной коммуникации выступает преодоление психоэмоциональных барьеров, всегда присутствующих при коммуникации «лицом к лицу», препятствующих выражению табуированных тем. Поскольку адресат текстов, публикуемых в пространстве интернет-дискурса, является в основном интерперсональным, то снятие данных барьеров в процессе компьютерно-опосредованной коммуникации порождает иллюзорное чувство свободы, которое может вдохновить говорящего на создание речевого конфликта в отношении выбранного объекта агрессии со стороны других участников коммуникации.

В современной компьютерно-опосредованной коммуникации эмодзи, выражающие различные формы интенциональной речевой агрессии, выступают новыми инструментами создания иллокуции текста, имеющие смысловую значимость и приобретающие характер фактических данных, которые не могут быть проигнорированы в ходе судебных разбирательств. К таким типовым видам речевой агрессии относят:

- *Оскорбление* – вид речевой агрессии, предполагающий осуществление адресантом негативной оценки лица с применением нормативной или ненормативной формы ее речевого выражения. При использовании эмодзи в оскорблении особую значимость приобретает этнокультурная идентичность адресата высказывания, в контексте которой осуществляется интерпретация текста.
- *Угроза* – вид речевой агрессии, представляющий собой речевой акт, в котором говорящий выражает условия, при выполнении или невыполнении которых в отношении адресата

(или связанных с ним третьих лиц) будут совершены небенефактивные действия (угроза-предупреждение), а также свое обещание совершить небенефактивные действия в отношении адресата за что-то содеянное в прошлом (угроза-наказание). При наличии невербальных компонентов в угрозе важность представляют в первую очередь эмодзи, выражающие непосредственно менасивный компонент текста, который может быть описан соответствующими глаголами: 🔪😵 – *зарезать;* 💣🔥😵 – *взорвать;* 🔫😵 – *застрелить;* 🗡️😵 – *заколоть;* ⛏️😵 – *зарубить;* 🔥🥵 – *поджечь,* 😟🚑👊 – *побить, покалечить* и т.д., где 😵 обозначает мертвого человека, а 🥵 – человека, пострадавшего от воздействия высоких температур.

- *Кибергруминг* – преступление против половой неприкосновенности личности, осуществляемое посредством интернет-переписки, направленное на принуждение адресата к действиям сексуального характера. Инструментом кибергруминга выступает, как правило, угроза или шантаж – речевой акт, предполагающий обещание адресантом распространить или разгласить какую-либо компрометирующую информацию об адресате. При совершении данного типа правонарушения злоумышленник использует жаргонизмы, а также эмодзи, референт которых относится к обозначению половых органов человека (🍆, 🦶, 🥒, 🍑 и т.д.) или каких-либо намеков на совершение различных действий сексуального характера (👺, 🏩, 💦, 🍄 и т.д.).
- *Экстремизм* – вид речевой агрессии, направленный на создание негативной оценки лица по какому-либо признаку (язык, раса, религия, национальность или принадлежность к какой-либо группе) и выражение на этом основании призыва к насильственным действиям одной группы лиц по отношению к другой. Как правило, в экстремистских высказываниях встречаются эмодзи, обозначающие лиц, принадлежащих к различным этническим или религиозным группам (🧔🏿 – чернокожий, 👳 – араб, 🕌 – мусульманин, ✝️ – католик, ☦️ – православный христианин, 👲 – китаец, 🕍 – иудей, ✡️ – еврей и т.д.).

С точки зрения теории речевых актов, важным условием для выражения любого вида речевой агрессии, как пишет И.М. Кобозева, выступает локутивное значение высказывания [Кобозева, 1986: 14], где особую роль играет говорящий субъект, создающий высказывание с интенциональным стремлением выражения агрессии. В случае отсутствия данной интенции у говорящего, а также явно выраженных объектов речевой агрессии в параметрической структуре высказывания, текст нельзя считать интенциональным речевым конфликтом. Как показывают

современные зарубежные исследования, в настоящее время эмодзи больше популярны среди школьников и студентов [Nyakana et al., 2023: 123], поэтому подобные высказывания с невербальными компонентами могут выступать типичным средством выражения жаргона городской молодежи (*Твоя идея просто* 💣💥).

Исходя из наполненности текста невербальными компонентами эмодзи также различаются по степени креолизации. Опираясь на классификацию типов креолизованных текстов Е.Е. Анисимовой [Анисимова, 2003: 15], в зависимости от наличия изображения и характера его связи с вербальной частью высказывания можно выделить три основные группы текстов, содержащих эмодзи: а) тексты с нулевой креолизацией, где эмодзи отсутствуют: *Наши ребята замочат тебя сегодня!*; б) тексты с частичной креолизацией: вербальная часть может выражать смысл независимо от изображения, эмодзи выполняют комплементарную функцию: *Мы придем и отрежем* 🔪 *кусок твоего уха* 👂; в) тексты с полной креолизацией, где смысл вербальной части в полной мере зависит от значения эмодзи: *Если ты не принесешь деньги в назначенное место, я* 💣💥 *твой* 🏢 – ‘Если ты не принесешь деньги в назначенное место, я взорву твой офис’.

Вербализация эмодзи может осуществляться семиотическими методами, применяемыми при исследовании знаков и знаковых систем. По мнению М. Данеси, одним из распространенных способов описания является синтез анализа семантики, синтаксиса и прагматики эмодзи [Danesi, 2016: 77–94].

Семантика эмодзи, по мнению ученого, может быть выявлена на основе их референциальной функции [Alsboul, 2021: 49], т.е. соотношения невербального компонента с конкретным объектом внеязыковой действительности (референтом). Оно может быть установлено различными способами (например, на основе результатов анализа коммуникативной ситуации).

Синтаксис эмодзи можно проанализировать исходя из занимаемого места невербальных компонентов в структуре высказывания, выявляемого путем применения логико-грамматического метода анализа текста. Исследование синтаксиса эмодзи проводится с учетом возможности их буквальной вербализации. Синтаксическая роль эмодзи может быть проанализирована на основании их семантико-синтаксических функции (ССФ) в высказывании. Такими функциями могут быть субъект, объект, инструмент и локатив.

Прагматика эмодзи может быть исследована на основании их дополнительной функциональной роли, вытекающей из коммуникативной формулы Р. Якобсона [Якобсон, 1975]: адресант, сообщая некую идею реципиенту, зашифровывает ее в определенный языковой код, который должен быть расшифрован реципиентом в процессе коммуникации (см. рис. 1):

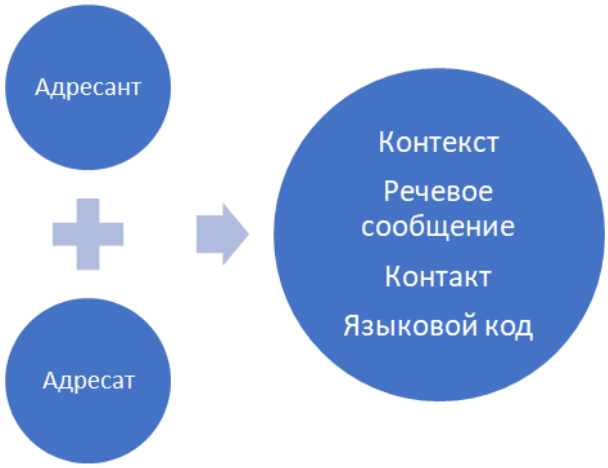

Рис. 1. Формула коммуникации по Р. Якобсону

Большое количество текстов, наполненных невербальными компонентами в компьютерно-опосредованной коммуникации, понуждает современных лингвистов к осуществлению поиска новых подходов и разработке инструментов, необходимых для описания и дешифровки эмодзи. Одним из популярных средств описания является размещенная в открытом доступе электронная энциклопедия «Эмодзипедия» [Emojipedia, 2023], где представлены наиболее распространенные невербальные компоненты коммуникации с описаниями их значений на английском языке. Отсутствие подобных прикладных инструментов в русскоязычном пространстве существенно затрудняет описание эмодзи при проведении СЛЭ в современных условиях, в связи с чем возникает необходимость в создании подобного аналога для отечественной практики.

Современные эмодзи в текстах компьютерно-опосредованной коммуникации имеют различные модификации. Развитие социальных сетей и мессенджеров, в свою очередь, стимулирует возникновение всевозможных вариантов эмодзи и их модификаций, обусловленных спецификой используемых средств коммуникации. Так, возникновение социальной сети Твиттер привело к появлению типичных для нее невербальных компонентов, так называемых Твимодзи (Twemoji), в то же самое время развитие анимационных изображений GIF-формата – появление анимационных эмодзи, так называемых Анимодзи (Animoji), которые могут быть использованы в том числе и при выражении речевой агрессии (см. рис. 2):

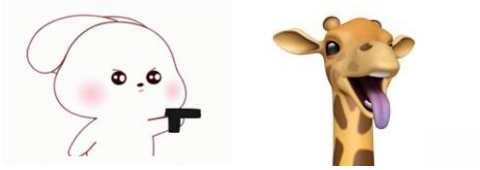

Рис. 2. Анимодзи, используемые для выражения угрозы и кибергруминга

На основе вышеизложенного, составим следующую таблицу функций эмодзи в современных тестах компьютерно-опосредованной коммуникации, содержащих криминалистически значимую информацию (см. таблицу 1).

Таблица 1

Функции эмодзи в современных криминалистически значимых интернет-текстах

№	Дополнительная функция эмодзи	Пример высказывания
1	Людическая (языковая игра)	*Если не дашь нам* 💸, *мы тебе* 👊👃 – *'Если не дашь нам деньги, мы тебе дадим в нос*'. В данном высказывании посредством указанных эмодзи реализуется прием языковой игры в невербальном поведении человека, основанном на синтаксическом сходстве и метафорическом переносе значения глагола *дать* в словосочетании *дать в нос.*
2	Маскировочно-денотативная	*Завтра к 12:00 привези мне* ☃ *с деревянными ножками*. В данном высказывании наличествует смысловое несоответствие денотата и совокупности указанных признаков. Эмодзи с изображением снеговика выступает семиотическим обозначением наркотического средства.
3	Оценочная	*Ты и вся твоя семья – самая настоящая* 🐍 *подколодная.* В данном высказывании эмодзи с изображением змеи является оценочным предикатом; *ты и вся твоя семья* – объектом оценки. Адресатом выступает носитель китайского языка, поэтому оно содержит негативную оценку, средством выражения которой выступает лингвистический прием аллегории и зоосемантизм *змея*, полученный в результате калькирования соответствующего эмодзи. Символ змеи в китайской культуре – «олицетворение коварства, лести, хитрости и зла» [Уильямс, 2011: 178]. Соответственно, подобное высказывание, адресатом которого выступает носитель китайского языка и культуры, в соответствующем контексте может быть квалифицировано как оскорбление.
4	Инструментальная	*Если не заплатишь выкуп, я тебя* 🔪😳⚰️. В данном высказывании сочетание различных эмодзи с изображением ножа, мертвого человека и гроба выступает в роли семантико-синтаксической функции, выраженной в форме инструментального падежа, который можно вербализовать соответствующим глаголом *зарезать.*
5	Денотативная	*Если ты со мной не* 👺, *то о твоих "проделках" узнают все твои одноклассники.* Эмодзи гоблина с вытянутым носом в данном высказывании выступает эвфемизмом, обозначающим совершение действий сексуального характера.
6	Референциальная	*Этому* 😠 *не место в нашей группе. Давайте, забьем ему стрелку сегодня после занятий!* Референтом данного высказывания является единственный арабский студент, который учится в данной академической группе, обозначенный соответствующим эмодзи.
7	Эмотивно-экспрессивная	*Джон, подбеги скорей ко мне! Он тебя завалит!* 👮🔫. Данное высказывание является средством выражения речевого акта предупреждения, а эмодзи в форме водяного пистолета – жаргонизмом городской молодежи, используемого в качестве приема гиперболизации эмотивно-экспрессивного компонента [Danesi, 2021: 1123].
8	Пунктуационная	*Слышишь, ты,* 🐐, *ты ведь не* 👧🤔. *Тогда завтра встречаемся с тобой после уроков!*

		Эмодзи могут выступать заменителем «точки, запятой, многоточия, восклицательного или вопросительного знака в тексте» [Воякина, 2023: 397], поскольку при их применении часто игнорируются знаки препинания. В данном случае эмодзи, выражающие размышление (🤔), используются вместо вопросительного знака, т.к. следующее новое предложение начинается с прописной буквы.
9	Саркастическая	*Ты не волнуйся! Тебе просто* 👁👁🔨😂 *и все! И ты зла в этом мире больше видеть не будешь! – 'Ты не волнуйся. Тебе просто глаза выколют! И больше ты зла в этом мире больше видеть не будешь!'* В данном высказывании сарказм как прием, благодаря менасивному контексту, созданному посредством соответствующих эмодзи, приобретает более жесткие формы и трансформирует иронический смысл в угрозу.
10	Нивелирование значения вербального компонента	*Ты этого достоин* 🔪🩸🚑⚰️= *'Ты достоин того, чтобы тебя избили и убили'*. В данном примере эмодзи выступают средством трансформации позитивной оценки человека в менасив. Средством выражения небенефактивных действий в данном высказывании выступают эмодзи с изображением ножа (🔪), капли крови (🩸), и скорой помощи (🚑), когда эмодзи гроба выражают смерть (⚰️).

Перечислить все функции, которые могут выполнять эмодзи в современных текстах компьютерно-опосредованной коммуникации, содержащих криминалистически значимую информацию, в рамках одной статьи не представляется возможным. При желании этот перечень может быть продолжен.

7. Выводы

Таким образом, эмодзи – это не только визуальный язык общения, но и новый цифровой код современной компьютерно-опосредованной коммуникации, который имеет другие стандарты, обусловленные стремительным развитием цифровых технологий. Выступая средством замещения вербального компонента текста, эмодзи стали постепенно частью интернет-жаргона, который используется не только в качестве средств лингвоэкономии, но и маскировки языковых элементов, а также средств создания речевой агрессии в различных вариантах. Описание эмодзи может быть произведено в ходе судебной лингвистической экспертизы текста при наличии соответствующего инструментария. Наиболее простой и распространенный способ исследования эмодзи опирается на синтез семантики, синтаксиса и прагматики данных невербальных компонентов. Реализация эмодзи в современных текстах компьютерно-опосредованной коммуникации, содержащих криминалистически значимую информацию, зависит от функциональной роли невербальных компонентов, которая может быть людической, маскировочно-денотативной, оценочной, денотативной, референциальной, эмотивно-экспрессивной и т.д.

Литература

Анисимова Е.Е. (2003) Лингвистика текста и межкультурная коммуникация: (На материале креолизованных текстов): Уч. пособие для студ. фак. ин. яз. вузов. М.: Академия. 128 с.

Беликов В.И., Крысин Л.П. (2001) Социолингвистика. М.: Рос. гос. гум. ун-т. 315 с.

Воякина Е.Ю. (2023) Визуализация современной цифровой коммуникации: Эмодзи вместо слов // Преподаватель XXI век. № 2 (2). С. 392–404.

Грачёв М. А. (2003) Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений. М.: РИПОЛ КЛАССИК. 1120 с.

Грачёв М.А. (2016) Судебно-лингвистическая экспертиза: Учебник.. М.: ФЛИНТА. 360 с.

Кобозева И.М. (1986) «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. С. 7–21.

Плотникова А.М. (2017) Конфликтная коммуникация в аспекте судебной лингвистики / Мин. образ. и науки РФ; Урал. федер. ун-т. Екатеринбург; М.: ТХТ. 197 с.

Тошович Б. (2006) Экспрессивный синтаксис глагола русского и сербского/хорватского языков. М.: Языки славянской культуры. 560 с.

Уильямс Ч. (2011) Китайская культура: Мифы, герои, символы / Пер. с англ. С. Фёдорова. М.: Изд-во Центр-полиграф. 478 с.

Чемоданов Н.С. (1975) Проблемы социальной лингвистики в современном языкознании // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. С. 5–33.

Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. (1978). Введение в социолингвистику. М.: Высшая школа. 215 с.

Якобсон Р. (1975) Лингвистика и поэтика // Структурализм: «За» и «против» / Пер. с англ., фр., нем., чеш., польск. и болг. яз.; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова; [предисл. В.П. Крутоуса]. М.: Прогресс. С. 193–230.

Alsboul, N. (2021) The Emoji Linguistic Functions on Facebook Interactions among Undergraduate Students at Jadara University in Jordan // Journal for the Study of English Linguistics. No. 1 (9). Pp. 43–54.

Bonvillain, N. (2016) The Routledge Handbook of Linguistic Anthropology. L.; N. Y.: Routledge Taylor & Francis Group. 494 p.

Coleman, J. (2012) The Life of Slang. Oxford University Press. 354 p.

Danesi, M. (2016) The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of internet. N. Y.: Bloomsbury Academic. 208 p.

Danesi, M. (2021) The Law and Emojis: Emoji Forensics // International Journal of the Semiotics. No. 32. Pp. 1117–1139.

Emojipedia. Available at: https://emojipedia.org/. Access date: 12.12.2023.

Godard, R., Holtzman, S. (2022) The Multidimensional Lexicon of Emojis: A New Tool to Assess the Emotional Content of Emojis // Frontiers in psychology. Vol. 13. Pp. 1–10.

Leitner, G. (2008). The Sociolinguistics of Communication Media // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell Publishing. Pp. 187–205.

Nyakana, C., Smith, C., Mphahlele, L. (2023) Emojis as Novel Way to Communicate Using Whatsapp // Per Linguam: A Journal of Language Learning = Per Linguam: Tydskrif vir Taalaanleer. Vol. 39. No. 2. Pp. 115–133.

Pei, J., Cheng, L. (2022) Deciphering emoji variation in courts: A social semiotic perspective // Humanities and Social Sciences Communications. No. 9 (445). Pp. 1–8.

Siyang, L. (2015) The golden era of emoji an exploration of emoji and emoji system design: An exploration of emoji and emoji system design. Available at: https://www.politesi.polimi.it/handle/10589/142189. Access date: 08.12.2023.

Zhang, L., Zhang, L., Zhao, J., Xu, K. (2016) Who creates Trends in Online Social Media: The Crowd or Opinion Leaders? // Computer-Mediated Communication. No. 21. Pp. 1–16.

References

Anisimova, E.E. (2003) Lingvistika teksta i mezhkul'turnaja kommunikacija: (Na materiale kreolizovannyh tekstov) [Linguistics of a text and cross-cultural communication: (On the material of creolized texts)]: Uch. posobie dlja stud. fak. in. jaz. vuzov. M.: Akademija. 128 p. (In Russ.)

Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001) Sociolingvistika. M.: Ros. gos. gum. un-t. 315 p. (In Russ.)

Vojakina, E.Ju. (2023). Vizualizacija sovremennoj cifrovoj kommunikacii: Jemodzi vmesto slov [Visualization of modern digital communication: Emoji instead of words] // Prepodavatel' XXI vek. No. 2. Vol. 2. Pp. 392–404. (In Russ.)

Grachev, M.A. (2003) Slovar' tysjacheletnego russkogo argo: 27 000 slov i vyrazhenij [Dictionary of millennial Russian argot: 27 000 words and expressions]. M.: RIPOL KLASSIK. 1120 p. (In Russ.)

Grachev, M.A. (2016) Sudebno-lingvisticheskaja jekspertiza [Forensic linguistic examination]: Uchebnik. 2-e izd., ster. M.: FLINTA. 360 p. (In Russ.)

Kobozeva, I.M. (1986) "Teorija rechevyh aktov" kak odin iz variantov teorii rechevoj dejatel'nosti // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XVII. Pp. 7–21. (In Russ.)

Plotnikova, A.M. (2017) Konfliktnaja kommunikacija v aspekte sudebnoj lingvistiki [A conflict communication in the aspect of forensic linguistics] / Min. obraz. i nauki RF; Ural. feder. un-t. Ekaterinburg. M.: THT. 197 p. (In Russ.)

Toshovich, B. (2006). Jekspressivnyj sintaksis glagola russkogo i serbskogo/horvatskogo jazykov. [Expressive syntaxis of a Russian and Serbian verb] M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury. 560 p. (In Russ.)

Uil'jams, Ch. (2011) Kitajskaja kul'tura: Mify, geroi, simvoly [Chinese culture: Myths, heroes and symbols] / Per. s angl. S. Fedorova. M.:Izdatel'stvo Centr-poligraf. 478 p. (In Russ.)

Chemodanov, N.S. (1975) Problemy social'noj lingvistiki v sovremennom jazykoznanii [Problems of social linguistics in a modern foreign language science] // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. VII. Sociolingvistika. Pp. 5–33. (In Russ.)

Shvejcer, A.D., Nikol'skij, L.B. (1978). Vvedenie v sociolingvistiku [Introduction to sociolinguistics]. M.: Vyshjejshaja shkola. 215 p. (In Russ.)

Jakobson, R. (1975) Lingvistika i pojetika [Linguistics and poetics] // Strukturalizm: "za" i "protiv" / Per. s angl., fr., nem., chesh., pol'sk. i bolg. jaz.; pod red. E.Ja. Basina i M.Ja. Poljakova; [predisl. V.P. Krutousa]. M.: Progress. Pp. 193–230. (In Russ.)

Alsboul, N. (2021) The Emoji Linguistic Functions on Facebook Interactions among Undergraduate Students at Jadara University in Jordan // Journal for the Study of English Linguistics. No. 1 (9). Pp. 43–54.

Bonvillain, N. (2016) The Routledge Handbook of Linguistic Anthropology. L.; N. Y.: Routledge Taylor & Francis Group. 494 p.

Coleman, J. (2012) The Life of Slang. Oxford University Press. 354 p.

Danesi, M. (2016) The semiotics of emoji: The rise of visual language in the age of internet. N. Y.: Bloomsbury Academic. 208 p.

Danesi, M. (2021) The Law and Emojis: Emoji Forensics // International Journal of the Semiotics. No. 32. Pp. 1117–1139.

Emojipedia. Available at: https://emojipedia.org/. Access date: 12.12.2023.

Godard, R., Holtzman, S. (2022) The Multidimensional Lexicon of Emojis: A New Tool to Assess the Emotional Content of Emojis // Frontiers in psychology. Vol. 13. Pp. 1–10.

Leitner, G. (2008) The Sociolinguistics of Communication Media // The Handbook of Sociolinguistics / Ed. by F. Coulmas. Oxford: Blackwell Publishing. Pp. 187–205.

Nyakana, C., Smith, C., Mphahlele, L. (2023)Emojis as Novel Way to Communicate Using Whatsapp // Per Linguam: A Journal of Language Learning = Per Linguam: Tydskrif vir Taalaanleer. Vol. 39. No. 2. Pp. 115–133.

Pei, J., Cheng, L. (2022) Deciphering emoji variation in courts: A social semiotic perspective // Humanities and Social Sciences Communications. No. 9 (445). Pp. 1–8.

Siyang, L. The golden era of emoji an exploration of emoji and emoji system design: An exploration of emoji and Swift Key Emoji Report. Available at: https://dokumen.tips/documents/swiftkey-emoji-report.html. Access date: 16.11.2023.

Siyang, L. (2015) The golden era of emoji an exploration of emoji and emoji system design: an exploration of emoji and emoji system design. Available at: https://www.politesi.polimi.it/handle/10589/142189. Access date: 08.12.2023.

Zhang, L., Zhang, L., Zhao, J., Xu, K. (2016) Who creates Trends in Online Social Media: The Crowd or Opinion Leaders? // Computer-Mediated Communication. No. 21. Pp. 1–16.

Бабук Александр Вадимович – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований государственного учреждения «Научно-практический центр государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», Республика Беларусь
https://orcid.org/0000-0002-8805-3910
Адрес: 220114, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Филимонова, 25
Эл. адрес: alexander-babuk@yandex.ru

Alexander V. Babuk – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher of Psycho & Lingustic Laboratory of Scientific Department of Humanities of the State Institution
“Scientific and Practical Center of the State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus”
https://orcid.org/0000-0002-8805-3910
Address: 25 Filimonova St., Minsk, 220114, Republic of Belarus
E-mail: alexander-babuk@yandex.ru

Для цитирования: *Бабук А.В.* Эмодзи как элементы интернет-жаргона при маскировке денотата и различных проявлениях речевой агрессии в компьютерно-опосредованной коммуникации // Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 36–51. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-36-51

For citation: *Babuk A.V.* Emoji as elements of online-jargon in denotation disguise and different types of speech aggression in computer-mediated communication // Socioliguistics. 2024. No. 2 (18). Pp.36–51. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-36-51

The article was submitted 20.12.2023;
approved after reviewing 12.04.2024;
accepted for publication 12.06.2024.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ
LANGUAGE PROCESSES

УДК 811.161.1(089) DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-52-66

ДИНАМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОТВЕТ НА ГЛОБАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ ВРЕМЕНИ

Ольга Б. Сиротинина
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация

Анна В. Дегальцева
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Российская Федерация

Демократизация, цифровизация и глобализация – три магистральных социокультурных процесса, оказывающих существенное влияние на состояние современного русского языка и динамику его норм. Статья посвящена рассмотрению позитивных и негативных воздействий данных процессов на русский язык и речевое общение. Исследование проводится на материале интернет-коммуникации, научной, деловой и медийной речи и базируется на применении общенаучных методов: описательного, сопоставительного, интерпретативного. Авторы приходят к выводу, что позитивными проявлениями демократизации являются бóльшая степень речевой свободы, реализация творческого потенциала личности, негативными – обеднение и огрубление речи, нарушение языковых и речевых норм, снижение речевого контроля в сферах общения, требующих точности в выражении информации. Положительные следствия цифровизации коммуникации: оперативность передачи информации, установление и поддержание контактов при дистантном общении, появление новых жанров речи и особой (устно-письменной) формы общения; негативные: рост речевой агрессии, укоренение клипового мышления, отсутствие привычки самостоятельно находить и анализировать информацию. К позитивным проявлениям глобализации коммуникации относятся развитие семантики слов, обогащение словарного и морфемного состава русского языка, к негативным – сужение синонимических рядов слов, подражание зарубежным образцам в ущерб сохранению ценностей русской культуры.

***Ключевые слова**: демократизация речи, глобализация коммуникации, цифровизация общения, культура речи, динамика речевых норм*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© О.Б. Сиротинина, А.В. Дегальцева, 2024

DYNAMIC PROCESSES IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: ANSWER TO THE GLOBAL CHALLENGES OF THE TIME

Olga B. Sirotinina
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation

Anna V. Degaltseva
Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation

Democratization, digitalization and globalization are the main socio-cultural processes that affect the state of the modern Russian language and the dynamics of its norms. The article examines the positive and negative impact of these processes on Russian communication. The research is based on the material of Internet, scientific, business and media speech and is grounded in the application of general scientific methods. The positive manifestations of democratization are the large degree of speech freedom, the realization of the creativeness, the negative – impoverishment and coarsening of speech, violation of speech norms, a decrease of speech control in areas of communication that require accuracy in the expression of information. The positive consequences of digitalization are the speed of information transfer, the maintenance of contacts in distant communication, the emergence of new genres of speech and an oral-written form of communication; negative ones are the growth of speech aggression and clip thinking. The positive manifestations of the globalization are the development of the semantics of words, the enrichment of the vocabulary and morphemic composition of the Russian language, the negative – the impoverishment of its synonymous means, imitation of foreign models to the detriment of the preservation of the values of Russian culture.

Keywords: *democratization of speech, globalization of communication, digitalization of communication, culture of speech, dynamics of speech norms*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Olga B. Sirotinina, Anna V. Degaltseva, 2024

1. Введение

На развитие русского языка влияет множество внутрилингвистических и экстралингвистических факторов. Среди них, например, тенденции к аналитизму и синтетизму, приращению и упрощению смысла, речевой избыточности и недостаточности и под. Кроме того, на языковые и речевые нормы влияют уровень развития общества, языковая политика, межкультурные контакты, художественная литература, обучение и т.д. В конце XX – начале XXI в. наиболее существенное воздействие на язык и речь оказывают три масштабных социокультурных процесса: демократизация, глобализация и цифровизация важнейших областей жизни и деятельности человека [Сиротинина и др., 2023].

Демократизация речи явилась следствием перестройки российского общества и отказа от советского официоза. Прежде всего, появилась гласность, расширился круг проблем, доступных

для массового обсуждения. Вместе с тем, демократизация речи привела к тому, что действующие в узусе тенденции смогли оказать сопротивление традиционной норме. Вследствие этого в литературный язык проникли сниженные и нелитературные (жаргонные, просторечные) элементы.

Развитие глобализационных процессов ознаменовало собой становление капитализма и рост научно-технического прогресса. Сегодня глобализация охватила важнейшие сферы жизни общества: политику, экономику, науку и образование, культуру, спорт. В разных языковых сообществах наблюдается активное «внедрение норм коммуникативного поведения американской культуры как основного источника глобализационной культуры» [Галичкина, 2012: 10].

Вследствие научно-технического прогресса и глобализации общества стала возможной цифровизация коммуникации. Благодаря интернету и цифровым технологиям осуществляется оперативная передача информации практически в любую точку мира, что способствует бурному развитию СМИ, науки, экономики, поддержанию тесных социокультурных контактов между жителями разных (часто – очень отдаленных) территорий.

2. Методика анализа

Динамические процессы, происходящие в языке и речи, были изучены нами на материале важнейших сфер общения: научной, деловой, медийной и обиходно-бытовой. Результаты нашего мониторинга современной речи и активных языковых процессов были изложены в монографии «Динамика норм русского языка: ответ на вызовы времени и новые условия жизни» [Сиротинина и др., 2023]. Целью данной работы является изучение позитивных и негативных проявлений демократизации, цифровизации и глобализации в языке и речи. Материалом исследования служат современная научная, деловая и медийная речь, а также интернет-коммуникация. К анализу привлекаются как собственные материалы (например, записи делового общения, сделанные А.В. Дегальцевой), так и данные из открытых сетевых источников (сайты с научными статьями, электронные СМИ и др.). Исследование базируется на применении приемов индуктивного и дедуктивного анализа, а также описательного, сопоставительного, интерпретативного методов.

3. Результаты и обсуждение

Демократизация – один из магистральных процессов, оказывающих влияние на нормы русского языка с конца XX в. по настоящее время. Его воздействие имеет как положительные, так и негативные следствия для русской речевой культуры.

Позитивными проявлениями демократизации российского социума стали гласность, свобода в выражении мнений, разнообразие речевых жанров и тем для публичного обсуждения. Прежде всего это нашло отражение в «нестрогих» сферах общения (медийной, художественной, обиходно-бытовой), которые предоставляют адресанту широкий спектр возможностей для реализации его коммуникативных задач.

Демократизация речи, однако, имеет и негативные последствия. Свобода слова привела к тому, что в российском обществе практически исчезли табуированные для массового обсуждения темы, все чаще стала нарушаться неприкосновенность личной жизни. Кроме того, в современных СМИ практически перестала звучать эталонная речь, а значит, бóльшая часть россиян, к сожалению, утратила важнейший источник знаний о языковых и коммуникативных нормах. Страницы прессы и электронные медийные издания пестрят свойственными непринужденной речи сниженными словами, жаргонизмами, просторечными лексемами и разговорными синтаксическими конструкциями: *Работы начались* ***аккурат*** *за несколько дней до годовщины трагедии 1999-го* (Московский комсомолец. 19.08.2023); *...****назавтра*** *приходится начинать* ***сызнова*** (Коммерсант. 25.05.2018); *Солнце на горных вершинах действительно* ***шпарит*** *сильнее, чем внизу* (Дни.ру. 11.10.2022); *Опоздаешь на минуту – и всё, запись обнуляется, записывайся* ***по новой*** (Московский комсомолец 05.07.2022); *Малиновского, Устинова, Соколова спорт-то не* ***шибко*** *интересовал* (Аргументы и факты. 17.10.2018); *Паспортные данные указали* ***от балды*** (Комсомольская правда. 21.07.2021); *Ты живешь в другой стране, с другой культурой –* ***на фига*** *тебе это?* (Известия. 25.09.2020); *Мы понимаем, что нам* ***впаривают*** *невиданное* ***фуфло****, но не можем точно сказать, зачем нам его* ***впаривают*** (Московский комсомолец. 09.06.2019); *Осмысленная архитектура –* ***это про*** *здоровье живущих в ней* (Комсомольская правда. 22.09.2023); *НХЛ не зависит от IIHF* ***от слова «совсем»*** *и годами заставляла IIHF и МОК уважать свою силу* (Известия. 04.09.2023). Это объясняется стремлением журналистов проявить ложно понимаемую ими языковую «солидарность» с массовым читателем.

Демократизация речи создала риск обеднения языка, в частности реже стало обнаруживать себя синонимическое богатство. Так, в СМИ с конца 1990-х годов нелитературное *по новой* заменило собой целый ряд слов и выражений со значением повторяющего действия (*вновь, заново, снова, опять, еще раз, в очередной раз* и под.): *Вначале планы декларируются, затем не сбываются, после чего всё происходит* ***по новой*** (Ведомости. 05.04.2021); *В это время добыча песка прекратилась, но в 2015 году все началось* ***по новой*** (Московский комсомолец. 18.07.2017). Это наречие проникло даже в тексты научных работ: *Г. Киссинджер нацеливал на*

это правительство Гайдара ещё в 1992 г. По их же мнению, катастрофа дает шанс начать ***по новой*** (Ищенко Н.С. Проблемы экономической и информационной безопасности).

Демократизация коснулась и так называемых строгих сфер общения: деловой и научной речи. Так, в современной деловой коммуникации снижается степень официальности [Голев и др., 2007], отмечается «раздвоенность деловой речи с одновременным ее тяготением к стереотипам книжности и свободной разговорности» [Химик, 2011: 258]. Современная деловая коммуникация характеризуется «сниженным уровнем контроля, выходом за рамки статусно-ролевого поведения… избирательно-ситуативным принципом соблюдения норм» делового общения [Колтунова, 2005: 182]. В корпоративном общении теперь допускаются рассказы о семейных делах, приветствуется выражение эмоций, вольно трактуются статусные отношения с начальством [Милёхина, 2013]. Например, в корпоративной почте крупной российской компании, обеспечивающей информационное сопровождение продаж (в целях сохранения конфиденциальности деловой информации не будем обнародовать ее название), регулярно появляются массовые рассылки писем, содержащих поздравления с юбилеями, свадьбами, рождением детей и др. Приведем пример такого письма:

Дорогие коллеги!

Спешим поделиться радостной новостью!

В среду, 30 августа, у ведущего специалиста по проектно-сметной документации (далее приводятся имя и фамилия сотрудницы) *родился сынок Гордей. Рост мальчика 55 см., вес – 3,95 кг.*

Желаем Гордею расти здоровым, счастливым и беззаботным малышом! Маме пожелаем семейного благополучия и крепкого здоровья! От души поздравляем со счастливым событием!

С уважением, отдел управления персоналом.

Письмо обрамлено в красивую голубую рамку с цветами и сопровождается фотографией младенца (по-видимому, взятой из открытого интернет-источника).

Кроме того, следствием демократизации речи является активное проникновение в тексты деловых писем разговорных и нелитературных слов и выражений. В качестве примера приведем фрагменты корпоративных писем сотрудников российских финансовых организаций (материалы были получены с разрешения работников, однако для сохранения конфиденциальности не станем раскрывать название корпорации): *Сегодня же направлю все вопросы в* ***Питер***; *Если он сможет создать эффективную дистрибьюционную компанию в будущем, то* ***флаг*** *ему* ***в руки***; *Коллеги, приношу извинения за отсутствие на встрече,* ***инет*** *опять* ***вырубился***; *При составлении прогноза движения денежных средств я пытался*

максимально детально оценить ***дебиторку*** *и* ***кредиторку***; *Так стоит ли это того чтобы* ***обуть*** *его на 2 тыс.?* В деловых письмах руководителей, адресованных подчиненным, встречаются слова и выражения, нарушающие этику общения: *Я уже* ***дал пинка****… чтобы он просмотрел список; Такая* ***ж…па*** *случается с вами уже второй раз, я чувствую, пора начинать принимать меры.* Безусловно, это недопустимо в деловой переписке.

Демократизация коснулась и научного общения. В частности это отразилось в снижении уровня речевого контроля адресантов, вследствие чего в тексты научных публикаций начали неоправданно проникать разговорные и просторечные слова и выражения: *Шведские ученые доказали, что излучение* ***мобильников*** *постепенно разрушает важные клетки головного мозга* (Вершинин А.Е., Авдонина Л.А. Влияние сотовых телефонов на здоровье человека); *…десять лет с 1935 года по 1945 год… ушло на ментальную подготовку к главной книге его жизни, еще десять лет до 1955 года – на ее создание, а последние пять лет* ***аккурат*** *до смерти – на ее защиту* (Воробьёва А.Е. Вневременные требования Иммануила Канта в эссе «Ответ на вопрос: что такое просвещение?»); *Успешные и развитые кредитные институты* ***завсегда*** *привлекали внимание потенциальных заемщиков и инвесторов <…>* (Фалынскова А.И., Медюха Е.В. Эффективность деятельности кредитных институтов на финансовом рынке); *В большинстве исследований не было обнаружено различий,* ***касаемых*** *количества Treg-клеток в крови пациентов, страдающих PC…* (Маттоцци К. и др. Роль регуляторных Т-клеток в патогенезе псориаза: обзор литературы); *Российский* ***айтишник*** *уже сегодня любит работать из дома за несколько тысяч километров от головного офиса* (Гриднева М.А., Федосова М.Ю. Особенности работы с персоналом в IT-сфере); *К сожалению… борьба человечества с катастрофической нестабильностью ведется* ***ни шатко ни валко****…* (Кононов А.А. Общая теория неуничтожимости человечества (ОТН)).

Другим важнейшим процессом, оказавшим существенное влияние на русский язык (как и многие другие мировые языки), является глобализация. Активно реализуются международные образовательные стандарты и программы, организуются международные конференции, фестивали; научные работы снабжаются аннотациями и ключевыми словами на английском языке. Развитие современных технологий и бизнес-процессов ориентируется на зарубежный опыт. Так, под влиянием английского языка в деловой документации и переписке названия должностей, наименования отделов, жанров документации и даже социальных статусов стали писаться с прописной буквы: *Отдел Контроля Качества Департамента Клиентского Обслуживания*; *Старший Специалист Управления Сопровождения Продаж*; *Совет Директоров*; *Ведущий Консультант* и т.д.

Одним из очевидных следствий глобализации является проникновение во многие мировые языки заимствований из английского языка. Безусловно, «внешнее влияние на язык почти никогда не оставляет общество равнодушным и нередко воспринимается носителями языка-реципиента (во всяком случае, частью из них) болезненно и нервно», ведь заимствование «может ассоциироваться с чем-то идеологически, духовно или культурно чуждым, даже враждебным и уж несомненно засоряющим язык» [Крысин, 2002: 27]. Приведем примеры обсуждения этой проблемы в социальной сети «ВКонтакте» (с сохранением авторских орфографии и пунктуации): *В последнее время слишком много стало заимствований, причем бессмысленных, когда есть хорошее русское слово. Просто так молодежь начинает вводить новые слова, мол так красивее звучит. В общем бред* (https://vk.com/wall-89379348_165466); *Откуда у детей возьмется патриотизм, если они русских слов не знают*? *Патриоты Европы* (https://vk.com/wall-87721351_4374617). Российские власти в основном негативно относятся к потоку неоправданных заимствований, хлынувшему в современную русскую речь. Они рекомендуют населению отказаться от использования (особенно в публичной речи) модных иностранных слов, полные аналоги которых есть в родном языке. С точки зрения культуры и экологии речи, с таким мнением трудно не согласиться. Подтверждением озабоченности власти состоянием русского языка служат изменения, внесенные 28 февраля 2023 г. Президентом России в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации». Согласно документу, «при использовании русского языка как государственного… не допускается употребление слов и выражений, не соответствующих нормам современного русского литературного языка… за исключением иностранных слов, которые не имеют общеупотребительных аналогов в русском языке и перечень которых содержится в нормативных словарях…» (ФЗ от 28.02.2023 № 52-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственном языке Российской Федерации”»).

Основными факторами, способствующими укоренению заимствованных слов в русском языке, являются их социальный престиж и следование речевой моде. Так, в современном цифровом мире актуальными становятся названия объектов, которые наиболее часто «мелькают» в интернете. Для молодежи, например, модными оказываются заимствования, называющие виды деятельности, регулярно демонстрируемые в сети*: челлендж* (соревнование), *баттл* (битва, противостояние), *пранк* (издевательский розыгрыш), *хейт* (разные формы проявления ненависти или нетерпимости) и под. Возросший интерес к психологии как науке и активное отстаивание прав и свобод человека породил массу новейших заимствований, отражающих важные социально-психологические явления: *абьюз (-инг), боди-позитив, боди-шейминг, буллинг, виктимблейминг, газлайтинг, неглект, харрасмент* и мн.др.

Употребление иноязычной лексики бывает вполне оправданным и эффективным тогда, когда позволяет экономить речевые усилия и печатное пространство. Так, слова *краудфандинг* и *спойлер* используются в СМИ чаще, чем словосочетания *народное финансирование* и *преждевременное раскрытие важных деталей сюжета,* из-за их однословности. В основном иноязычные лексемы входят в язык, если они действительно необходимы: «либо они закрывают какие-то лакуны в лексической системе (*риелтор, банкинг, дилер, брокер* и т.д.), либо обогащают синонимические ряды обозначением оттенков смысла: *киллер* – заказной убийца; *бойфренд* – больше, чем друг, но не просто любовник; *электорат* – не просто избиратели, но именно совокупность избирателей, объединенных по какому-то признаку» [Сиротинина, 2013: 191].

Посредством заимствований обогатилась не только лексическая, но и словообразовательная система русского языка. Так, при участии аффиксов и аффиксоидов *анти-, а-, кибер-, нано-, мега-, супер-, -ер, -инг* и др. активно создаются новые слова: *агендерность, антикибербуллинг, киберспорт, нанотехнологии, суперприз, шопинг, девелопер* и под.

Итак, положительными следствиями употребления заимствований в русском языке являются обогащение его лексического состава и морфемного репертуара, пополнение синонимических рядов, развитие значений слов. Негативным последствием процесса глобализации является засорение родного языка потоком неоправданно и неуместно употребляющихся в разных сферах общения англицизмов: *Внедрение виртуальной реальности в сознание человека привело к тому, что она заняла значительное место в жизни* ***тинейджеров*** (Романенко И.Б., Пую Ю.В. Манипулятивная восприимчивость тинейджеров и виртуальная реальность); *Запуск Maker's Mark Private Select преподносится как* ***экспириенс****, сочетающий образовательную часть,* ***энтертейнмент*** *и эстетику* (lenta.ru. 05.12.2019); *В* ***топовых*** *вузах счет в битве за поступление идет на десятые доли балла!* (Комсомольская правда. 25.07.2020). Заимствования сегодня используются даже для выражения эмоций (*Упс! Вау!*) и поддержания контакта с собеседником (*Окей! Гуд!*). В письменной речи англицизмы нередко приводятся в латинском написании, что затрудняет их восприятие адресатом, не знающим этого иностранного языка: …*почему эта выставка из разряда* ***must see****?* (lenta.ru. 28.10.2019); *Это настоящий* ***must have*** *для обитателей большого города* (Эксперт. 2015. № 11); ***True style*** *как зеркало хип-хоп-революции* (Московский комсомолец. 18.04.2018); *Повышение эффективности контроля качества за счет применения методики* ***QC story*** (название научной статьи А.А. Малахина); *Вам необходимо обратиться в* ***HR*** (от англ. HR – Human Resources – кадровый отдел) (из делового письма). Чрезмерных и неоправданных заимствований в разных сферах общения стало так много, что не знающим английского языка (в его современном состоянии) даже газету читать становится сложно! В связи с этим адресанту необходимо проявлять заботу об адресате: либо,

если это возможно, заменять заимствования русскими словами (*топовый – лучший, пруф – доказательство* и под.), либо разъяснять значения иностранных слов, например: *А вот отечественные* ***лонгсеттеры – любители проводить в теплых краях весь зимний сезон, работая удаленно****, – особые надежды возлагают на Малайзию* (Московский комсомолец. 01.08.2022).

Как мы уже отмечали, еще один магистральный процесс, оказавший влияние на язык и речь, – это цифровизация общества, главным следствием которой можно считать появление интернета. Всемирная паутина диктует нам новые принципы и законы общения. Основными характеристиками интернет-коммуникации являются преодоление пространственно-временных барьеров, анонимность общения, равноправие статусов коммуникантов (в неформальной обстановке), активное использование визуальных средств передачи информации (шрифтовых выделений, рисунков, эмодзи, мемов и др.), свобода в выборе языковых средств, «публичная интимность» [Кронгауз, 2013], скандальность, ориентация на западные образцы, а также ценностные и поведенческие особенности молодежи [Галичкина, 2012].

Вследсвие цифровизации появилась новая форма общения – неформальная письменная интернет-коммуникация. Ее статус в современной коллоквиалистике до сих пор не определен и остается дискуссионным. Так, некоторые ученые считают письменное электронное общение естественной письменной речью (в противоположность искусственной письменной речи), которая характеризуется необработанностью, неофициальностью, отсутствием профессиональной направленности, высокой степенью спонтанности [Обыденное метаязыковое сознание… 2012]. Существует также точка зрения, согласно которой интернет-коммуникация считается особой – третьей – формой речи: устно-письменной [Yates, 1996; Лутовинова, 2008 и др.] или «устной письменной» [Горошко, 2012]. Основанием для выделения третьей формы речи является факт, что «интернет-коммуникация характеризуется постоянно увеличивающейся степенью синхронности, разговорности и эмоциональности, что приближает» ее «формально письменное пространство к устной форме существования языка» [Авдеева, 2016: 23]. Кроме того, ряд лингвистов относит письменные жанры интернет-коммуникации (чаты, форумы, сетевые дневники и под.) к письменной разговорной речи [Голев, 2013; Литневская, 2011 и др.].

Благодаря интернету появились новые площадки для ежедневного (порой многочасового) общения: социальные сети, мессенджеры, веб-порталы. В виртуальной среде сформировались особые жанры (гипержанры): чаты, форумы, блоги и видеоблоги и др. Цифровизация разных сфер жизни привела к тому, что традиционные жанры речи и форматы общения переместились в интернет.

Сегодня все чаще бумажные деловые письма заменяются электронными, собеседования и совещания проходят в сети, место рукописных дневников занимают сетевые (блоги), традиционная пресса сосуществует с электронными медиаизданиями, многие научные публикации становятся доступными для чтения в интернете и т.д.

В сети укоренился новый способ организации и структурирования информации – гипертекст, включающий в себя гиперссылки. Посетители электронных медийных изданий могут переходить по ним к интересующим их новостям или тематическим блокам. На сайтах научных изданий или в электронных библиотеках появились прямые ссылки, благодаря которым осуществляется практически мгновенный переход к публикациям, содержащим определенные ключевые слова или закрепленным за выбранным автором. Это, конечно, намного упрощает и ускоряет доступ к информации и увеличивает охват потенциальной аудитории. В деловых письмах появляются блоки со ссылками на социальные сети отправителя или сайт организации, в которой он работает, что позволяет налаживать и расширять рабочие контакты. Кроме того, активное проникновение интернет-технологий в письменную деловую коммуникацию привело к тому, что в ней используются графические особенности, присущие интернет-общению (например, смайлы и замещающие их скобки, а также шрифтовые выделения), а для установления и окончания контакта применяются специфические сетевые формулы приветствия и прощания: *Доброго времени суток!* (в корпорациях, где работают люди, живущие в разных часовых поясах); *До связи!*; *На связи!*

Конечно, появление интернета – это благо для человечества, но тем не менее сеть таит в себе и опасности. Доступность и оперативность передачи информации привели к снижению уровня речевого самоконтроля и заботы о правильности и эффективности речи. Негативным следствием цифровизации является тиражирование нарушений языковых и речевых норм. Форумы, сайты, социальные сети наводнены ошибками, которые чаще всего никем не исправляются, а значит, человек с недостаточно сформированным уровнем речевой компетентности или вовсе не заметит их, или запомнит и в будущем станет воспринимать как норму.

Кроме того, всемирная паутина отучает человека от привычки вдумчиво читать и запоминать информацию. Повсеместное распространение интернет-технологий привело к появлению целого поколения людей, которые быстро реагируют, но медленно думают. У тех, кто проводит много времени в сети, развивается особое мышление – клиповое. Они, «усваивая готовые образы и суждения… принимают полученные установки на веру и не размышляют об их истинности и справедливости» [Ерахтин, 2019: 39]. Ученые констатируют, что киберпространство ведет к потере многообразия и нелинейности бытия [Богуславская и др.,

2020]. Неврологи с сожалением отмечают, что у людей, долго находящихся в виртуальном мире, происходят негативные изменения в нейронах головного мозга.

С одной стороны, благодаря интернету людям стало намного легче заводить новые знакомства, обретать друзей и возлюбленных. С другой – именно в сети стала возможной массовая и публичная травля личности. В интернете находят выражение такие виды речевой агрессии, как *троллинг*, *флейм (-инг)*, *кибербуллин*г. Троллинг и флейм (-инг) – манипулятивные жанры агрессивной сетевой коммуникации [Воронцова, 2016; Галичкина, 2012]. Сущность троллинга заключается «в выдвижении провокационных утверждений, которые могут вызвать негативную эмоциональную реакцию пользователей сети», а флейминга – «в инвективной организации общения, намеренном использовании сниженной и вульгарной лексики и карнавальном переворачивании норм поведения» [Галичкина, 2012: 8]. При этом троллинг представляет собой «отдельное высказывание, самостоятельное речевое действие, а флейминг – это диалогическое или полилогическое взаимодействие» [Воронцова, 2016: 111].

Конечно, нельзя утверждать, что проявления сетевой агрессии принципиально отличаются от таковых в непосредственном общении, однако интернет-травля характеризуется большей анонимностью, бóльшим временны́м и пространственным охватом субъектов, вовлеченных в этот процесс.

Кибербуллинг, по сравнению с троллингом и флеймингом, несет в себе гораздо большую опасность. Это быстро распространившийся за рубежом и в России вид сетевой травли личности группой людей или одним человеком, при котором преследователи разрушают имидж жертвы, «порождая сомнение в ее моральных качествах. Одна из наиболее угрожающих ситуаций – когда преследователь публикует в сети информацию, которая в действительности подвергает жертву опасности» [Бочавер и др., 2014: 181]. К сожалению, среди жертв такой виртуальной травли произошло уже немало суицидов. Высокая частота агрессии в сетевом общении говорит не только о падении нравов, но и «о компенсаторной функции интернет-коммуникации, замещающей переживания в реальной действительности суррогатными сильными эмоциями в виртуальном пространстве Всемирной электронной сети» [Галичкина, 2012: 34].

4. Заключение

Итак, сегодня для русского языка главными вызовами времени являются три магистральных процесса: цифровизация, глобализация и демократизация важнейших отраслей деятельности человека. Под их влиянием происходят жанровые и стилистические изменения в русской речи, трансформируются коммуникативные нормы и возникает новая «речевая формация» – интернет-коммуникация, которая оказывает существенное влияние на все сферы

жизни современного общества. Позитивными проявлениями демократизации, цифровизации и глобализации являются бóльшая степень свободы в выражении мыслей, реализация творческого потенциала личности, оперативность передачи информации, поддержание личных и деловых контактов при дистантном общении, появление новых жанров речи и особой – третьей (устно-письменной) – формы коммуникации, обогащение словарного и морфемного состава русского языка, развитие значений слов и мн. др. Негативными последствиями этих процессов являются снижение и огрубление речи, обеднение синонимических средств языка и нарушение его норм, рост конфликтогенного общения, развитие клипового мышления, подражание моде и зарубежным образцам в ущерб сохранению ценностей традиционной русской культуры.

Литература

Авдеева И.А. (2016) Особенности виртуальной коммуникации и организации виртуальных сообществ в пространстве глобальной сети // Философия и общество. № 4. С. 20–33.

Богуславская В.В., Богуславский И.В. (2020) Язык как средство общения в эпоху глобальной цифровизации // RELGA. № 4(372). Режим доступа: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main. Дата обращения: 12.08.2023.

Бочавер А.А., Хломов К.Д. (2014) Кибербуллинг: Травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал ВШЭ. № 3. С. 177–191.

Воронцова Т.А. (2016) Троллинг и флейминг:Речевая агрессия в интернет-коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. № 2. С. 109–116.

Галичкина Е.Н. (2012) Компьютерная коммуникация: Лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство: автореф. дис. … д. филол. наук. Волгоград. 40 с.

Голев Н.Д. (2013) Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. № 5 (25). С. 12–30.

Голев Н.Д., Сологуб О.П. (2007) Государственная коммуникация: (Параметры официализации текста) // Стереотипность и творчество в тексте: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. М.П. Котюровой. Пермь: Изд-во Пермск. ун-та. С. 46–57.

Горошко Е.И. (2012) Современная интернет-коммуникация: Структура и основные параметры // Интернет-коммуникация как новая речевая формация / Науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. М.: ФЛИНТА: Наука. С. 9–52.

Ерахтин А.В. (2019) Гуманитаристика, философия и клиповое мышление // Вестник Ивановского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. № 2. С. 35–41.

Колтунова М.В. (2005) Конвенции как прагматический фактор делового диалогического общения. М.: Акад. гуманитар. исслед. 228 с.

Милёхина Т.А. (2013) Корпоративная коммуникация в аспекте профессиональной стратификации национального языка // Стратификация национального языка в современном российском обществе: Тезисы междунар. конф. СПб.; Златоуст. С. 173–182.

Кронгауз М.А. (2013) Самоучитель олбанского. М.: АСТ. 440 с.

Крысин Л.П. (2002) Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языкознания. № 6. С. 27–34.

Литневская Е.И. (2011) Письменные формы русской разговорной речи: (К постановке проблемы). М.: МАКС Пресс. 304 с.

Лутовинова О.В. (2008) Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. № 71. С. 58–65.

Обыденное метаязыковое сознание: Онтологические и гносеологические аспекты. Ч. IV (2012) / отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово: Изд-во КемГУ, 550 с.

Сиротинина О.Б. (2013) Размышления о том, как должна пониматься борьба за экологию языка // Экология языка и коммуникативная практика. № 1. С. 177–193.

Сиротинина О.Б., Дегальцева А.В. (2023) Динамика норм русского языка: Ответ на вызовы времени и новые условия жизни. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. 128 с.

Химик В.В. (2011) Русская деловая речь: (Письменные и устные формы): Уч. пособ. для студентов-нефилологов. СПб.: СПГУТД. 350 с.

Yates, S.T (1996) Oral and Written Linguistics Aspects of Computer Conferencing: A Corpus Based Study // Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing. Pp. 29–46.

References

Avdeeva, I.A. (2016) Osobennosti virtual'noj kommunikacii i organizacii virtual'nyh soobshchestv v prostranstve global'noj seti [Features of virtual communication and organization of virtual communities in the global network space]. Filosofiya i obshchestvo. No. 4. Pp. 20–33. (In Russ.)

Bochaver, A.A., Hlomov, K.D. (2014) Kiberbulling: Travlya v prostranstve sovremennyh tekhnologij [Cyberbullying: Harassment in the space of modern technologies]. Psihologiya. Zhurnal VSHE. No. 3. Pp. 177–191. (In Russ.)

Boguslavskaya, V.V., Boguslavskij, I.V. (2020) Yazyk kak sredstvo obshcheniya v epohu global'noj cifrovizacii [Language as a means of communication in the era of global digitalization]. RELGA. No. 4 (372). Available at: http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main. Access date: 12.08.2023 (In Russ.)

Galichkina, E.N. (2012) Komp'yuternaya kommunikaciya: Lingvisticheskij status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo [Computer communication: Linguistic status, symbolic means, genre space]. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philol.). Volgograd. 40 p. (In Russ.)

Golev, N.D. (2013) Russkaya pis'mennaya razgovornaya rech' i eyo otrazhenie v obydennom metayazykovom soznanii uchastnikov virtual'noj kommunikacii [Russian written colloquial speech and its reflection in the everyday metalanguage consciousness of participants in virtual communication] // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Ser.: Filologiya. No. 5 (25). Pp. 12–30. (In Russ.)

Goroshko, E.I. (2012) Sovremennaya internet-kommunikaciya: struktura i osnovnye parametry [Modern Internet communication: structure and main parameters] // Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya [Internet communication as a new speech formation] / Ed. by T.N. Kolokol'ceva, O.V. Lutovinova. M.: FLINTA: Nauka. Pp. 9–52. (In Russ.)

Himik, V.V. (2011) Russkaya delovaya rech': (Ps'mennye i ustnye formy): Uchebnoe posobie dlya studentov-nefilologov [Russian business speech: (Written and oral forms): A textbook for non-philology students]. SPb.: SPSUTD. 350 p. (In Russ.)

Koltunova, M.V. (2005) Konvencii kak pragmaticheskij faktor delovogo dialogicheskogo obshcheniya [Conventions as a pragmatic factor of business dialogical communication]. M.: Academy of Humanities Research. 228 p. (In Russ.)

Krongauz, M.A. (2013) Samouchitel' olbanskogo [Self-study of Olbansky]. M.: AST. 440 p. (In Russ.)

Krysin, L.P. (2002) Leksicheskoe zaimstvovanie i kal'kirovanie v russkom yazyke poslednih desyatiletij [Lexical borrowing and calculus in the Russian language of recent decades] // Voprosy yazykoznaniya. No. 6. Pp. 27–34. (In Russ.)

Litnevskaya, E.I. (2011) Written forms of Russian colloquial speech: (To the formulation of the problem) [Pis'mennye formy russkoj razgovornoj rechi: (K postanovke problemy)]. M.: MAX Press. 304 p. (In Russ.)

Lutovinova, O.V. (2008) Internet kak novaya “ustno-pis'mennaya” sistema kommunikacii [The Internet as a new “oral-written” communication system] // Izvestiya RGPU im. A.I. Gercena. No. 71. Pp. 58–65. (In Russ.)

Milekhina, T.A. (2013) Korporativnaya kommunikaciya v aspekte professional'noj stratifikacii nacional'nogo yazyka [Corporate communication in the aspect of professional stratification of the national language] // Stratifikaciya nacional'nogo yazyka v sovremennom rossijskom obshchestve: tezisy mezhdunarodnoj konferencii [Stratification of the national language in modern Russian society: Theses of the international conference]. SPb.; Zlatoust. Pp. 173–182. (In Russ.)

Obydennoe metayazykovoe soznanie: Ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty. Ch. IV (2012) [Everyday Metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects. Part IV] / Ed. by N.D. Golev. Kemerovo: Publishing House of KemGU. 550 p. (In Russ.)

Sirotinina, O.B. (2013) Razmyshleniya o tom, kak dolzhna ponimat'sya bor'ba za ekologiyu yazyka [Reflections on how the struggle for the ecology of language should be understood] // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. No. 1. Pp. 177–193. (In Russ.)

Sirotinina, O.B., Degaltseva, A.V. (2023) Dinamika norm russkogo yazyka: Otvet na vyzovy vremeni i novye usloviya zhizni [Dynamics of norms of the Russian language: Response to the challenges of time and new living conditions]. Saratov: Publishing House of Saratov University. 128 p. (In Russ.)

Voroncova, T.A. (2016) Trolling i flejming: Rechevaya agressiya v internet-kommunikacii // Vestnik Udmurtskogo universiteta [Trolling and flaming: Speech aggression in Internet communication]. Ser.: Istoriya i filologiya. No. 2. Pp. 109–116. (In Russ.)

Yates, S.T (1996). Oral and Written Linguistics Aspects of Computer Conferencing: A Corpus Based Study // Communication: Linguistic, Social and Cross-Cultural Perspective. Amsterdam: John Benjamins Publishing. Pp. 29–46. (In Eng.)

Yerakhtin, A.V. (2019) Gumanitaristika, filosofiya i klipovoe myshlenie [Humanitarianism, philosophy and clip thinking] // Vestnik Ivanovskogo gos. un-ta. Ser.: Gumanitarnye nauki. No. 2. Pp. 35–41. (In Russ.)

Сиротинина Ольга Борисовна – доктор филологических наук, профессор, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Россия
https://orcid.org/0000-0002-3258-4536
Адрес: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.
Эл. адрес: skunak@mail.ru

Дегальцева Анна Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Россия
https://orcid.org/0000-0003-3791-9777
Адрес: 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.
Эл. адрес: deganna@mail.ru

Olga B. Sirotinina – Doctor of Philology, Professor, Professor of Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0002-3258-4536
Address: Astrakhanskaya St., 83, 410012, Saratov, Russian Federation.
Email: skunak@mail.ru

Anna V. Degaltseva – Doctor of Philology, Associate professor, Professor of Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Russian Federation.
https://orcid.org/0000-0003-3791-9777
Address: Astrakhanskaya St., 83, 410012, Saratov, Russian Federation.
Email: deganna@mail.ru

Для цитирования: *Сиротинина О.Б., Дегальцева А.В.* Динамические процессы в современном русском языке: ответ на глобальные вызовы времени // Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 52–66. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-52-66

For citation: *Sirotinina, O.B., Degaltseva, A.V.* Dynamic Processes in the Modern Russian Language: answer to the global challenges of the time // Sociolingvistika. 2024. No. 2 (18). Pp. 52–66. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-52-66

The article was submitted 08.01.2024;
approved after reviewing 12.03.2024;
accepted for publication 10.06.2024.

УДК 811.512.211'27+028.5(571.56) DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-67-80

НИЗКАЯ ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ШКОЛЬНИКОВ И МОЛОДЕЖИ САХА КАК ДЕТЕРМИНАНТ ОТСУТСТВИЯ ИНТЕРЕСА К ЧТЕНИЮ НА РОДНОМ ЯЗЫКЕ

Ангелина А. Кузьмина
Научно-исследовательский институт чтения Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия), Российская Федерация

В статье раскрывается современное состояние чтения литературы на якутском языке, роль знания и понимания текстов, владение родным языком у народа саха. Приведены результаты социолингвистического исследования чтения на родном якутском языке среди школьников, молодежи и взрослых респондентов жителей города Якутска. Полученные данные свидетельствуют о том, что подрастающее поколение испытывает большие трудности в понимании слов, которые еще не относятся к архаизмам и историзмам в художественных текстах, а также фразеологизмов. Издается крайне мало произведений для подростков и молодежи. Родной язык постепенно утрачивает значение, исчезает его функциональная необходимость в сфере образования. У школьников и молодежи актуализируется нехватка электронных книг и отсутствие современной интересной литературы, интерактивного медиаконтента, приложений, игр, фильмов. Выявляется необходимость разработки лингвокультурологических интерактивных комментариев энциклопедического формата в художественных и фольклорных текстах. Понимание словарной дефиниции на уроках или при чтении со взрослым возможно с помощью толкования учителем или родителями. Для этого у самих родителей должна быть развита читательская грамотность на якутском языке либо потребность обращения к помощи специалистов. Исследование показывает, что среди взрослых также снижается уровень понимания и восприятия чтения на якутском языке.

Ключевые слова: *языковая компетентность, якутский язык, литература, народ саха, респонденты, библиотека, чтение, Якутск*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© А.А. Кузьмина, 2024

LOW LANGUAGE COMPETENCE SCHOOLCHILDREN AND YOUTH OF SAKHA AS A DETERMINANT OF LACK OF INTEREST IN READING IN NATIVE LANGUAGE

Angelina A. Kuzmina
Institute of Reading at the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia), Russian Federation

The article reveals the current state of reading literature in the Yakut language, the role of knowledge and understanding of texts, and proficiency in the native language of the Sakha people. The results of a sociolinguistic study of reading in the native Yakut language among schoolchildren, youth and adult respondents from residents of the city of Yakutsk are presented. The data obtained indicate that the younger generation is experiencing great difficulties in understanding words that do not yet belong to archaisms and historicisms in literary texts, as well as phraseological units. Very few works

for teenagers and young adults are published. The native language is gradually losing its importance, its functional necessity in the field of education disappears. Among schoolchildren and young people, there is an increasing shortage of e-books and a lack of modern interesting literature, interactive media content, applications, games, and films. The need to develop linguocultural interactive comments in encyclopedic format in artistic and folklore texts is revealed. Understanding a dictionary definition in class or when reading with an adult is possible with the help of interpretation by a teacher or parent. To do this, parents themselves must have a developed reading literacy in the Yakut language, or the need to seek the help of specialists. The study shows that among adults the level of understanding and perception of reading in the Yakut language is also decreasing.

Keywords: *linguistic competence, Yakut language, literature, Sakha people, respondents, library, reading, Yakutsk*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Angelina A. Kuzmina, 2024

1. Введение

В последние годы в Республике Саха (Якутия) остро стоит вопрос о снижении количества детей и молодых людей, читающих печатные издания на якутском языке, в том числе газеты и журналы. Проблемы изучения детского и молодежного чтения, определения места книги на родном языке в современном обществе имеют государственную важность, ведь с исчезновением языка и культуры исчезает и сам народ.

В 2021 г. Научно-исследовательским институтом чтения Национальной библиотеки РС(Я) проведено мониторинговое социолингвистическое исследование на тему «Детское чтение в Республике Саха (Якутия)». Общее число респондентов – 2516. Опрос показал, что «постоянно читают лишь 72 ребенка (2,9 %), количество нечитающих респондентов составляет больше половины опрошенных – 1356 (53,8 %), очень редко читает 581 ребенок (23,1 %) и иногда читают 507 респондентов (20,2 %)» [Неустроева и др., 2021].

Данные исследования обусловливают необходимость целенаправленной работы по изучению современного состояния взаимосвязи знания родного (якутского) языка и чтения на нем, а также разработки комплекса мер и программ по повышению роли чтения на родном языке среди подрастающего поколения.

Цель: выявить взаимосвязь знания якутского языка школьниками и молодежью г. Якутска с потребностью в чтении на нем.

Исследованием охвачены 137 респондентов. Группа школьников и молодежи включает 71 респондента, из них школьников от 11 до 17 лет – 55 (77,5 %), молодежи от 18 до 35 лет – 16 (22,5 %). В исследовании приняли участие учащиеся школ, в которых якутский язык изучается только как предмет.

Опрос проводился и среди взрослых сахаязычных читателей Национальной библиотеки РС (Я). Участвовали 66 человек. Возраст респондентов – от 36 до 74 лет.

2. Исследование социолингвистического портрета читателя на якутском языке

Общая картина чтения характеризует снижение числа читающих тексты на якутском языке (Рис. 1).

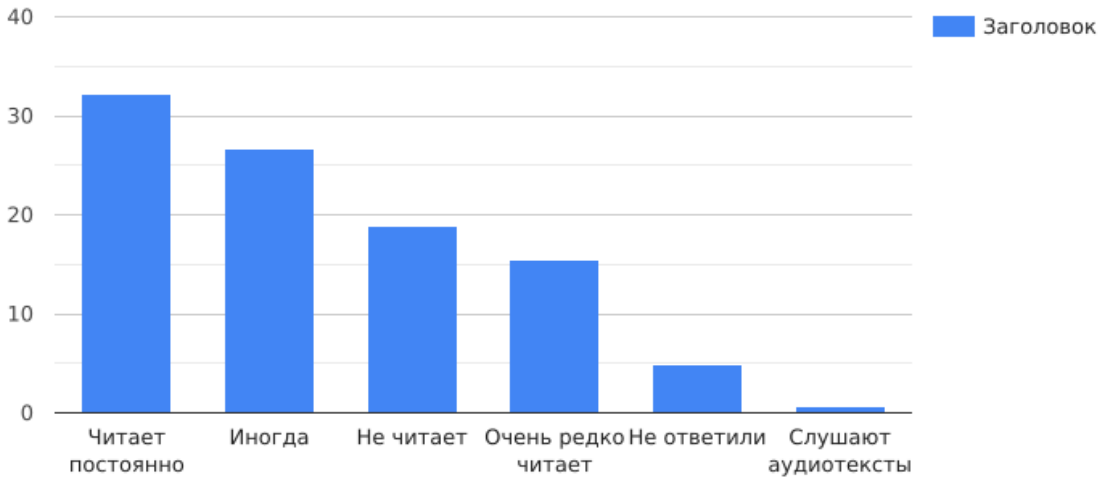

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос *«Читаешь ли ты книги, журналы, новости на якутском языке?»*

Читают постоянно лишь 32,2 % респондентов; иногда читают – 26,6 %; не читают – 18,8 %; очень редко читают – 15,4 %; читают по мере возможности – 0,7 %; чтением считают то, что слушают якутские песни – 0,7 %; не ответили – 4,9 %; слушают аудиотексты – 0,7 %.

По жанровому признаку респонденты предпочитают читать на якутском языке: рассказы – 50,0 %, сказки – 41,2 %, фольклор – 28,7 %, приключения – 19,1 %, комиксы – 6,6 %, фэнтэзи – 5,9 %, манги – 5,9 %, другое – 12,5 %. В другое входят: олонхо (эпос), абаahылаах (хоррор, страшилки), газеты, журналы, энциклопедии.

В ходе исследования с целью выявить причины отсутствия интереса к чтению на родном языке у детей и подростков был задан вопрос: *«Если не читаешь на якутском языке или читаешь очень редко, напиши – почему?»*. Ответы респондентов представляется возможным объединить в группы:

1. Непонятны слова, в связи с чем возникают трудности в понимании текста. Этот факт свидетельствует о сокращении функционирования якутского языка: «много незнакомых слов»; «не совсем понимаю тексты на якутском языке»; «иногда не могу понять некоторые слова»; «не

могу понять некоторые слова, пока не произнесу вслух»; «не очень понимаю сложные слова»; «по-русски быстрее»; «чтение на якутском языке сложнее, чем на русском; человек отвыкает от якутского языка, когда всё на русском», «лень».

2. Нехватка времени, чрезмерная учебная загруженность: «не хватает времени»; «нет свободного времени из-за второй смены в школе».

3. Отсутствие или нехватка интересных современных книг на якутском языке: «мне неинтересны книги на якутском языке, они слишком скучные»; «неинтересно и сложно»; «не попадаются якутские произведения»; «отвыкла, потому что информация везде на русском»; «очень медленный интернет, дома книг нет»; «слушаю в основном электронные книги, а на якутском еще не встречала электронных аудиокниг».

4. Не привита с раннего детства любовь к чтению, в итоге плохая успеваемость в школе, в целом потеря интереса к учебной деятельности: «не люблю читать»; «не хочу, нет необходимости»; «я не люблю читать вообще и на русском тоже».

Ответы взрослых респондентов можно условно сгруппировать:

1. Указывают на отсутствие в делопроизводстве применения якутского языка и нехватку информационных и иных познавательного контента в сети интернет: «большинство информации дается на русском языке»; «век интернета, и там только по-русски или по-английски»; «на работе пишем по-русски; начинаешь думать по-русски»; «не так много сайтов, не создана среда»; «всё интересующее меня написано на русском».

2. Отмечают плохую работу почты: «если покупаю газету, то читаю, нет так нет; если подписаться на почте, многие подписки теряются в почтовом ящике, или же не приносят почтальоны»; «мешают бытовые проблемы, времени не хватает».

3. Трудности в понимании слов на якутском языке так же, как и у молодежи и школьников: «не понимаю смысл некоторых слов»; «потому что большинство слов мне непонятны, хотя я свободно говорю по-якутски», «мне даже кажется, что русский язык ближе, чем якутский; потому что нет интересных книг или иногда не до конца понимаю смысл».

Как показал опрос среди детей и молодежи, одной из проблем подрастающего поколения является непонимание языка и отчуждение от классической якутской литературы. Такое явление наблюдается по России в целом: «Современный школьник в сравнении со школьником предшествующих десятилетий – это не только ребенок другой эпохи, это часто “другая” языковая личность, лексикон которой отличается, и иногда значительно, от лексикона даже поколения его родителей. Круг чтения детей 8–12 лет все чаще ограничивается школьной программой, а зарождающаяся в этом возрасте цифровая зависимость делает лучшие образцы

русской детской литературы все менее нужными и все более непонятными» [Сергеева, 2020, с. 152].

Для исследования понимания контекста и слов, словосочетаний на якутском языке в ходе опроса респондентам были предложены несколько разных предложений из произведений якутских писателей. Е.В. Сергеева предлагает три способа комментирования историзмов и архаизмов: «1. Контекстуально-содержательный – объяснение значения слова на основе контекста. 2. Морфемно-словообразовательный – определение семантики лексической единицы на основе значения составляющих его морфем. 3. Собственно дефиниционный – представление лексикографического, обычно упрощенного толкования комментатором-специалистом» [Там же: 153].

Слова для объяснения выделены жирным шрифтом: ***хомурах*** *анныттан барбах* ***быгар*** ‘еле выглядывает из сугроба’ (И. Данилов). Взрослые респонденты эти слова объяснили как «ранее выпавший снег, слегка», «из замерзшего снега видно еле-еле», «из-под наледи маленько выглядывает» «из-под снега видно», «снег с водой маленько», «что-то из-под инея (снега) торчит». Пояснения учащихся: «высунулся», «что-то откуда-то заметно (из-под)», «палка лежит», «из-под чего-то выглядывает что-то плохое», «верхушка снега и что-то», «нет предположений», «еле виден из-под листвы», «снег, но немножко», «правда побеждает ложь», «что-то там», «яма, где живут животные, часть животного», «не понимаю», «из чего-то видны сапоги». Учащиеся объясняют значения слов, опираясь на глагол, но менее точно и даже ошибочно; в основном смысл предложения, о чем конкретно говорится – не понимают; смысл выражения «что-то из-под чего-то выглядывает» становится понятен благодаря употреблению в микроконтексте глагола ***быгар***. Точное понимание словарной дефиниции на уроках или при чтении со взрослым достигается посредством толкования учителем или родителями.

Слово ***хаппар*** («кожаная сумка») в предложении *кураанах* ***хаппарыгар*** *атын сурук укпуттар* (‘в его пустую кожаную сумку положили другое письмо’) (А.С. Пушкин) взрослыми читателями пояснено: «шкатулка, «сумка», «в пустую коробку, сундук, другое письмо положили». Пояснения учащихся показывают, что это слово им незнакомо и они ответили, опираясь на знакомые слова, более активно используемые в речи: *сурук* ‘письмо’ и *укпуттар* ‘положили’: «не знаю», «почтовый ящик», «посуда», «конверт», «место», «не слышала», «карман», «выдвижной ящик стола», «это игра», «дырка». Исследователи выделяют в качестве наиболее верного способа истолкования агнонимов контекстуально-содержательный, поскольку «именно контекст чаще всего помогает начинающему читателю определить значение слова, не входящего в его тезаурус» [Сергеева, 2020: 161].

Лексема ***аппа*** ‘овраг; яма, рытвина’ в предложении ***аппаттан*** *уу баһан аҕалан, оллоон анньан, чэйбин өрөн кэбистим* ‘набрав воды и установив шест с крюком для чайника, он вскипятил воду и приготовил чай’ (Суорун Омоллоон) вызывает следующие ассоциации у респондентов-школьников: «бочка», «типа колодца», «из реки», «из канавы», «озерная вода», «канава», «низменность, где скапливается вода», «видимо, с проточной воды», «балка с ручьем», «из открытой местности, где течет ручей», «из села привезли воду», «типа расширить». Взрослые читатели дали более точный перевод предложения: «набрав воды из расщелины, принес и разжег костер, вскипятил воду для чая», «колодец», «черпнув снизу воды, донеся, чай заварил», «с обрыва принес воду, разжег костер, поставил чай».

Из контекста олонхо К. Оросина «Ньургун Боотур Стремительный» слова **кэһии** (привозимый или присылаемый кому-либо небольшой подарок, гостинец; в старину обычно продукты, пища); **түһүлгэ** (становище; место для проведения обряда к богам айыы)**, алаас** (чистое поле или луг, окруженное лесом), **сыһыы** (равнина); **араҕас** (желтый цвет) *кэтит кэһиини тэллэхтэнэ, чөҥөрө чүөмпэ саҕа дириҥ далай түһүлгэни туругурда, алаас сыһыы быһаҕаһын саҕа араҕас чачыры анньан киирдиннэр* «устроить широкое изобилие, чтоб установить безмерно обильное тюсюлгэ, словно обширное глубокое улово. и чтоб втыкать (кругом) зеленые березки-чэчир величиной с половину поляны-алаас|» [Нюргун, 1947: 77].

Пояснения взрослых варьируются от среднего уровня до низкого; так, некоторые ответы показывают, что и взрослые не понимают контекст олонхо и дают совершенно ошибочные разъяснения: «дар, место обряда, поляна, молодая береза», «подарок», «шагать, поляна, молодые растения», «место, где проводится ысыах», «подарок, долина, желтый отросток», «угощение, праздник, большая поляна, желтая ветвь», «подарок, площадка, местность, поляна, цветочная желтая поляна», «гостинцы, полянка, место, березки маленькие», «гостинцами запасаясь, большую площадь развивая, половину луга засадив желтой порослью берез», «в подарках ответный жест очень важен, в нем есть смысл», «дар, двор, большой размер, желтый», «огороженная местность, место для совершения обряда, луг, **араҕас чачыр**, возможно, *алгыс*, форма обряда», «гостинец, но в данном случае, видимо, используется другая коннотация. *Түһүлгэ* – здесь, вероятно, имеется в виду глубокая большая чаша аласа. *Алаас сыһыы* – ровный луг аласа. Араҕас чачыр – чэчир с желтыми листьями», «сборище, место для сбора людей, луг, поле», «гостинцы». В этом случае, возможно, густая мягкая трава, изобилие природы, место для проведения ысыаха. *Алаас сыһыы* – открытая широкая местность в тайге с озером в середине. *Арағас чачыр-чэчир* – «молодые березки», «гостинцы, поляна, участок, молодые березы», «угощение, место праздника, поле, здание, желтый». Учащимся часть слов из олонхо знакома, но смысл в основном непонятен: «затрудняюсь», «пространство, часть алааса (поля)», «строки

из олонхо», «провести ысыах», «приглашение к богатой жизни», «первое слово – подарок, второе – двор, подворье, улица, третье – родная земля, четвертое – не знаю», «хоровод, поляна, маленькие деревья», «нет предположений», «матрас, место, поляна», «трудно понять», «коврик, стойбище, широкая поляна, пожелтевший березняк», «человека уважать», «дар, дом, дача, угощение», «желтый, остальные не знаю», «*кэһии* – подарок *алаас сыһыы* – поляна, *араҕас* – желтый, *чачыр* – земля», «гостинцы, какое-то место, какое-то поле, что-то желтое», «подарок, прихожая, сорняки алааса, желтый», «большая копна сена, место праздника ысыах, большая равнина», «подарок, место, птица».

Следующим заданием было пояснение значения фразеологизма *тумсун дулҕаҕа соттор* – отказываться от содеянного, отпираться, отрицать даже очевидное (буквально – ‘вытирает свой клюв о кочку’). Взрослые респонденты пояснили следующим образом: «отнекивается», «врун», «отказывается, не признается», «остался ни с чем». Школьники фразеологизм понимают буквально либо ассоциируют с различными человеческими эмоциями и отрицательными качествами, но понимают и определяют фразеологизм неправильно: «радуется», «не успел», «ранняя пташка», «заранее довольный», «наелся, приободрился», «обманывает», «как будто не знает, не в курсе дел», «опоздавший», «человек, вечно прибедняющийся», «нет успехов», «догадывается», «ленится», «подлизывается», «что-то долго говорит», «не вешай нос».

Как показывают наблюдения, фразеологизмы оказались для респондентов более сложными для истолкования, чем отдельные слова, восприятие лексической единицы искажено школьниками по причине нечтения книг на якутском языке. Все непонятные слова требуют лингвистического комментария для детей, т.е. увеличения объема тезауруса в учебниках по якутскому литературному чтению. Так как непонимание значения слов ведет к отчуждению, во взрослом возрасте к чтению непонятных текстов, хоть и на родном языке, они вряд ли вернутся.

Ряд лексических единиц нуждается в развернутых дефинициях лингвоэнциклопедического плана в интерактивной форме. О таком комментировании художественного текста в национальной школе Ш.А. Махмудов пишет следующее: «...В процессе замедленного чтения “под лингвистическим микроскопом” читатель-школьник обращает внимание на единицы, структурные элементы, закономерности художественного текста. Это сопровождается стремлением понять и осмыслить словесно-художественную систему, что проявляется в более или менее грамотном анализе художественного текста. Сформированные представления и оценки элементов структуры и содержания текста становятся основой целостного комментария текста произведения. Таким образом, учебная работа способствует формированию и развитию навыков и умений грамотного читателя, совершенствованию читательских способностей» [Махмудов, 1992: 45, 46].

Анализ показывает, что бóльшая часть современной детской и подростковой литературы на якутском языке, вышедшей за последние годы, представляет собой сборники стихов, энциклопедии для дошкольников и школьников младшего звена. Рассказов и других жанров произведений для подростков и молодежи издается крайне мало. Не хватает литературы о сегодняшних героях, рассказов о проблемах ровесников, фэнтези и фантастики на якутском языке. Во время проведения круглых столов, на конференциях о состоянии литературы для подрастающего поколения озвучивается проблема, требующая решения: стоит ли для молодежи, которая имеет низкий уровень владения родным языком, издавать книги, учебники с богатой лексикой, усложненные фразеологизмами, средствами выразительности. Или же следует всё упрощать и создавать учебники облегченного уровня.

Как известно, в российских библиотеках «в последнее десятилетие проблема комплектования крайне обострилась. Сохраняется неравномерность в распределении книжных ресурсов, причем зачастую по мере удаления от центральной России каналы распространения действуют все хуже. Вместе с тем потребности школьников в новой, актуальной литературе резко возросли, что связано не только с изменениями в чтении, но и с продолжающейся реформой школы» [Чудинова, 2007: 141].

Ответы на вопрос *«Какой язык Вы считаете родным?»* распределились следующим образом: язык саха считают родным 88,8 %, русский – 5,6 %, якутский и русский – 1,4 %, не ответили – 4,2 %.

Ответы на задание *«Оцените степень владения Вами якутским языком»* представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Ответы на задание *«Оцените степень владения Вами якутским языком»*

Ответы	**%**
Читаю, но говорю и пишу с затруднениями	71,3
Читаю, пишу и свободно говорю	10,5
Понимаю, но не говорю и не пишу	8,4
Не знаю якутский язык	2,8
Говорю свободно, но читаю и пишу с затруднениями	1,4
Говорю свободно, но читаю и пишу с затруднениями	0,7
Говорю, пишу с затруднениями	0,7
Не ответили	4,2
Всего	100

Подавляющее большинство респондентов (71,3%), оценивая свою степень владения якутским языком, полагают, что они хорошо читают на якутском языке. Наименьшая доля респондентов (0,7%) выявлена в позициях «говорю, пишу с затруднениями» и «говорю свободно, но читаю и пишу с затруднениями».

Ответы на вопрос *«Какими языками Вам бы хотелось владеть в первую очередь?»* свидетельствуют, что лидирующими, наряду с якутским языком и местными официальными языками коренных народов республики, являются английский и русский языки (Рис 2). Также респонденты хотели бы владеть японским, корейским, французским, китайским, немецким, итальянским, казахским языками.

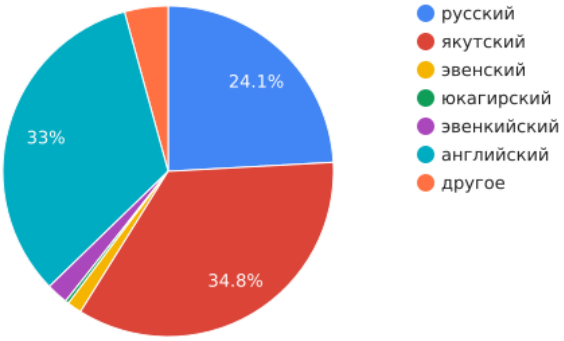

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос *«Какими языками Вам бы хотелось владеть в первую очередь?»*

Восприятие этнической идентичности выявлено через анализ ответов респондентов на вопрос *«Что роднит Вас с людьми вашей национальности?»*. Основными компонентами этнического самосознания стали: родной язык – 84,8 %; традиции и обычаи – 73,9 %; культура – 73,2 %; родная земля – 75,4 %; традиционные занятия – 46,4 %; историческое прошлое – 42,0 %; религия – 25,4 %; общая государственность – 35,5 %.

Языком внутрисемейного общения респонденты назвали: якутский язык – 60,1%; смешанный с русским якутский язык – 23,8%; русский – 11,2%; русский, английский – 0,7%; не ответили – 4,2%.

По мнению взрослых респондентов, причинами низкого владения якутским языком среди жителей г. Якутска являются: а) слабо выраженная заинтересованность родителей во владении детьми родным языком, несмотря на то, что большинство респондентов считают якутский языком внутрисемейного общения: («всё начинается в семье», «если родители говорят на русском, то и ребенок, скорее всего, будет говорить на русском», «намеренное обучение детей

только русскому языку», «отсутствие живого общения на якутском языке в семье»); б) «редкое использование якутского языка в социуме («собрания, мероприятия проводятся на русском языке», «официальные документы составляются на русском языке», «все законы принимаются на русском языке»); в) недостаточное количество школ и детских садов с изучением якутского языка; г) несовершенство государственной политики в отношении якутского языка («закон о родном языке не усовершенствован», «государство поставило язык в положение неиспользуемого»); д) отсутствие информации на якутском языке в СМИ, интернете («влияние интернет-ресурсов и гаджетов в младшем возрасте»; «мало телепередач для детей на якутском языке», «много гаджетов, где контент в основном на русском языке», «отсутствие развлекательных, познавательных приложений, Youtube-каналов на якутском языке»); е) недостаточность чтения на якутском языке («не читают книги и журналы на якутском языке».

Ответы школьников и молодежи на поставленный вопрос представляется возможным сгруппировать следующим образом: а) недостаточность общения на якутском языке или же его отсутствие в семье («дома говорим на русском»); б) редкое употребление якутского языка в социуме («вымирающий язык», «не особо входит в жизнь людей», «всё, что есть нынешнее – на русском»; в) отсутствие якутского языка в интернете, гаджетах («в телефоне, интернете нет игр на якутском языке»).

Отвечая на вопрос *«Как Вы считаете, что нужно предпринять, чтобы сохранить якутский язык?»,* взрослые респонденты, прежде всего, подчеркивают роль семьи и школы: «разговаривать дома только на родном языке», «читать детям фольклорные произведения», «в семье родители должны контролировать просмотр детьми интернета, Youtube-каналов, выбрирать передачи и мультфильмы, контента на якутском языке»; «некоторые уроки: математика, окружающий мир (биология и география) должны проводиться на якутском языке»; «чтобы на якутском языке было много школ, взрослые учили своих детей читать»; «повысить уровень знания родителями якутского языка с помощью кружков и лекций; в городах и селах организовать клубы по интересам на якутском языке, не только для третьего возраста», «повысить престиж якутского языка, увеличить количество мероприятий на якутском языке, якутских групп в детских садах и классов в школах с изучением якутского языка»; «государство, министерство образования должны повысить зарплату учителям якутского языка», «включить в обязательную программу в дошкольную программу»; «открыть якутские школы типа Айыы кыһата; якутские и русские школы должны быть в равном соотношении; создавать якутские школы с русскими классами, что облегчит выбор школы по месту жительства; сейчас есть только русские школы с якутскими классами, что не учитывает соотношение населения русскоязычных

и сахаязычных, которое в действительности составляет 50/50; эта диспропорция должна быть устранена; без школы якутский язык не спасти».

Многие взрослые респонденты придают большое значение популяризации якутского языка на государственном уровне: «сделать язык употребляемым в государственных учреждениях, обязательным к владению (пусть на базовом разговорном уровне) чиновниками всех рангов»; «требовать говорить правильно на якутском языке у ведущих передач национальной вещательной компании».

Взрослые респонденты подчеркивают также важность расширения контента якутского языка в СМИ, электронных изданиях, гаджетах: «нужно создать для нынешнего поколения игры, фильмы, музыку, приложения на якутском языке», «создать интересные мультфильмы».

Подчеркнем, в свете темы настоящей статьи, что многие взрослые респонденты придают особое значение изданию и чтению книг на родном языке, что способствует более глубокому овладению им.

3. Выводы

Очевидно, что потеря интереса к чтению на родном языке у школьников и молодежи саха в значительной степени обусловлена их низкой языковой компетентностью. С другой стороны, именно чтение на родном языке является важным фактором повышения уровня владением якутским языком. На это указывали как школьники и молодежь, так и взрослые респонденты.

Считаем, что в целях развития литературы для детей на якутском языке необходимо разработать комплекс мер для стимулирования творчества детских писателей:

– организация образовательно-методических семинаров;

– стимулирование конкурсами на развитие таких жанров как проза и драматургия для детей;

– создание условий для развития детского интерактивного литературного контента в библиотеках;

– установление государственных мер поддержки (в виде грантов, стипендий начинающим писателям).

Исследователями также предлагается следующий комплекс поддержки писателей, работающих в сфере создания литературных произведений на якутском языке для детей и молодежи:

– установить «систему поощрения издателей за работу с молодыми авторами;

– установить систему мер по развитию и поддержке критики, рекомендательной библиографии и исследований в области детской литературы;

– присуждение специальной премии «Детский писатель года»;

– осуществлять государственную поддержку переводов и издания книг российских авторов за рубежом [Голубева, 2003: 77].

Для улучшения ситуации по чтению на якутском языке некоторый комплекс мер нами также указан в статье, опубликованной в 2022 г. [Кузьмина, 2022: 45].

Добавим к ним ряд мер:

– социолингвистическое исследование якутского языка и чтения на якутском языке;

– внедрение библиотечных уроков для детей и родителей;

– разработка лингвокультурологических интерактивных энциклопедий;

– создание фильмов на якутском языке для подростков по произведениям писателей Якутии;

– увеличение объема электронных книг на якутском языке для молодежи; создание интерактивного контента с аудиогидами на якутском языке в детских библиотеках.

Чтение подростков и молодежи на якутском языке во многом зависит от осознания ими значимости не только отдельного гражданина, но и всего государства. Для этого необходимо дальнейшее исследование понимания и восприятия текстов, разработка методики развития художественно-языковой компетенции школьников, изменение структуры учебников якутского языка для учащихся, имеющих трудности, путем повышения интенсивности изучения лексической части. Мировой опыт свидетельствует о том, что улучшение ситуации по чтению на родном языке возможно.

Литература

Голубева Е.И. (2003) Юный читатель и книжная культура России: Материалы, исследования / Сост. Е.И. Голубева, В.П. Чудинова. М.: РГДБ. 112 с.

Кузьмина А.А. (2022) Языковая компетенция в якутском языке как фактор чтения книги на родном языке среди школьников // Вестник ТГПУ. № 2 (68). С. 41–46.

Махмудов Ш.А. (1992) Филологическое комментирование как методический прием // Русский язык в школе. № 2. С. 43–46.

Нелунов А.Г. (1998) Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Т.1. 286 с.

Нелунов А.Г. (2002) Якутско-русский фразеологический словарь. Новосибирск: Изд-во СО РАН. Т. 2. 418 с.

Неустроева А.Б., Афанасьева О.И. (2021) Современное состояние и тенденции развития детского чтения в Республике Саха (Якутия) // Читатель, пользователь, клиент: Новые модели библиотечного обслуживания / Сост. Л.В. Глухова, А.Г. Макарова, А.С. Степанова, В.В. Ялышева. СПб.: Издательство РНБ. С. 116–127.

Оросин К.Г. (1947) Нюргун Боотур Стремительный / Ред. текста, пер. и коммент. Г.У. Эргиса. Якутск: Госиздат ЯАССР. 409 с.

Сергеева Е.В. (2020) Способы истолкования агнонимов при чтении школьником классического художественного текста: (На материале сказок А.С. Пушкина) // Детское чтение:

Проблемы рецепции и интерпретации / Отв. ред. В.Д. Черняк, М.А. Черняк. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена. 224 с.

Чудинова В.П. (2007) Детское чтение: Негативные последствия развития медиасреды // Дети и культура / Отв. ред. Б.Ю.Сорочкин. М.: КомКнига. 164 с.

References

Golubeva, E.I. (2003) Junyj chitatel' i knizhnaja kul'tura rossii: Materialy issledovanija [Young reader and book culture in Russia: research materials] / Compiled by E.I. Golubeva, V.P. Chudinova. M.: RGDB. 112 p. (In Russ.)

Kuz'mina, A.A. (2022) Jazykovaja kompetencija v jakutskom jazyke kak faktorchtenija knigi na rodnom jazyke sredi shkol'nikov [Linguistic competence in the Yakut language as a factor in reading a book in their native language among schoolchildren] // Vestnik TGGPU [Bulletin of the TGGPU]. No. 2 (68). Pp. 41–46.(In Russ.)

Makhmudov, Sh.A. (1992) Filologicheskoe kommentirovanie kak metodicheskij priem [Philological commentary as a methodological technique] // Russkij jazyk v shkole [Russian language at school]. No. 2. Pp. 43–46. (In Russ.)

Nelunov, A.G. (1998) Jakutsko-russkij frazeologoicheskij slovar' [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk: Publ. house SB RAS. Vol.1. 286 p. (In Russ.)

Nelunov, A.G. (2002) Jakutsko-russkij frazeologoicheskij slovar' [Yakut-Russian phraseological dictionary]. Novosibirsk: Publ. house SB RAS. Vol.2. 418 p. (In Russ.)

Neustroeva, A.B.. Afanasyeva, O.I. (2021) Sovremennoe sostojanie i tendencii razvitija detskogo chtenija v Respublike Saha (Jakutija) [Current state and trends in the development of children's reading in the Republic of Sakha (Yakutia)] // Chitatel', pol'zovatel', klient: Novye modeli bibliotechnogo obsluzhivanija [Reader, user, client: New models of library services] / Compiled by L.V. Glukhova, A.G. Makarova, A.S. Stepanova, V.V. Yalysheva. SPb.: RNB Publ. House. Pp. 116–127. (In Russ.)

Orosin, K.G. (1947) Njurgun Bootur Stremitel'nyj [Nyurgun Bootur the Swift] / Text ed., translation and comments by G.U. Ergis. Yakutsk: State Publishing. House the YASSR. 409 p. (In Russ.)

Sergeeva, E.V. (2020) Sposoby istolkovanija agnonimov pri chtenii shkol'nikom klassicheskogo hudozhestvennogo teksta: (Na materiale skazok A.S. Pushkina) [Methods of interpreting agnonyms when a schoolchild reads a classical literary text: (Based on the fairy tales of A.S. Pushkin)] // Detskoe chtenie: Problemy recepcii i interpretacii [Children's reading: Problems of reception and interpretation] / Ed. V.D. Chernyak, M.A. Chernyak. SPb.: Publishing house of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. 224 p. (In Russ.)

Chudinova, V.P. (2007) Detskoe chtenie: Negativnye posledstvija razvitija mediasredy [Children's reading: Negative consequences of the development of the media environment // Deti i kul'tura [Children and culture] / Ed. B.Yu. Sorochkin. M.: KomKniga. 164 p. (In Russ.)

Кузьмина Ангелина Афанасьевна – кандидат филологических наук, сотрудник Научно-исследовательского института чтения Национальной библиотеки РС (Я).
https://orcid.org/0000-0003-4256-0893
Адрес: 677027, Российская Федерация, Якутск, проспект Ленина, 40.
Эл. адрес: aa.kuzmina@nlrs.ru

Angelina A. Kuzmina – Candidate of philological sciences, researcher at the Research Institute of Reading of the National Library of the Republic of Sakha (Yakutia).
https://orcid.org/0000-0003-4256-0893
Address: 677027, Russian Federation, Yakutsk, Lenin Avenue, 40.
Email address: aa.kuzmina@nlrs.ru

Для цитирования: *Кузьмина А.А.* Низкая языковая компетентность школьников и молодежи Саха как детерминант отсутствия интереса к чтению на родном языке // Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 67–80. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-67-80

For citation: *Kuzmina A.A.* Low language competence schoolchildren and youth of Sakha as a determinant of lack of interest in reading in native language // Sociolingvistika. 2024. No. 2 (18). Pp. 67–80 . (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-67-80

The article was submitted 11.01.2024;
approved after reviewing 15.04.2024;
accepted for publication 18.06.2024.

ДИСКУССИИ

DISCUSSIONS

УДК 94(57)+811.512 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-81-93

МОНГОЛЬСКИЙ АФФИКС +*S* В ЯКУТСКИХ ЭТНОНИМАХ КАК ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ МАРКЕР ИСТОРИЧЕСКИХ БУРЯТСКО-ЯКУТСКИХ КОНТАКТОВ: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Баир З. Нанзатов
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация

Владимир В. Тишин
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Российская Федерация, Российская Федерация

*В данной работе предлагается вынести на обсуждение вопрос об интерпретации морфологического состава и фонетического облика якутских этнонимов, отраженных в названиях административных единиц различного таксономического уровня (улусов, наслегов, родов), на предмет его методического значения для изучения хронологии истории взаимоотношения носителей якутского и бурятского языков. В данном конкретном случае к рассмотрению предложены примеры этнонимов, имеющих происхождение из монгольской среды и содержащих аффикс множественного числа +s, насколько их можно убедительно идентифицировать. Среди рассмотренных в статье примеров такие названия, как *ataγas (в форме атагасох), *qangalas (в формах хаңалас, хаҕалас), bögös. Конкретные случаи среди них, которые обнаруживают явные параллели в бурятской этнонимике, а также другие типологические названия, зафиксированные в среде населения, непосредственно соседствующего с бурятами начиная с исторически обозримого периода, позволяют расширить представления о контактах предков носителей якутского и бурятского языков, а также доказывают перспективность углубления изучения этнонимики с точки зрения законов исторической фонетики для детализации истории народов Сибири в условиях отсутствия непосредственных сведений письменных источников.*

Ключевые слова: *якуты, буряты, этнонимика, историческая фонетика, морфология, языковые контакты*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Б.З. Нанзатов, В.В. Тишин, 2024

MONGOLIC SUFFIX +*S* IN YAKUT ETHNONYMS AS A CHRONOLOGICAL MARKER OF HISTORICAL CONTACTS BETWEEN BURYATS AND YAKUTS: TOWARD THE FORMULATION OF THE PROBLEM

Bair Z. Nanzatov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

Vladimir V. Tishin
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation

*In the paper it is proposed to discuss the issue of interpretation of the morphological composition and phonetic appearance of Yakut ethnonyms, reflected in the names of administrative units of various taxonomic levels (ulus, nasleg, rod), for the purpose of its potential for studying the chronology of the history of the relationship between speakers of the Yakut and Buryat languages. In this case, they are offered for consideration the examples of Yakut ethnonyms that originate from the Mongolic languages and contain the plural suffix +s. Among the examples under consideration in the article are such names as *ataɣas (in the form ataɣasoχ), *qangalas (in the forms χaŋalas, χaɣalas), bögös. Specific cases that reveal clear parallels in Buryat ethnonymy allow one to expand the understanding of the contacts of the ancestors of speakers of Yakut and Buryat Languages, and also prove the prospects of deepening the study of ethnonymy through the laws of historical phonetics to detail the history of the peoples of Siberia in the absence of written sources presenting the direct information.*

Keywords: *Yakuts, Buryats, ethnonymy, historical phonetics, morphology, language contacts*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Bair Z. Nanzatov, Vladimir V. Tishin, 2024

1. Введение

Изучение исторического прошлого бесписьменных народов представляет собой сложную проблему, в особенности в тех случаях, когда отсутствуют и аутентичные иноязычные письменные источники, созданные в среде соседей этих народов. Это обстоятельство ставит перед исследователями ряд методических задач. Для народов, связанных с кочевническим прошлым, какими, в частности, являются якуты и буряты, важным источником является язык. История языка, безусловно, не тождественна истории носителей конкретных этнонимов (в широком смысле слова), соотносимых в разные исторические периоды с теми или иными человеческими коллективами. Перспективными для исследований являются те случаи, когда преемственность между носителями одного и того же этнонима в разные исторические периоды и идентификация их языковой принадлежности определяются надежно.

Изучение исторической этнонимики представляет собой довольно перспективное направление для разработки вопросов исторической фонетики тюркских и монгольских языков, в том числе для якутского и бурятского, историческое взаимодействие носителей которых друг с другом обусловлено территориальной близостью и находит отражение в якутском фольклоре. Первые известные записи подобных сюжетов были сделаны уже в 1741–1745 гг. Я.И. Линденау, отметившим также некоторые параллели в этногонических преданиях обоих народов [Линденау, 1983: 17, 18, 136].

По подсчетам, приведенным в работе В.И. Рассадина, в якутском языке насчитывается около 2500 слов монгольского происхождения [Рассадин, 1980: 65, 92], что составляет 10 % лексического фонда [Рассадин, 1980: 90]. Явные монголизмы широко представлены в топонимике Якутии [Иванов, 2001]. Давно было отмечено, что фонетический облик монголизмов в якутском языке отражает их неоднородность с точки зрения хронологии их проникновения [Poppe, 1959: 678, 679, 682, 683]. Вопросы, связанные с задачей уточнения хронологии проникновения в якутский язык монгольских заимствований, это касается и лексики, которая может быть по фонетическим признакам определена как принадлежащая к бурятскому языку, широко обсуждались в научной литературе [Kałużyński, 1961: 119–126; Калужинский, 1961; Рассадин, 1973; Рассадин, 1980: 65–90; Широбокова, 1980; Широбокова, 2001: 109–117; Stachowski, 2005].

В связи с исследованием бурятского материала мы неоднократно обращались к якутским параллелям в этнонимике, стремясь найти возможности выхода за рамки просто констатации наличия этих параллелей.

В данной работе предлагается обратить внимание на якутские этнонимы, отраженные в названиях административных единиц различного таксономического уровня, зафиксированных в период XVII–XIX вв., которые имеют явно монгольское происхождение и содержат характерный морфологический показатель в виде аффикса множественного числа *+s*. Исследование их фонетического облика в сопоставлении с вариантами этих же названий в монгольских языках, в частности в бурятском, позволяет прийти к выводам исторического характера.

2. Аффикс *+s в якутских этнонимах монгольского происхождения

В одной из работ нами было предложено интерпретировать отмеченное в реестрах переписи якутского населения именования названия рода в составе Торбоховского наслега Хочинского улуса *амагасох* [Справочник…, 1911: 94] как **ataγasōx* < **ataγas-āx* [Нанзатов и др., 2021: 46, 47]. Производящая основа представляет собой форму **ataγas*, которая может быть сопоставлена с названиями бурятского племенного подразделения *атаган* и пос. Атагай (Нижнеудинский р-н, Иркутская обл.), в данном случае с монгольским аффиксом множественного числа +s, который присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные или на *i̯*-образные дифтонги [Poppe, 1955: 177, 178]. Вторую часть рассматриваемого названия предполагается интерпретировать в сопоставлении с *āx*, релятивным элементом, придающим образующей основе значение множественной собирательности с семантикой родства (см.: [Пекарский, 1959а: 204]. Общую логику всей интерпретации данного названия как разложимой

двухэлементной конструкции подтверждает наличие в реестрах переписи населения Российской империи типологически сопоставимого случая, представленного названием рода 2-го Чачуйского наслега Верхне-Вилюйского улуса, записанного как *карагасох* [Справочник…, 1911: 87], и названием рода Лючинского наслега Средне-Вилюйского улуса, записанного как *харагассахский* [Там же: 89]. В обоих этих случаях вычленяется общее название **qaraγas* (+**āx*), формально сопоставимое с названием тофаларов до 1934 г. (< **qara qāš*?) [Боргояков, 1981: 64–69], зафиксированным в русскоязычных ясачных ведомостях, по меньшей мере во второй половине XVII в. в упоминании Карагасского улуса [Долгих, 1960: 254 (табл. 94)]. Если это совпадение не случайно, заслуживает внимания тот факт, что обе исходные формы могут локализоваться в рамках территории верхнего течения р. Уды (Чуны). Тем не менее, не вдаваясь в обсуждение именования **qaraγas*, следует отметить, что гипотетическая форма **ataγas*, находящая параллели в бурятской среде, имеет довольно раннее происхождение, на что указывает наличие среди казахских племен названия *атагай ~ атыгай*, также восходящего к монгольскому языку-источнику.

Поскольку исходный письм.-монг. /s/ в абсолютном конце слов и в конце основ на стыке морфем в бурятском языке переходит в /d/, а в якутском языке подобные заимствования из монгольской среды последовательно показывают /s/ (< */s/) [Kałużyński, 1961: 123, 124; Калужинский, 1961: 15, 16; Широбокова, 1980: 145], параллель может быть идентифицирована как указывающая на язык общемонгольского типа или отражающая соответствующее стадиальное состояние бурятского языка. В бурятском языке процесс позиционного развития /s/ > /d/, как и многие другие, проходил неравномерно, но в основном его завершение условно можно отнести к периоду чуть позднее середины XVII в. [Тишин и др., 2023: 293, 294, 299].

Типологические примеры якутских этнонимов, проникших из монголоязычной среды, с аффиксом множественности +s, могут быть обнаружены в более широком материале. В том числе они присутствуют в зафиксированных русскоязычными документами XVII в. в названиях якутских волостей [Токарев, 1945: 38–39; Долгих, 1960: 353–360], многие из которых впоследствии сохранились в названиях административных единиц различного уровня: улусов, наслегов, родов [Токарев, 1945: 389–394].

Среди них именование *хаӈалас*, *хаƀалас*, начиная с упоминаний Кангаласской волости, широко распространенное в последующем в названиях улусов, наслегов и родов [Пекарский, 1959б: 3310, 3311, 3223]. Эта форма может трактоваться как типологическое монгольское заимствование от исходного **qangla+s*, не восходя напрямую к тюркской форме *qaŋlï*, зарегистрированной не ранее XI в. (Маḥмӯд ал-Кāшḡарӣ) и не имеющей реального отношения к «народному» объяснению в связи с *qaŋlï* ‘повозка, телега’ [Кляшторный, 1964: 164–179].

Фонетические законы якутского языка не допускают сочетания согласных *ӈ* + *л* [Грамматика…, 1982: 81–82, 83, табл. 8]. На стыке морфем в таких случаях ожидалась бы ассимиляция *-*ӈл*- > -*ӈн*- [Грамматика…, 1982: 81]. Здесь же, в данном конкретном случае, при заимствовании цельной формы следует видеть появление слабого гласного между двумя согласными: **qaŋalas*. Подобное явление наблюдается в формах, отмеченных наряду с *Cangle* в путевых записях западноевропейских миссионеров XIII в., таких как *Cangit, Cangitae, Kangitae*, даже если (и скорее всего так) они были восприняты через тюркоязычных информантов, и отражающих, вероятно, монгольскую форму множественного числа от исходного **qanggin* или **qanggil* [Histoire des campagnes…, 1951: 114 ff.]. Дестан об Огуз кагане, возникший не ранее XIII в., в версии, записанной древнеуйгурским письмом, содержит форму *qanγa* ‘телега, повозка’, обязанную своим происхождением, видимо, «народному объяснению», поскольку в контексте обыгрывает происхождение названия племени *qanγaluγ*, но она (*qaŋā*) сохранялась в речи тюрков Южной Сибири, ныне считающимися носителями диалектов хакасского языка, еще во второй половине XIX в. [Doerfer, 1967: 530–532; Clauson, 1972: 638]. В гипотетическом **qaŋalas* облик гласного последнего слога отражает его слабую, безударную позицию в исходном варианте в языке-источнике заимствования. В «Алтан тобчи» отмечена орфографическая форма с широким гласным в этой позиции в сочетании *qangla-yin kebčaqud* [Altan tobči, 1952: 84], вместо распространенного в ранних текстах *qanglin* (< **qanglïn*) (см.: [Rybatzki, 2006: 512], приведена литература). Этот конкретный пример якутского этнонима позволяет установить нижнюю хронологическую границу таких заимствований с конечным +*s* временем не ранее XIII в.

Другим старейшим политическим образованием на территории Якутии является Батуруская волость или Батурус(с)кий улус. Отраженная в этом названии форма записана Э.К. Пекарским как *ботурус* и возведена предположительно к **бōтур+ӯс* (?) [Пекарский, 1959а: 511], где во второй части слово *ӯс* (ср.: др.-тюрк. *uγuš*) со значением ‘род, поколение, племя; семейство, вид; порода’ [Пекарский, 1959б: 3075]. Такая интерпретация, предложенная уже К.Э. Пекарским, подтверждается записью этого названия у Я.И. Линденау как *Baturusa* [Линденау, 1983: 18]. Этот пример, имеющий, безусловно, раннее происхождение, никак нельзя сопоставить с формой множественного числа, например **baγatur+ūs*, потому что в монгольских языках последовательно зафиксирован аффикс множественности в форме именно +*ud* (> +*ūd*) [Poppe, 1955: 179–180]. Процесс преобразования комплекса -VgV- в долгие гласные в монгольских языках завершается в целом в XVII в. [Санжеев, 1977: 121, 130–131; Рассадин, 1982: 48–54], в монголизмах в якутском языке этот процесс отмечается по меньшей мере к началу XVII в. [Stachowski, 2005: 199, 202]. Фиксация названия Батурусской волости в

русскоязычных документах в 1638 г. [Долгих, 1960: 355] дает условную верхнюю хронологическую веху существования этнонима в таком виде.

Тем не менее как раз в составе Батурусского улуса, в Терасинском наслеге, отмечен Бёгёсский род или *Бөҕөс* [Патканов, 1912: 726; Пекарский, 1959б: 516], что как раз представляет собой типологическую форму множественного числа на +*s*. Это название обнаруживает параллель с названием административного рода *бүхэд* у балаганских (унгинских) бурят, который уже с 1630 г. упоминается в русскоязычных документах как род Букиев, Быкиев, Быкотский и локализуется в них в низовьях р. Оки [Долгих, 1960: 210]. Из доступных сообщений русскоязычных источников нельзя сделать уверенное заключение, как соотносятся название «Букиев улус» [Миллер, 2005: 156, 180] и имя «князца» Букии (Им. падеж) [Там же: 198], носит ли улус название по имени этого человека, или же упомянутое в источниках имя содержит отсылку к идентичности его носителя.

Этимологически название, вероятно, связано с именной основой, представленной карах.-уйг. *böke* ‘воин’, ‘(перен.?) большая змея’, письм.-монг. *böke*, халх. *бөх*, бур. *бүхэ*, калм. *бөк*, дагур. *букэ* ‘прочный, крепкий; силач’ [Doerfer, 1965: 349–351; Clauson, 1972: 324; Rybatzki, 2006: 235, 236][2], ср. як. *бөҕө*: 1) ‘крепкий, твердый, сильный, мощный, могучий; непоколебимый, непреклонный’, ‘необоримый, сильный (в борьбе), силач’; 2) ‘крепость, твердость, сила’, *бөҕөс* ‘крепкий, силач, боец’ [Пекарский, 1959б: 514–516]. В данном случае, при отсутствии противоречий с бурятской формой, следовало бы объяснить развитие письм.-монг. /k/ > як. /g/. В эвенкийском языке (томмотский, токкинский, учурский, майский, урмийский говоры восточного наречия) слово *bögö* ~ *bügü* ‘strong, solid’, как и другие подобные примеры монголизмов, где исходный монгольский глухой согласный /q/ или /k/ в интервокальной позиции представлен звонким вариантом, определяются как заимствования в эвенкийский язык через якутский, будучи при этом относимы к заимствованиям «раннего периода» [Khabtagaeva, 2011: 100]. Что бы под этим ни понимать, их проникновение в якутский язык произошло уже после преобразования в нем аффрикат в /s/, поскольку примеры монголизмов содержат /č/, но до появления заимствований из русского языка, в которых рус. -*k*- > як. -*k*- [Khabtagaeva, 2011: 100 (note 22), 101]. Озвончение интервокальных /q/ > /γ/ и /k/ > /g/ отмечено для ряда якутских монголизмов, которые сохраняют исходные аффрикаты [Kałużyński, 1961: 51]. Переход глухих согласных в звонкие в якутском языке, отраженный в соответствующих чередованиях при употреблении одних и тех же слов, может быть объяснен как общая историческая тенденция

[2] Выдвинутое ранее одним из авторов данной статьи предположение о связи бурятского этнонима *бүхэд* с этнонимом древнетюркского времени *ну-гу* 僕骨 (**buqut*) / 僕固 (**buqu*) [Нанзатов, 2018: 150] следует отвергнуть. В свете вновь открывшихся данных предпочтительнее было бы сопоставить последний с другим бурятским этнонимом, зафиксированным в форме *бугу* (подразделение *шоно*).

ослабления артикуляции [Иванов, 1993: 178, 307], поэтому ее сложно поместить в детальные хронологические рамки.

В отношении бурятской формы следует сказать, что в восточных диалектах бурятского языка (в том числе хоринском, а через него – в литературном языке) в первом слоге огубленные полуширокий */ö/ (> [ы]) и узкий */ü/ (> [о]) сливаются в одну фонему, представленную произносительным вариантом в виде узкого гласного (это явление также находит параллели в некоторых ранних письменных памятниках, а также широко распространено в языках и диалектах Внутренней Монголии) [Рассадин, 1982: 19, 21, 22]. Впрочем, это же явление отмечено в говоре нижнеудинских бурят, который является самым западным и изолированным диалектом бурятского языка и этой чертой отличается именно от говоров западного ареала [Рассадин, 1999: 26, 27]. Орфографию русскоязычных документов XVII в., которые в этом случае содержат в первом слоге графический /у/, позже /и/, вряд ли можно уверенно интерпретировать с точки зрения каких-либо фонетических законов, но при этом, кажется, предпочтение в них отдается узкому гласному.

Другая основа, представленная др.-тюрк., ср.-тюрк. *bügü* ‘мудрый, волшебный’; ср.-монг. *bö’e*, письм.-монг. *böge*, халх., бур., калм. *бөө* ‘шаман’ [Histoire des campagnes…, 1951: 250; Doerfer, 1963: 233, 234; Clauson, 1972: 324, 325; Rybatzki, 2006: 234], могла бы проще объяснить якутскую форму этнонима (как монголизм), но не бурятскую, если мы хотим их сопоставить. Чтобы усилить эту этимологию, потребовалось бы объяснить появление в бурятской форме этнонима щелевого /х/, вопреки образующей основе, как результат вторичного развития из варианта, сохранившего еще смычный аллофон */g/, что возможно только после ударного гласного, не позволяя осуществиться стяжению исторического комплекса -VgV- [Рассадин, 1982: 106, 152]. Это значило бы то, что слияние письм.-монг. /ö/ и /ü/ в первом слоге в одну фонему в бурятском произошло после того, как акцентуация была перенесена на первый слог, либо то, что бурятскую форму следует выводить непосредственно из др.-тюрк., ср.-тюрк. *bügü*. Еще сложнее было бы объяснить графический /к/ русскоязычных документов XVII в., если он должен был бы отражать аллофон исходного /g/.

3. Заключение

Основываясь на результатах исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Проникновение в якутскую среду этнонимов монгольского облика с аффиксом множественности +s, с точки зрения наблюдаемых на конкретных примерах формальных характеристик, вполне логично помещается в ожидаемый период XIII–XVI в. Однако для

некоторых примеров, судя по косвенным фонетическим признакам, нижняя хронологическая отметка явно должна быть повышена.

2. Наличие в якутской среде этнонимов, сохранивших в омертвелых формах (то есть уже без осмысления морфологического состава именований) исходно монгольский аффикс множественного числа +s, отражает состояние непосредственно языков, ставших источниками заимствований, среди которых предок бурятского языка. Следовательно, как и в других среднемонгольских языках или диалектах, в нем, по крайней мере еще до XVII в., бытовал аффикс множественности +s, в последующем в таком фонетическом обличии не сохранившийся. Рассмотренные конкретные материалы представляют дополнительный довод в пользу этого утверждения наряду с известным примером трансформации ср.-монг. *ikeres* > бур. *ekired*, переходная стадия которой отражена в русскоязычных источниках XVII в. в орфографической форме *икиреж(и)*.

3. Наличие явных бурятско-якутских параллелей позволяет углубить представления о контактах между историческими сообществами, являвшимися предками носителей этих языков. Отмеченные параллели отражают бурятско-якутские связи на ранних этапах становления обоих народов. Наличие в якутской среде этнонимов, прошедших т.н. прибайкальский (раннебурятский) этап, еще раз подтверждает маршрут продвижения части предков якутов с юга, т.е. именно с Прибайкалья, где они тесно контактировали с предками бурят, и, возможно, еще там среди них имел место тюрко-монгольский билингвизм.

Сокращения названий языков

бур. – бурятский
дагур. – дагурский
др.-тюрк. – древнетюркский
калм. – калмыцкий
карах.-уйг. – караханидско-уйгурский
письм.-монг. – письменно-монгольский
рус. – русский
ср.-монг. – среднемонгольский
ср.-тюрк. – среднетюркский
халх. – халха-монгольский

Литература

Боргояков М.И. (1981) Источники и история изучения хакасского языка. Абакан: Хакасское книжное изд-во. 144 с.

Грамматика современного якутского литературного языка (1982) / Ред. кол.: Е.И. Коркина, Е.И. Убрятова (отв. ред.), Л.Н. Харитонов, Н.Е. Петров. М.: Наука. Т. 1. Фонетика и морфология. 496 с.

Долгих Б.О. (1960) Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. М.: АН СССР. 662 с.

Иванов Н.М. (2001) Монголизмы в топонимии Якутии. Якутск: Ин-т гум. исследований АН Республики Саха (Якутия). 204 с.

Иванов С.А. (1993) Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. Новосибирск: Наука. 348 с.

Калужинский Ст. (1961) Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке: (Предварительные замечания на основе материалов «Словаря якутского языка» Э.К. Пекарского) // Труды Института языка, литературы и истории Якутского филиала СО АН СССР. Вып. 3 (8). С. 5–21.

Кляшторный С.Г. (1964) Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.: Наука. 214 с.

Линденау Я.И. (1983) Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока / Пер. с нем., подгот. текста, примеч. и предисл. З.Д. Титовой; под. общ. ред. И.С. Вдовина. Магадан: Магаданск. книжн. изд-во. 176 с.

Миллер Г.Ф. (2005) История Сибири. М.: Вост. лит-ра. Т. III. 598, (2) с., [1] л.

Нанзатов Б.З. (2018) Иркутские буряты в XIX веке: Этнический состав и расселение. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 224 с.

Нанзатов Б.З., Тишин В.В. (2021) К бурятско-якутским этническим связям: **ataγaị* // Вестник Бурятского Научного Центра СО РАН. № 2 (42). С. 45–54.

Патканов С.К. (1912) Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). СПб. Т. 3: Иркутская губ., Забайкальская, Амурская, Якутская, Приморская обл. и о. Сахалин. С. [3], 434–999, [5]: табл.

Пекарский Э.К. (1959а) Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР. Т. I. Вып. 1–4. (3). XVIII. (1) с. Стб. 1–1280. (2) с.

Пекарский Э.К. (1959б) Словарь якутского языка. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР. Т. III. Вып. 10–13. Стб. 2509–3858. VIII с.

Рассадин В.И. (1973) Бурятизмы в якутском языке // О.Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов»: Мат. конф., посвящ. 120-летию выхода в свет труда О.Н. Бётлингка «О языке якутов» / Отв. ред.: Е.И. Коркина, Н.Е. Петров. Якутск: ЯФ СО АН СССР. С. 167–179.

Рассадин В.И. (1980) Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука. 115 с.

Рассадин В.И. (1982) Очерки по исторической фонетике бурятского языка. М.: Наука. 199 с.

Рассадин В.И. (1999) Становление говора нижнеудинских бурят. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 160 с.

Санжеев Г.Д. (1977) Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во. 162 с.

Справочник Якутской области на 1911 г. (1911) Изданный Якутским областным статистическим комитетом под редакцией секретаря комитета М.П. Николаева. Якутск: Тип. обл. управления. С. 10, 13, 68, 118.

Тишин В.В., Нанзатов Б.З. (2023) Историческая фонетика бурятского языка в русскоязычной документации XVII в.: (К постановке проблемы). Ч. 2 // Монголоведение. Т. 15. № 1. С. 287–304.

Токарев С.А. (1945) Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якут. гос. изд-во. 414 с.

Широбокова Н.Н. (1980) О якутско-монгольских контактах // Народы и языки Сибири / Отв. ред.: Е.И. Убрятова. Новосибирск: Наука. С. 140–147.

Широбокова Н.Н. (2001) Историческое развитие якутского консонантизма. Новосибирск: Наука. 150 с.

Altan tobči. A Brief history of the Mongols by bLo-bzaṅ bsTan-'jin (1952) / A critical introd. by A. Mostaert and an editor's foreword by F.W. Cleaves. Cambridge: Harvard University Press. [Part II]. 193 p.

Clauson, G. (1972) An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press. xlviii. 989 p.

Doerfer G. (1963) Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. XLVIII. 557 S.

Doerfer G. (1965) Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit.Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. Bd. II. Türkische Elemente im Neupersischen. V. 671 S.

Doerfer G. (1967) Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit.Wiesbaden: Franz Steiner Verlag. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. (2). 670 S.

Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou (1951). Traduit et annoté: P. Pelliot et L. Hambis. Leiden: E.J. Brill. T. I. XXVII. 485 p.

Kałużyński S. (1961) Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 170 s.

Khabtagaeva B. (2011) Yakut elements of Mongolic origin in Evenki // Урало-алтайские исследования: Ural-Altaic Studies. No. 1 (4). P. 93–109.

Poppe N. (1955) Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 300 p.

Poppe N. (1959) Das Jakutische: (Einschließlich Dolganisch) // Philologiae Turcicae fundamenta: Iussu et auctoritate Unionis Universae Studiosorum Rerum Orientalium, auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis Scientiae Culturae Ordinis, una cum praestantibus Turcologis / Ed. J. Deny, K. Grønbech, H. Scheel, Z.V. Togan. [Wiesbaden: Franz Steiner]. T. 1. S. 671–684.

Rybatzki V. (2006) Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente: Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy. xxxv. 841 S.

Stachowski M. (2005) Chronology of Some Yakut Phonetic Changes in the Context of 18th century Mongolian Loanwords into Yakut // Rocznik Orientalistyczny. T. 58. No. 1. Opera altaistica Professori Stanislao Kałużyński octogenario dicata / [The Honorary Committee: S. Godziński, J. Tulisow, A. Bareja-Starzyńska, J. Rogala; ed. by A. Bareja-Starzyńska, J. Tulisow, with assist. of J. Rogala]. Pp. 194–203.

References

Altan tobči. A Brief history of the Mongols by bLo-bzaṅ bsTan-'jin (1952) / A critical introduction: A. Mostaert; editor's foreword: F.W. Cleaves. Cambridge, Harvard University Press. [Part II]. 193 p. (In Written Mong.)

Borgoiakov, M.I. (1981) Istochniki i istoriia izucheniia khakasskogo yazyka [Sources and history of studying the Khakass language]. Abakan: Khakass book publishing house. 144 p. (In Russ.)

Clauson, G. (1972). An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press. xlviii. 989 p.

Doerfer, G. (1963) Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. I. Mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag. XLVIII. 557 p. (In Germ.)

Doerfer, G. (1965) Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. II. Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag. V. 671 p. (In Germ.)

Doerfer, G. (1967) Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, Franz Steiner Verlag. (2). 670 p. (In Germ.)

Dolgikh, B.O. (1960). Rodovoi i plemennoi sostav narodov Sibiri v 17 veke [Clan and tribal composition of the peoples of Siberia in the 17th century]. M.: Academy of Sciences of USSR. 662 p. (In Russ.)

Histoire des campagnes (1951) de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Transl. and comment by P. Pelliot, L. Hambis. Vol. 1. Leiden: E. J. Brill. XXVII. 485 p. (In French)

Ivanov, N.M. (2001) Mongolizmy v toponimii Yakutii [Mongolic Loan-Words in the toponymy of Yakutia]. Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the Academy of Sciences of Republic of Sakha (Yakutia). 204 p. (In Russ.)

Ivanov, S.A. (1993) Tsentral'naia gruppa govorov yakutskogo yazyka: Fonetika [The Central Group of Dialects of the Yakut Language: Phonetics]. Novosibirsk: Nauka. 348 p. (In Russ.)

Kałużyński, St. (1961). Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe. 170 p. (In Germ.)

Kałużyński, St. (1961). Nekotorye voprosy mongol'kikh zaimstvovanii v yakutskom yazyke: (Predvaritel'nye zamechaniia na osnove materialov "Slovaria yakutskogo yazyka" E. K. Pekarskogo) [Some issues of Mongolian borrowings in the Yakut: (Preliminary remarks based on materials from the "Dictionary of the Yakut Language" compiled by E. K. Pekarsky)] // Trudy Instituta yazyka, literatury i istorii Yakutskogo filiala SO AN SSSR [Proceedings of the Institute of Language, Literature and History of the Yakut Branch of the Siberian Branch of the Academy of Sciences of USSR]. Vol. 3 (8). Pp. 5–21. (In Russ.)

Khabtagaeva, B. (2011) Yakut elements of Mongolic origin in Evenki // Uralo-altaiskie issledovaniia: Ural-Altaic Studies. No. 1.(4). Pp. 93–109.

Klyashtornyi, S.G. (1964). Drevnetiurkskie runicheskie pamiatniki kak istochnik po istorii Srednei Azii [Old Turkic runic monuments as a source on the history of Central Asia]. M.: Nauka. 214 p. (In Russ.)

Korkina, E.I. et al. (ed.) (1982). Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka [Grammar of the modern Yakut literary language]. Vol. 1. Fonetika i morfologiia [Phonetic and Morphology]. M.: Nauka. 496 p. (In Russ.)

Lindenau, J. (1983) Opisanie narodov Sibiri (pervaia polovina 18 veka): Istoriko-etnograficheskie materialy o narodakh Sibiri i Severo-Vostoka [Description of the peoples of Siberia (first half of the 18th century): Historical and ethnographic materials about the peoples of Siberia and the North-East] / Trans. with German, prep. text, notes and preface by Z.D. Titova; ed. by I.S. Vdovin. Magadan: Magadan. book publishing house. 176 p. (In Russ.)

Müller, G.F. (2005) Istoriia Sibiri [A History of Siberia]. Moscow: Vostochnaia Literatura. Vol. 3. 598, (2) p. (In Russian).

Nanzatov, B.Z. (2018) Irkutskie buriaty v 19 veke: Etnicheskii sostav i rasselenie [Irkutsk Buryats in the 19th century: Ethnic composition and settlement]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Publ. 224 p. (In Russ.)

Nanzatov, B.Z., Tishin, V.V. (2021). K buriatsko-yakutskim etnicheskim sviaziam: **ataγaį* [On the ethnic ties between buryats and yakuts: **ataγaį*] // Vestnik Buriatskogo Nauchnogo Tsentra SO RAN [Bulletin of the Buryat Scientific Center pf SB RAS]. No. 2 (42). Pp. 45–54. (In Russ.)

Patkanov, S.K. (1912) Statisticheskie dannye, pokazyvayushchie plemennoi sostav naseleniya Sibiri, yazyk i rody inorodtsev: (Na osnovanii dannykh spetsialnoi razrabotki materiala perepisi 1897 g.) [Statistical data showing the tribal composition of the population of Siberia, language and kind of foreigners (on the basis of a special development of the material to the 1897 census)]. Vol. 3, Irkutskaya guberniya, Zabaikal'skaya, Amurskaya, Yakutskaya, Primorskaya oblasti i ostrov Sakhalin [The Irkutsk region, Zabaykalsky, Amur, Sakha, Primorye region and Island of Sakhalin]. St. Petersburg. Pp. 434–999. (in Russ.)

Pekarskii, E.K. (1959a) Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language.]. 2nd ed. Vol. 1. Fasc. 1–3. M.: Academy of Sciences of USSR. XVIII. (1) p. Lines 1–1280. (2) p. (In Russ.)

Pekarskii, E.K. (1959b) Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut language.]. 2nd ed. Vol. 3. Fasc. 10–13. M.: Academy of Sciences of USSR. Lines 2509–3858. VIII p. (In Russ.).

Poppe, N. (1955) Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura. 300 p.

Poppe, N. (1959) Das Jakutische: (Einschließlich Dolganisch) // Philologiae Turcicae fundamenta: Iussu et auctoritate Unionis Universae Studiosorum Rerum Orientalium, auxilio et opera Unitarum Nationum Educationis Scientiae Culturae Ordinis, una cum praestantibus Turcologis. / Ed. by: J. Deny, K. Grønbech, H. Scheel, Z.V. Togan. [Wiesbaden: Franz Steiner]. Vol. 1. Pp. 671–684. (In Germ.)

Rassadin, V.I. (1973) Buriatizmy v yakutskom yazyke [Buryat Loan-Words in the Yakut language]. O.N. Böhtlingk i ego trud "O iazyke yakutov": Materialy konferencii, posviashchionnoi 120-letiiu vykhoda v svet truda O.N. Böhtlingka "O yazyke yakutov" [O.N. Bötlingk and his work "On the language of the Yakuts": Materials of the conference, dedicated on 120th anniversary of the publication of the work of O.N. Bötlingk "On the language of the Yakuts" / Ed. by: E.I. Korkina, N.E. Petrov. Yakutsk: Yakut branch of the USSR Academy of Sciences. Pp. 167–179. (In Russ.)

Rassadin, V.I. (1980) Mongolo-buriatskie zaimstvovaniia v sibirskikh tiurkskikh yazykakh [Mongolic and Buryat Borrowings in Siberian Turkic Languages]. M.:Nauka. 115 p. (In Russ.)

Rassadin, V.I. (1982). Ocherki po istoricheskoi fonetike buriatskogo yazyka [Essays on the historical phonetics of the Buryat language.]. M.: Nauka. 199 p. (In Russ.)

Rassadin, V.I. (1999) Stanovlenie govora nizhneudinskikh buriat [A Formation of a Dialect of Low Uda Buryats]. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB RAS Publ. 160 p. (In Russ.).

Rybatzki, V. (2006). Die Personennamen und Titel der Mittelmongolischen Dokumente. Eine lexikalische Untersuchung. Helsinki: Yliopistopaino Oy. xxxv. 841 p. (In German)

Sanzheev, G.D. (1977). Lingvisticheskoe vvedenie v izuchenie istorii pis'mennosti mongol'skikh narodov [A Linguistic introduction to the study of the history of writing among the Mongolic peoples]. Ulan-Ude: Buryatia book publ. house. 162 p. (In Russ.)

Shirobokova, N.N. (1980) O yakutsko-mongol'skikh kontaktakh [On Yakut-Mongolic contacts]. Narody i yazyki Sibiri [Peoples and languages of Siberia] / Ed. by: E.I. Ubriatova. Novosibirsk: Nauka. Pp. 140–147. (In Russ.)

Shirobokova, N.N. (2001). Istoricheskoe razvitie yakutskogo konsonantizma [Historical development of Yakut Consonant System]. Novosibirsk: Nauka. 150 p. (In Russ.)

Spravochnik (1911) Yakutskoi oblasti na 1911 g. pod redaktsiei sekretaria komiteta M.P. Nikolaeva [A Reference book on Yakutsk region in 1911 under redaction of committee secretary M.P. Nikolaev]. Pp. 10, 13, 68, 118. Yakutsk: Tipography of Regional Goverment. (In Russ.)

Stachowski, M. (2005) Chronology of Some Yakut Phonetic Changes in the Context of 18th century Mongolian Loanwords into Yakut // Rocznik Orientalistyczny. T. 58. No. 1. Opera altaistica Professori Stanislao Kałużyński octogenario dicata / [The Honorary Committee: S. Godziński, J. Tulisow, A. Bareja-Starzyńska, J. Rogala; ed. by A. Bareja-Starzyńska, J. Tulisow, with assist. of J. Rogala]. P. 194–203.

Tishin, V.V., Nanzatov, B.Z. (2023). Istoricheskaia fonetika buriatskogo yazyka v russkoyazychnoi dokumentatsii XVII v.: (K postanovke problemy). Ch. 2. [Buryat Historical Phonetics in Seventeenth-Century Russian-Language Documents: Problem Statement Approached. Part 2] // Mongolovedenie [Mongolian Studies]. Vol. 15. No. 1. Pp. 287–304. (In Russ.)

Tokarev, S.A. (1945). Obshchestvennyi stroi yakutov 17–18 vv. [A Social system of the Yakuts in the 17th–18th centuries]. Yakutsk: Yakutia State publ. 414 p. (In Russ.)

Примечание

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00385 «Трансформация этнической карты монгольского и тюркского населения: Южная и Восточная Сибирь XVII–XIX вв. в составе Российского государства», https://rscf.ru/project/24-28-00385/ (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН).

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00385 "Transformation of the Ethnic Map of the Mongolian and Turkic Population: South and East Siberia in the 17th – 19th centuries as a Part of the Russian State", https://rscf.ru/project/24-28-00385/ (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS)

Нанзатов Баир Зориктоевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
https://orcid.org/0000-0001-8012-2515
Адрес: 670047, Россия, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.
Эл. адрес: nanzatov@yandex.ru

Тишин Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
https://orcid.org/0000-0001-7344-0996
Адрес: 670047, Россия, Республика Бурятия, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.
Эл. адрес: tihij-511@mail.ru

Nanzatov, Bair Z. – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Department of history, ethnology and sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
https://orcid.org/0000-0001-8012-2515
Address: 6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation
E-mail: nanzatov@yandex.ru

Tishin, Vladimir V. – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, The Department of Central Asian History and Culture, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
https://orcid.org/0000-0001-7344-0996
Address: 6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation
E-mail: tihij-511@mail.ru

Для цитирования: *Нанзатов Б.З., Тишин В.В.* Монгольский аффикс *+s* в якутских этнонимах как хронологический маркер исторических бурятско-якутских контактов: к постановке вопроса //Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 81–93. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-81-93

For citation: *Nanzatov, B.Z., Tishin, V.V.* Mongolic suffix *+s* in Yakut ethnonyms as a chronological marker of historical contacts between Buryats and Yakuts: toward the formulation of the problem // Sociolingvistika. 2024. No. 2 (18). Pp. 81–93. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-81-93

The article was submitted 05.01.2024;
approved after reviewing 12.04.2024;
accepted for publication 15.06.2024.

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

YOUNG SCHOLAR'S ENDEAVOURS

УДК 81`27 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-94-104

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ФАКТОРЫ РОСТА ПОПУЛЯРНОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В АНГЛИИ X–XI ВВ.

Андрей А. Щеголяев
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет,
Российская Федерация

Исследование посвящено анализу феномена создания большого количества религиозной литературы в Англии X–XI вв., связанному с бенедиктинской реформой, повлиявшей на дальнейшее развитие как английского монашества, так и языка. Статья фокусируется на истории бенедиктинской реформы, ее социальных и отчасти политических причинах, особенностях проведения и результатах деятельности реформаторов, кратком анализе произведений и авторов, писавших на древнеанглийском языке на рубеже X–XI вв., отличительных чертах деятельности «винчестерской школы», занимавшейся переводом латинских текстов, и особенностях формирования пласта религиозной лексики древнеанглийского языка – в том числе под влиянием латыни. В статье подчеркнуто, что переводные тексты «винчестерской школы» обладают стилистическим единством и отражают попытку стандартизировать зарождающийся корпус древнеанглийской религиозной лексики, формируя собственный «словарь» (Winchester usage). Кроме того, отмечено использование авторами гомилий кодового переключения: вставок латинских фраз из Священного Писания в окружении толкования-экзегезы на древнеанглийском языке. Кратко рассмотрено разнообразие жанров древнеанглийской литературы, подробно изложена история возникновения сборников проповедей-гомилиариев, отмечено континентальное (в частности, франкское) влияние на проповедь-гомилию в Британии, выделены литургические особенности употребления проповедей, приведены некоторые детали, присущие богослужению латинского обряда той эпохи. В заключении статьи отмечено, что гомилии рубежа X–XI вв., отражая форму, присущую латинской проповеднической традиции, сохранили многие особенности древнеанглийского языка: в частности, ранние заимствования из латинского и греческого языков, зарождающиеся аналитические формы времен (будущее время, перфект), стилистические образцы древнеанглийской прозы.

Ключевые слова: *Англия, древнеанглийский язык, бенедиктинская реформа, социолингвистика, «винчестерская школа», Этельвольд, Эльфрик Грамматик*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© А.А. Щеголяев, 2024

SOCIAL AND LINGUISTIC FACTORS OF THE POPULARITY OF THE RELIGIOUS LITERATURE IN ENGLAND IN THE X–XI CENTURIES

Andrey A. Shchegolyaev
St. Tikhon Orthodox Humanitarian University, Russian Federation

The study is devoted to the analysis of the phenomenon of the creation of a large number of books on religious literature in England of the 10th-11th centuries, associated with the Benedictine reform, which influenced the further development of both English monasticism and language. The article focuses on the history of the Benedictine reform, its social and partly political reasons, the peculiarities of the implementation and results of the activities of the reformers, a brief analysis of the works and authors who wrote in Old English at the turn of the 10th–11th centuries, the distinctive features of the activities of the "Winchester School", which was engaged in the translation of Latin texts, and the peculiarities of the formation of a layer of religious vocabulary of the Old English language including the works created under the influence of Latin. The article emphasizes that the translated texts of the "Winchester School" have stylistic unity and reflect an attempt to standardize the nascent corpus of Old English religious vocabulary, forming its own "dictionary" (Winchester usage). In addition, the authors of the homilies noted the use of code switching: insertions of Latin phrases from the Holy Scriptures surrounded by interpretation-exegesis in Old English. The variety of genres of Old English literature is briefly examined, the history of the emergence of collections of homilial sermons is described in detail, the continental (in particular, Frankish) influence on homilial sermons in Britain is noted, the liturgical features of the use of sermons are highlighted, and some details inherent in the worship of the Latin rite of that era are given. In conclusion, the article notes that the homilies of the turn of the 10th–11th centuries, reflecting the form inherent in the Latin preaching tradition, retained many features of the Old English language, in particular, early borrowings from Latin and Greek, emerging analytical forms of tenses (future tense, perfect), stylistic samples of Old English prose.

Keywords: *England, Old English, Benedictine reform, sociolinguistics, "Winchester School", Aethelwold, Aelfric the Grammarian*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Andrey A. Shchegolyaev, 2024

1. Введение

Рубеж X–XI вв. в истории Англии характеризовался активным развитием искусства и литературы – как на латинском, так и на древнеанглийском языках. К причинам такого рывка в области культуры можно отнести важнейшее для той эпохи явление в церковной сфере – бенедиктинскую реформу, продолжавшую общеевропейскую тенденцию обновления монашества и связанную с литургической реформой Каролингов на рубеже VIII–IX вв. (см.: [Вукашинович, 2005:18]). Бенедиктинская реформа, активными деятелями которой были английские короли, возродила английское монашество, сделала монастыри крупными культурными и просветительскими центрами, распространявшими в том числе знания в светской области – медицине и естествознанию. В церковной области следствием Бенедиктинской реформы, проходившей в несколько этапов, стало появление не только литургических, но и оригинальных педагогических, агиографических и гомилетических текстов на древнеанглийском языке.

Материалом исследования послужили древнеанглийские тексты различных жанров X–XI вв., литература по развитию христианства и монашества в Британии, гомилетике и литургике.

При исследовании использовался метод сбора и анализа источников и литературы по теме исследования.

Цель данной статьи – выявление и анализ языковых и социальных факторов, способствовавших бурному развитию древнеанглийской литературы X–XI вв. В задачи исследования входит: 1) рассмотрение социально-религиозной ситуации бенедиктинского монашества на рубеже X–XI вв.; 2) обзор жанров произведений того времени, созданных на латинском и древнеанглийском языках; 3) изучение развития оригинальной и переводной литературы на древнеанглийском языке; 4) выявление особенностей развития религиозной лексики древнеанглийского языка.

2. Распространение христианства и христианской литературы в Британии

Начальный этап развития древнеанглийской литературы был связан с христианизацией Британии. Христианство существовало на Британских островах со времен Римской империи, распространяясь среди смешанного римско-кельтского населения. Однако ослабление Рима и приход германских племен англов, саксов и ютов на Британские острова привел к исчезновению христианства в Англии. Лишь в VII в. благодаря усилиям папской миссии, посланной Григорием Великим, и кельтским проповедникам произошло второе обращение Англии. Христианская вера активно распространялась среди элиты англосаксонской Англии, что способствовало покровительству миссии на самом высоком уровне и во многом предопределило бенедиктинскую реформу X–XI вв. Основными источниками по истории данного периода являются «История народа англов» (лат. Historia ecclesiastica gentis Anglorum) авторства монаха Беды Достопочтенного, написанная на латыни, и Англосаксонская хроника (англ. The Anglo-Saxon Chronicle) на древнеанглийском.

Латинский язык, существовавший на Британских островах в разговорной форме со времени завоевания части Альбиона римскими войсками, с принятием христианства приобретает роль языка науки и религии. Как и во всей Западной Европе, латынь являлась богослужебным языком; на родном языке могла совершаться только проповедь. В Англии в начале VIII в. латынь стала сакральным языком, используемым в богослужении, для чтения Писания, святоотеческих трудов и в богословии, что является признаком диглоссии: функции латинского и древнеанглийского языков были строго разграничены [Timofeeva, 2013]. Кроме того, латынь была языком агиографии и гимнографии, а также светской сферы: медицины, астрономии. Известна многочисленная литература на латинском языке, созданная в донорманнской Англии: труды епископа Альдхельма «О похвалах девственности» (De laudibus virginitatis) и «Послание к Ациркуму» (Epistola ad Acircium), хроника Беды Достопочтенного

«История народа англов» (Historia ecclesiastica gentis Anglorum) и его же сочинение «О природе вещей» (De natura rerum), принадлежавшие перу Алкуина «Искусство грамматики» (Ars Grammatica), «Словопрение высокороднейшего юноши Пипина с Альбином Схоластиком» (Disputatio regalis et nobilissimi juvenis Pippini cum Albino scholastico), а также многочисленные письма, трактаты, стихотворения и загадки его авторства.

К началу IX в. английское бенедиктинское монашество находится в упадке: набеги викингов, политические и экономические проблемы мешали монашеским общинам развиваться [Blair, 2005: 323–326]. Так, Блэр сообщает, что в период правления королей Альфреда и Вильгельма II большинство англосаксонских монастырей имели общепринятое устройство: они состояли из секулярных клириков (не монашествующих), объединенных служением в одной церкви и, вероятно, пастырским окормлением ее прихожан. С эпохи короля Альфреда Великого начинается возрождение бенедиктинских монастырей, а самой активной фазы достигает при святителе Эльфхеахе (Эльфедже) Винчестерском (англ. St Ælfheah of Winchester), его ученике святителе Дунстане Кентерберийском (англ. St Dunstan of Canterbury) и епископе Вульфстане Винчестерском (англ. Wulfstan of Winchester) в X в. [David Hugh Farme, 1978: 14; Hurt, 1972: 19].

Одним из следствий этой реформы является резкое увеличение количества монастырей в X в. – подобный пик Англия проходила только в VII в. Это происходило следующим образом: крупные и разнообразные по уставу монашеские общины были разделены на более скромные по размерам. В ряде случаев такое действие было вызвано уменьшением ресурсов и статуса того или иного монастыря для исправления ситуации с преобладанием «белых» священников. Реформа и возрождение монашества привели и к резкому увеличению количества литературы: так, большинство литургических книг, относящихся к англосаксонскому изводу римской традиции и дошедших до нашего времени, датируются X в. [Hurt, 1972: 4]. Кроме того, английские короли способствовали развитию образования [Моховикова, 2001: 78], распространению монашеской литературы с континента – в том числе франкской и римской. Так, согласно Дж. Хёрту, основными церковными писателями, труды которых были распространены в Англии в эпоху реформы, были святитель Григорий Великий (Двоеслов), преподобный Беда Достопочтенный и блаженный Августин Иппонийский [Hurt, 1972: 44, 45]. Кроме трех основных вышеназванных авторов, исследователи выделяют и некоторых других, тем не менее важных, писателей – это блаженный Иероним Стридонский, Смарагд (вероятно, имеется в виду Смарагд Сен-Мишельский; фр. Smaragde de Saint-Mihiel – монах-бенедиктинец, один из крупных авторов-составителей проповедей и комментариев, напр.: Smaragdus of Saint-Mihiel: Commentary on the Rule of Saint Benedict (2008), translated by David Barry OSB), Хаймо

(Хаймо Гальберштадтский, нем. Haymo von Halberstadt – бенедиктинский монах немецкого происхождения, бывший епископом Гальберштадта с 840 по 853 год) и некоторые другие.

Вышеперечисленные действия английской власти и высшего духовенства принесли плоды в виде развития древнеанглийской прозы – как переводной, так и оригинальной. Благодаря бенедиктинской реформе возник широкий пласт литературы на древнеанглийском языке, в который входили: 1) переводные тексты (глоссы к Линдисфарнскому и Рашфортскому Евангелиям, перевод Ветхого Завета Эльфрика Грамматика (Пятикнижие), перевод части Псалтири, перевод Уэссекских Евангелий); 2) оригинальные произведения («Грамматика» аббата Эльфрика, гомилии Эльфрика Грамматика и Вульфстана Йоркского, рукописи уставов бенедиктинских монастырей, Эксетерская книга, рукопись Юния или рукопись Кэдмона, содержащая поэмы религиозного характера). Особое место в ряду оригинальных произведений занимают гомилии как наиболее крупный корпус текстов.

3. Континентальное влияние на развитие жанра гомилии в Британии

Самые ранние сборники проповедей – *гомилиарии* (лат. homilia – проповедь, гомилия) в Европе фиксируются серединой V – началом VI в. Принцип их организации имел в своей основе церковный календарь и был идентичен структуре *сакраментария* – литургической книги, содержащей священнические молитвы для основных церковных служб [McC. Gath, 1977: 27]. Необходимо сделать акцент на том, что гомилиарии появляются в монашеской среде, поэтому их широкое распространение косвенно указывает на успешность монашеского движения и возникновение обязанности совершения ежедневного богослужения для «белого» духовенства, что и проявилось впоследствии во время Клюнийской реформы [Вукашинович, 2005: 29]. Структура гомилиария включала в себя две главные группы чтений: воскресные, содержащие набор чтений для Matutinae и евангельские перикопы для Мессы, и праздничные с тем же набором текстов. Кроме того, чтения для Matutinae могли включать в себя и ветхозаветные чтения. Важным для истории англосаксонской проповеди является гомилиарий Павла Диакона – одного из деятелей Каролингского возрождения, так как он положил начало возникновению нового типа сборников такого рода, которые называются «каролингскими». В отличие от своих предшественников, эти гомилиарии, хотя и были оформлены как богослужебная литература, в действительности не предназначались для самого богослужения, а более для частного использования. Кроме толкований на те или иные чтения, они содержали тексты для размышлений и чтения, адаптированные для проповедников [Barré, 1961: 6, 13, 14]. По содержанию тексты в этих сборниках были преимущественно экзегетического характера. К семейству этих гомилиариев относится двухтомный труд Sermones Catholici («Кафолические

проповеди»), принадлежащий перу Эльфрика Грамматика (англ. Ælfric the Grammarian) – монаха-бенедиктинца, агиографа, одного из главных проповедников древнеанглийского периода [Hurt, 1972: 45]. Сборник проповедей епископа Вульфстана Йоркского имеет иную структуру, однако затрагиваемые им темы связаны с гомилиями Эльфрика общей логикой.

Оригинальная англосаксонская литературная традиция не могла сложиться без традиции латинской. Между первыми волнами влияния латинского языка (заимствования преимущественно бытовой и незначительного количества церковной лексики) и мощной волной после нормандского вторжения (в сфере религии) большое влияние на древнеанглийскую письменность оказывают труды континентальных авторов. В частности, основными церковными писателями, на труды которых опирался Эльфрик Грамматик при составлении гомилий, были вышеназванные святитель Григорий Великий (Двоеслов), преподобный Беда Достопочтенный и блаженный Августин Иппонийский [Hurt, 1975: 44, 45], а также блаженный Иероним Стридонский, Смарагд Сен-Мишельский, Хаймо Гальберштадтский, Фабий Фульгенций, Сульпиций Север и другие, чьи имена не известны. Хёрт упоминает, что в основание проповедей Эльфрика легли труды святителя Григория Двоеслова, преподобного Беды Достопочтенного и блаженного Августина [Ibid.]. Епископ Вульфстан, также происходивший из бенедиктинской среды, не остался в стороне от монашеского возрождения. Его самые известные и глубоко проработанные труды представляли собой эсхатологические проповеди – в этом проповедник не был одинок: эсхатологическая проповедь была популярна в Англии и в целом в латинском богословии после эпохи патристики (т.е. после IX в.) [[Hurt, 1975: 58; McC. Gath, 1977: 61]. Вероятно, влияние на такую разновидность проповеди могла оказывать и поэзия, включавшая в себя перифразы библейских книг (Бытие, Исход, книга Иудифи и пр.), житий святых и поэмы-элегии Wanderer и Seafarer, а также вошедшие в Эксетерскую книгу (англ. The Exeter Book) агиографические поэмы Кюневульфа (англ. Cynewulf) и библейские поэмы Кэдмона (англ. Caedmon) [Milton, 1977: 62]. В своих трудах Вульфстан, в отличие от Эльфрика, опирался в первую очередь на франкских писателей, с чьими сборниками он мог ознакомиться в Ворчестере. К ним относят канонический сборник Excerptiones Pseudo-Egberti, иной канонический сборник, переведенный на древнеанглийский – The Capitula of Theodulf, созданный, предположительно, епископом Теодульфом Орлеанским (англ. Theodulf of Orléans) – одним из сподвижников императора Карла Великого, Regula Canonicorum авторства Амалария из Метца (лат. Amalarus Symphosius) – архиепископа Трира, также одного из авторов каролингской реформы. Кроме того, называют трактат ирландца и богослова Седулия Скотта De rectoribus Christianis и отдельные труды Алкуина [Bethurum, 1957: 70]. Такой выбор источников для проповедей мог быть обусловлен пастырскими обязанностями Вульфстана, в чьей епархии,

относящейся к Области датского права (англ. Danelaw), проживало много датчан-язычников и христиан-неофитов из их же числа [Ibid: 71].

Важную роль в распространении трудов латинских авторов и их последующего влияния на древнеанглийский сыграла переводческая школа при соборе города Винчестер (Winchester), основанная епископом Этельвольдом (Æthelwold of Winchester).

4. «Винчестерская школа» перевода

Более подробные доказательства того, что школа Этельволда в Винчестере действительно была ключевым фактором всплеска переводной деятельности и создания оригинальных текстов, представлены Гнойсом в исследовании о происхождения стандартного древнеанглийского языка (см.: [Gneuss 1972]). Группа текстов, датируемых концом X или первой половиной XI в. и прямо или косвенно связанных с Винчестером и поэтому называемая «винчестерской группой» (сочинения Эльфрика, Ламбетская Псалтырь (Lambeth Psalter), глосса к Expositio hymnorum, древнеанглийский перевод Правил канонов (Regula Canonicorum), сделанный Хродегангом, епископом Метца), демонстрируют высокую степень единообразия в выборе словарного запаса в ряде семантических полей. Как утверждает Гнойс, такая близость обусловлена преднамеренной попыткой культурного центра стандартизировать древнеанглийскую лексику, а единственным способным на это центром был старый собор в Винчестере [Hofstetter, 1988]. Иллюстрируя этот факт, Хофштеттер предлагает классификацию слов «винчестерской группы», разделив их на три категории (A, B и C) по степени частоты использования в текстах и удаленности от первых текстов Винчестерской школы; он подробно рассматривает группы семантических полей выбранных лексем, указывая на значительное количество совпадений в выборе той или иной древнеанглийской лексемы для перевода латинского аналога [Ibid.: 144–150].

Общая черта текстов этой группы заключается в характере переводов латинских текстов: авторам присущи вставки целых фраз на латыни с толкованием и частичным переводом (так, гомилии Вульфстана Йоркского, написанные на древнеанглийском языке, тем не менее начинаются с евангельской перикопы на латыни, которая в дальнейшем переводится в тексте самой гомилии – один из ярких примеров переключения кодов в древнеанглийской литературе), использование христианской терминологии на латинском языке (abbod, apostol, casere, cleric, deacon, engel, mægister, munuc, preost, sacerd) или в виде калек, чаще всего словообразовательных или семантических (широко использовались Эльфриком в гомилиях и «Грамматике» [Яковенко, 2020: 130, 131]). Устанавливая соответствия между латинскими и английскими словами, Эльфрик ярко демонстрирует традицию «винчестерской школы». Мехтильд Греч [Gretsch, 2001],

связывая, в частности, грамматическую терминологию Эльфрика со словарем Винчестера, отмечает, что главной особенностью «словаря Винчестера» является развитие слоя профессиональной лексики для передачи латинских терминов, как ранее было сделано с лингвистической терминологией в «Грамматике». Поскольку многие тексты «винчестерской школы» содержат глоссы, прослеживается сильная связь между английским словом и его латинским эквивалентом. Более того, особенностью «винчестерской школы» является ее интерес к этимологическому методу анализа латинских терминов.

Забота о литургической лексике отчетливо прослеживается в древнеанглийских сочинениях Этельволда (особенно в уставе бенедиктинского монастыря) и некоторых других текстах, принадлежащих кругу «винчестерской школы». Следует иметь в виду, что к 940-м годам не существовало полноценной христианской терминологии на древнеанглийском языке. Греч выделяет две группы формировавшейся профессиональной лексики (Fachsprache), чье значение менялось в рамках одного текста: так, термин lectio в уставе означал крупный фрагмент чтения из Писания, Св. Отцов, житий святых или экзегетических трудов на ночной службе (Matutinae); второй же вариант означал краткий библейский стих (или несколько стихов), который читается в конце службы [Ibid.:49].

Таким образом, епископ Этельволд и его окружение принимали главное участие в зарождении и продвижении «словаря винчестерской школы» (Winchester usage). Две рукописи, связанные с Этельволдом: древнеанглийские глоссы к Королевской Псалтири (Royal Psalter) и написанный им устав бенедиктинского монастыря – либо часто используют наработки «винчестерской школы», либо экспериментируют с ними. Вероятно, эти манускрипты были созданы на раннем этапе служения Этельволда, в 940-е или начале 950-х годов, то есть в период учебы, который он провел вместе с Дунстаном Гластонберийским (ок. 939–954), и до того, как он приобрел известность как епископ. Другими словами, возникновение «винчестерской школы» тесно связано с кругом деятельности нового поколения бенедиктинского монашества.

5. Заключение

Возрождение английского бенедиктинского монашества вслед за аналогичными событиями на континенте после упадка произошло благодаря взаимодействию церковной иерархии и светской власти, а также интеллектуальной опоре в виде Каролингского возрождения и работы с текстами европейских ученых монахов. Следствием бенедиктинской реформы стал социально обусловленный всплеск религиозной литературы самых разных направлений, а также формирование и дальнейшее развитие религиозной лексики в древнеанглийском языке благодаря деятельности «винчестерской школы», что отразилось в многочисленных письменных

памятниках той эпохи. Кроме того, оригинальные древнеанглийские памятники, испытывая влияние латинских текстов, не были их копией с лексико-грамматической точки зрения, а отражали особенности, присущие древнеанглийскому языку.

Литература

Вукашинович В., свящ. (2005) Литургическое возрождение в XX веке / Пер. с серб. В. Белов. М.: Христианская Россия. 238 с.

Моховикова Н.В. (2001) Культура английского бенедиктинского возрождения // Вестник Тамбовского университета. Тамбов: Тамбовский государственный университет. С. 76–79.

Смирнова Н.С. (2015) Христианская проповедь в донорманнской Англии: Аббат Эльфрик // Acta Eruditiorum. № 19. С. 65–71.

Яковенко Е.Б. (2020) Древнеанглийско-латинские языковые контакты: (На материале «Грамматики» Эльфрика). Серия статей «Литературные языки и литературные традиции: Контакты и влияния» / Под рук. д.ф.н., проф. В.Я. Порхомовского, д.ф.н., проф. И.И. Челышевой; Институт языкознания РАН // Научный результат: Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. Т.6. № 3. С. 127–138.

Barré, H. (1961) L'Homiliaire Carolingien de Mondsee // Revue Bénédictine. No. 71. Pp. 71–107.

Bethurum, D. (1957) The Homilies of Wulfstan. Oxford: Clarendon Press.

Billet, J.D. (2014) The Divine Office in Anglo-Saxon England: 597 – c.1000. L.: Henry Bradshaw Society.

Blair, J. (2005) The Church in Anglo-Saxon Society. Oxford University Press.

Farme, D.H. (1978) The Oxford Dictionary of Saints. Oxford: Clarendon Press

Gneuss, H. (1972) The Origin of Standard Old English and Æthelwold's School at Winchester // Anglo-Saxon England. Vol.1. January. Pp. 63–83.

Gretsch, M. (2001) Winchester Vocabulary and Standard Old English: The Vernacular in Late Anglo-Saxon England // Bulletin of the John Rylands Library. No. 83 (1). Pp. 41–87.

Hofstetter, W. (1988) Winchester and the standardization of Old English vocabulary // Anglo-Saxon England. Vol. 17. December. Pp 139–161.

Hurt, J. (1972) Aelfric. N. Y.: University of Illinois; Twayne Publishers, Inc.

Knowles, D. (1963) The Monastic Order in England: A History of Its Development from the Times of St Dunstan to the Fourth Lateran Council 940–1216. Cambridge: At the University Press.

Meyvaert, P. (1963) Diversity within Unity: A Gregorian Theme // Heythrop Journal. No. 4. Pp. 141–162.

Milton McC.G. (1977) Preaching and Theology in Anglo-Saxon England: Aelfric and Wulfstan. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press. 266 p.

Timofeeva, O. (2013) Anglo-Latin and Old English: A Case for Integrated Bilingual Corpus Studies of Anglo-Saxon Registers. In: Bennett, Paul; Durrell, Martin; Scheible, Silke; Whitt, Richard J. New Methods in Historical Corpus Linguistics. Tübingen: Narr, 195-204.

Yakovenko, Yek. (2019) Change from above, Language Contact, and Individual Change in Ælfric's Linguistic Terminology // Studia Anglica Posnaniensia. No. 54. Pp. 1–19.

References

Vukashinovich V., svjashh. (2005) Liturgicheskoe vozrozhdenie v XX veke / Per. s serb. V. Belov. M.: Hristianskaja Rossija. 238 p. (In Russ.)

Mohovikova, N.V. (2001) Kul'tura anglijskogo benediktinskogo vozrozhdenija [Culture of the English Benedictine Revival] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Tambov: Tambov State University. Pp.76–79. (In Russ.)

Smirnova, N.S. (2015) Hristianskaja propoved' v donormannskoj Anglii: Abbat Jel'frik [Christian Preaching in Pre-Man England: Abbot Aelfric] // Acta Eruditiorum. No.19. Pp. 65–71. (In Russ.)

Jakovenko, E.B. (2020) Drevneanglijsko-latinskie jazykovye kontakty: (Na materiale “Grammatiki” Jel'frika). Serija statej “Literaturnye jazyki i literaturnye tradicii: Kontakty i vlijanija» / Pod ruk. d.f.n., prof. V.Ja. Porhomovskogo, d.f.n., prof. I.I. Chelyshevoj: Institut jazykoznanija RAN // Nauchnyj rezul'tat: Voprosy teoreticheskoj i prikladnoj lingvistiki. Vol.6. No. 3. Pp. 127–138. (In Russ.)

Jakovenko, Yek. (2019) Change from above: Language Contact, and Individual Change in Ælfric’s Linguistic Terminology // Studia Anglica Posnaniensia. No. 54. Pp. 1–19. (In Russ.)

Barré, H. (1961) L’Homiliaire Carolingien de Mondsee // Revue Bénédictine. No.71. Pp. 71–107.

Bethurum, D. (1957) The Homilies of Wulfstan. Oxford: Clarendon Press.

Billet, J.D. (2014) The Divine Office in Anglo-Saxon England: 597 – c.1000. L.: Henry Bradshaw Society.

Blair, J. (2055) The Church in Anglo-Saxon Society. Oxford University Press.

Hurt, J. (1972) Aelfric. N.Y.: University of Illinois, Twayne Publishers, Inc.

Gneuss, H. (1972) The Origin of Standard Old English and Æthelwold's School at Winchester // Anglo-Saxon England. Vol. 1. Pp. 63–83.

Gretsch, M. (2001) Winchester Vocabulary and Standard Old English: The Vernacular in Late Anglo-Saxon England // Bulletin of the John Rylands Library/ No. 83 (1). Pp. 41–87.

Hofstetter, W. (1988) Winchester and the standardization of Old English vocabulary // Anglo-Saxon England. Vol. 17. December. Pp 139–161.

Farme, D.H. (1978) The Oxford Dictionary of Saints. Oxford: Clarendon Press

Knowles, D. (1963) The Monastic Order in England: A History of Its Development from the Times of St Dunstan to the Fourth Lateran Council 940–1216. Cambridge: At the University Press.

Meyvaert, P. (1963) Diversity within Unity: A Gregorian Theme // Heythrop Journal. No. 4. Pp. 141–162.

Milton, G. (1977) Preaching and Theology in Anglo-Saxon England: Aelfric and Wulfstan. Toronto; Buffalo: University of Toronto Press. 266 p.

Timofeeva, O. (2013) Anglo-Latin and Old English: A Case for Integrated Bilingual Corpus Studies of Anglo-Saxon Registers. In: Bennett, Paul; Durrell, Martin; Scheible, Silke; Whitt, Richard J. New Methods in Historical Corpus Linguistics. Tübingen: Narr, 195-204.

Щеголяев Андрей Андреевич – преподаватель кафедры романо-германской филологии Историко-филологического факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.
https://orcid.org/0009-0000-5472-5216
Адрес: 115184 Россия, г. Москва, ул. Новокузнецкая, д. 23Б.
Эл. адрес: shchandrey1996@yandex.ru

Andrey A. Shchegolyaev – Lecturer at the Department of Romance-Germanic Philology, Faculty of History and Philology, St. Tikhon Orthodox Humanitarian University.
https://orcid.org/0009-0000-5472-5216
Address: Novokuznetskaya st. 23V, 115184 Moscow, Russian Federation.
Email: shchandrey1996@yandex.ru

Для цитирования: *Щеголяев А.А.* Социальные и языковые факторы популярности религиозной литературы в Англии X–XI вв. // Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 94–104.
DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-94-104

For citation: *Shchegolyaev, A.A.* Social and linguistic factors of the popularity of religious literature in England in the X–XI centuries // Sociolingvistika. 2024. № 2 (18). Pp. 94–104. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-94-104

The article was submitted 08.10.2023;
approved after reviewing 13.04.2024;
accepted for publication 07.06.2024.

УДК 81-23 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-105-119

МЕСТНЫЕ ЯЗЫКИ В МАЛИ: МЕЖДУ УГРОЗОЙ ИСЧЕЗНОВЕНИЯ И РЕЗИЛИЕНТНОСТЬЮ

Яя Траоре
Государственный университет просвещения, Российская Федерация

Анализ языковой ситуации в Республике Мали, государстве, поддерживающем многоязычие, вносит определенный вклад в изучение резилиентности местных языков Африки. В результате социолингвистического опроса, проведенного нами в Мали в 2023 г., были выделены три группы местных языков. К первой относится язык бамана, который используется в качестве языка-посредника на большей части территории Мали. Ко второй – четыре трансграничных языка: фула, сонгай, сонинке и тамашек. Третья группа охватывает не только восемь других официальных языков, внесенных в новую Конституцию страны 2023 г., но и все остальные языки меньшинств, не имеющие юридического статуса. Рассматривается вклад государства в сохранение языков меньшинств через различные социальные институты и сферы жизни малийского общества. Реализация языковой политики распространяется на систему образования и СМИ, которые играют большую роль в сохранении языков меньшинств. Тем не менее некоторые местные языки находятся под угрозой исчезновения, во-первых, из-за сокращения количества их носителей, а во-вторых, потому что они не имеют юридического статуса и письменности. По результатам нашего опроса и непосредственного наблюдения единственная среда, способствующая резилиентности этих языков, – семья.

Ключевые слова: *многоязычие, языковая ситуация в Мали, языковая политика государства, местный язык, официальный язык, национальный язык, резилиентность*

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Яя Траоре, 2024

LOCAL LANGUAGES IN MALI: BETWEEN THE THREAT OF EXTINCTION AND RESILIENCE

Yaya Traore
State University of Education, Mytishchi, Russian Federation

The analysis of the linguistic situation in the Republic of Mali, a state that favors multilingualism, makes a contribution to the study of the resilience of local languages in Africa. The sociolinguistic survey we conducted in Mali in 2023 identified three groups of local languages: the first is Bamana, which is used as an intermediary language in most of Mali. The second includes four cross-border languages: Fula, Songhai, Soninke and Tamashek. The third group covered not only the eight other official languages provided for in the country's new Constitution of 2023, but also all other minority languages without legal status. The State's contribution to the preservation of minority languages through various social institutions and spheres of life in Malian society was examined. The implementation of language policy extends to the education system and the media, which play a major role in the preservation of minority languages. Nevertheless, some local languages are in danger of extinction due, firstly, to the decreasing number of their speakers and, secondly, because they have no legal status and no official written language. According to our survey and direct observation, the only environment that contributes to the resilience of these languages is the family.

Keywords: *multilingualism, language situation in Mali, state language policy, local language, official language, national language, resilience*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Yaya Traore, 2024

1. Введение

Большинство государств Африки стали независимыми в середине и в третьей четверти XX в. Африканский континент отличает языковое разнообразие в связи с этническим богатством данной территории. И в любом государстве проживают представители большого количества этносов.

По данным всеобщей переписи населения 2022 г., население Мали составляет 22 395 485 человек (RGPH). Этнический состав Мали разнообразен: этнические группы отличаются по внешности, культуре и языку, традиционным занятиям (скотоводство, земледелие, торговля и т.д.). Согласно местной традиции, они разделяются на две большие группы: черную и белую. Большинство населения Мали относится к черной группе, например такие этносы, как бамана, манинка, сонинке и хасонке, сонгай, сенуфо и др. В состав белой группы входят мавры, туареги и фульбе.

Важность языковых вопросов, решение которых связано с проблемой государственного единства, обусловлено наличием разноплеменного и многоязычного состава населения. Даже небольшая ошибка в решении этих вопросов может привести к народным волнениям.

По данным электронного ресурса Ethnologue, в Мали насчитывается 63 живых языка. Эти языки делятся на пять языковых семей: афро-азиатскую, манде, догон, сонгай и атлантико-конголезскую. Их уровень витальности представляется следующим образом: четыре из них являются институциональными, 53 – стабильными, шесть – под угрозой исчезновения, ни один не вымер (Ethnologue).

Согласно другому источнику, в Мали насчитывается 32 языка коренных народов [The Languages…, 2018: 904].

2. Языковая политика в Мали

Языковая политика в Мали представляет собой гибкую систему. Именно благодаря ей поддерживается языковое разнообразие в стране. Сразу после обретения независимости в 1960 г. государство поставило на первое место в данной сфере развитие языков всех этносов, не отдавая предпочтения ни одному из них. Таким образом, в Мали существует официальная

мультилингвальная модель, согласно которой каждый из языков, на которых говорят в стране, одинаково признан [Patten, 2001: 695; The Oxford Handbook…, 2020: 814].

Для того чтобы лучше объяснить языковую ситуацию и динамику развития языков в Мали, необходимо обратиться к двум Конституциям: старой 1992 г. и новой, вступившей в силу 22 июля 2023 г. Этот параметр очень важен, тем более что языковая политика в Мали находится все еще под действием старой Конституции, в которой в Статье 2 выделяются 13 «национальных языков» (langues nationales) [CM, 1992]. В ней говорится о запрете любой дискриминации, основанной на языковой принадлежности. Для осуществления успешной коммуникации в мультилингвальном государстве в Конституции 1992 г. (Статья 25) официальный статус получил французский язык. В этой Конституции декларирована возможность принятия законодательных решений о придании статуса «национального языка» языкам этносов, проживающих на территории Мали [Там же]. В дальнейшем она была закреплена в Законе № 96-049 от 23 августа 1996 г. Еще в 1982 г. десять языков были официально признаны национальными (langues nationales) [DFATLN, 1982*]:* бамана, сонгай, фула, тамашек, бобо, бозо, догон, сенуфо, мамара и сонинке [DPLM, 2014: 19]. Тогда языки группы манде (бамана, манинка, хасонке) были объединены под названием бамана, так как между носителями этих языков существует взаимопонимание. Однако представители народов, говорящих на языках манинка и хасонке, высказали недовольство объединением с другими языками этой группы под названием *бамана*. Вследствие их требований в 1996 г. к списку национальных языков были добавлены еще три языка: манинка, хасонке и хассания [LPMPLN, 1996]. Представляется, что такого этнического соперничества [The Oxford Handbook…, 2020: 827] можно было бы избежать, если бы при объединении этих языков было бы присвоено другое название. Например, *«Radio France Internationale»* (RFI) вещает на *манденкан* – языке, объединяющем бамана, манинка, дьюла и хасонке, так как их носители понимают друг друга.

Итак, в Законе 1996 г. определено 13 языков в статусе национальных, в то время как их значительно больше, что противоречит положению Конституции 1992 г. о равноправном развитии всех языков страны[3].

Новая Конституция от 22 июля 2023 г. придает этим языкам статус официальных языков, тем самым декларируя их сохранение и развитие. Французский язык получает статус языка работы: «Article 31: Les langues nationales sont les langues officielles du Mali. Une loi organique détermine les conditions et les modalités de leur emploi. Le français est la langue de travail. L'Etat peut adopter toute autre langue comme langue de travail» («Статья 31: Национальные языки являются

[3]Следует заметить, что в русскоязычной научной литературе эти языки обычно определяются как этнические

официальными языками Мали. Закон определяет условия и порядок их использования. Французский язык является рабочим языком. Государство может принять любой другой язык в качестве рабочего языка» (перевод наш. – *Я. Т.*)) [CM, 2023].

Таким образом, языки, закрепленные в Конституции 2023 г. в качестве официальных, относятся к пяти языковым семьям: афро-азиатской, манде, догон, сонгай и атлантической конго (Ethnologue).

3. Оппозиция: язык-посредник/региональный язык/язык меньшинства

В многоязычной стране число говорящих на разных языках неодинаково. Если одни языки широко распространены на большей части территории страны и выступают в качестве лингва франка, то другие используются в основном в сельской местности или в очень узком кругу, например в семье.

С опорой на социолингвистическую литературу по языковой ситуации в Мали [Dumestre, 1998] мы выделяем три группы местных языков: язык-посредник, региональные языки, языки меньшинств.

К первой относится бамана, лингва франка в Мали.

В западной Африке Мали является одной из редких стран, в которой большинство граждан говорит на одном этническом языке. Бамана – доминирующий язык. Он является родным языком (L1) для 40 % граждан, тогда как 98 % говорят или понимают его в качестве L2 и L3 [The Oxford Handbook…, 2020: 828]. Это явление исторически объясняется тем, что управление колониями Франция осуществляла на французском языке, что препятствовало развитию местных языков и ограничивало использование этнических языков только сферой устного бытового общения [Виноградов и др., 1984:39]. Бамана также используется в сфере образования и средствах массовой информации.

Район проживания народа бамана начинается ближе к центру страны, с юго-востока столицы Бамако к границе административной области Сегу, бывшей столице княжества Бамана XIX в. Бамана можно считать главным языком с точки зрения частотности использования и территории, на которой он распространен. В настоящее время, кроме севера страны (областей Гао, Кидал, Менака и Таудени), он охватывает всю территорию Мали в большей или меньшей степени и, следовательно, служит языком межэтнического общения. В крупных и средних городах им широко пользуются в домашнем обиходе, на рынках, на улицах. Бамана также используется в сфере образования и средствах массовой информации.

Помимо бамана, в более или менее ограниченной географической зоне существуют и другие языки меньшинств [Skattum, 2008:110]: сонинке на юго-западе, фула в центре страны,

языки семьи сонгай на востоке в регионах Тимбукту и Гао, тамашек на севере в регионах Кидаль, Менака и Таудени. Их можно назвать региональными языками и отнести к второй группе. Для них характерен существенный общий признак с языком бамана: каждый из них используется как минимум в трех соседних государствах. Континуум манде, включающий бамана, малинке и дьюла, представлен еще в Гвинее, Гамбии, Гвинее-Бисау, Буркина-Фасо, Кот-д'Ивуаре и Сенегале. Сонгай распространен за пределами Мали в Нигере и Буркина-Фасо. На языке сонинке говорят также в Мавритании, Сенегале и Гамбии. Тамашек функционирует не только в Мали, но и в Нигере и Алжире. Язык фула представлен во всех странах Сахеля – от Мавритании до Чада. Особо следует отметить, что на языках двух первых групп стали писать с помощью алфавита, основанного на латинице, с 1964 г. [Galtier, 2011: 403].

Существует и третья группа местных малийских языков – те, которые не имеют статуса ни официального, ни «национального» языка. Их можно назвать языками меньшинств. Следует отметить, что в документе о языковой политике в Мали эти языки упомянуты, но не четко. Большинство из этих языков неизвестны широким слоям населения, поскольку их носителей очень мало. В эту группу входит язык самого, включающий в себя пять диалектов, носители которых живут по обе стороны границы между Мали и Буркина-Фасо в ее южном секторе. На самого говорят около 40 тыс. человек, согласно переписи населения 2009 г. [DLLLFM, 1998:11] (более актуальных данных не было найдено). Язык бобо (бобофин) также является миноритарным языком без юридического статуса. Его часто путают с языком бобо, у которого есть официальный статус согласно новой Конституции. Можно говорить о двух языках, взаимопонимание между носителями которых затруднено. Если первый более распространен в Буркина-Фасо, то у второго больше носителей в Мали [Языки мира..., 2017: 22–23]. Сюда же попадает ганадугу – диалект бамана, который носители считают самостоятельным языком.

4. Сохранение коренных языков

Для изучения резилиентности языков Мали нами был проведен социолингвистический опрос, а также проводилось сопоставление информации, собранной в ходе опроса, с данными различных научных источников и нашими непосредственными наблюдениями.

4.1. Социолингвистический опрос. Методология исследования

Для сбора материала применялся метод социолингвистического опроса, в котором приняли участие 82 человека, проживающих в Мали. Опросный лист на французском языке был размещен в Интернете в сентябре 2023 г. (Google forms), он содержал 11 вопросов. За 15 дней был получен 891 ответ. Поскольку анкетирование проводилось дистанционно, то большинство

вопросов были закрытыми с предложенными вариантами ответов, из которых респонденты делали выбор. Опросный лист содержал вопросы не только о местных языках, но и о языковой политике, актуальной теме в Мали в 2023 г. в связи с одобрением новой Конституции (см. Приложение). Для обработки полученных данных использовались элементы количественного анализа.

В Таблице 1 представлены данные о респондентах – участниках нашего опроса по традиционным для социолингвистического опроса параметрам: полу, месту жительства и уровню образования.

Таблица 1

Состав респондентов

Пол		**Место жительства**		**Уровень образования**		
Мужской	Женский	Городское	Сельское	Начальное	Среднее	Высшее
77 %	23 %	79 %	21 %	0 %	8 %	92 %

Большинство наших респондентов – 65 человек, сказали, что живут в городах, а 16 – в сельской местности. Что касается уровня образования, то 75 человек имеют высшее образование, и только 6 – среднее. Эти параметры могут влиять на выбор языка и знание респондентами социолингвистической ситуации в стране.

4.2. Результаты и обсуждение

4.2.1. Государство

Одним из основных факторов резилиентности местных языков Мали является государство, которое через свою языковую политику способствует их сохранению. В Документе о языковой политике в Мали 2014 г. многоязычие поощряется в пользу местных языков: “Ayant donc une longue tradition multilingue, le Mali reconnaît toutes les langues maliennes comme langues nationales, partie intégrante de sa riche culture qu’il faut valoriser et défendre” («Имея давние традиции многоязычия, Мали признает все малийские языки национальными языками, неотъемлемой частью своей богатой культуры, которую необходимо поощрять и защищать" (перевод наш. – *Я. Т*)) [DPLM, 2014: 39].

В ходе проведенного нами опроса 86 % респондентов поддержали это положение, тогда как 12 % вступили против. Одним из аргументов тех, кто выразил сомнение в официализации этнических языков является то, что одновременное официальное использование всех этих языков представляет собой трудности из-за этнического разнообразия страны. Было бы лучше придать официальный статус одному языку, предпочтительно самому распространенному. Можно сказать, что эта позиция иллюстрирует современное состояние использования языков,

когда официальным языком является бамана, хотя бы в устной форме, наряду с французским, языком работы, согласно Конституции 2023 г. Отрицательная позиция по отношению к официализации этнических языков объясняется тем, что бамана может оказаться единственным официальным языком среди местных языков. Носители других языков считают это угрозой для существования своих языков.

4.2.2. Образование

Если в начале 1980-х годов главным стимулом интереса к местным языкам было придание им нового статуса – статуса национального языка, то по Конституции 2023 г. они могут выступать средством коммуникации во всех сферах жизни государства.

Для применения в системе образования для каждого из 13 официальных (согласно Конституции 2023 г.) языков разработана письменность на базе латиницы, орфографические правила, есть словарь и грамматика. В последнее десятилетие XX в. двуязычное обучение на местном и французском языке эффективно применялось в государственных школах. Таким образом, их развитие с начала 1960-х годов и интеграция в систему образования и обучения грамоте [Galtier, 2011: 404-410] являются гарантией выживания и защиты местных трансграничных языков, пока они еще в полной мере не выполняют все функции официального языка.

В ходе нашего опроса 11 % респондентов предложили преподавание и обучение грамоте на местных языках в качестве способа усиления их защиты. Следует отметить, что, несмотря на успех обучения грамоте на местных языках, их использование в системе образования сталкивается с рядом трудностей, в частности с отсутствием поддержки со стороны некоторых слоев населения.

4.2.3. Средства массовой информации

Сохранению языковой самобытности способствуют и средства массовой информации. В данном опросе не было конкретного пункта про СМИ, здесь мы опираемся на собственные наблюдения и результаты предыдущих исследований. На телевидении и радио ведутся передачи на официальных языках. На национальном телевидении ежедневно выходит обзор основных новостей на тринадцати официальных языках [ORTM, 2023]. Реклама, ориентированная на местное население, осуществляется на доминирующем языке конкретной местности, но чаще всего – на языке бамана, поскольку он преобладает в большинстве крупных городов страны. В СМИ широко представлены языки группы манде (бамана, малинке, дьюла и др.).

Печатные средства массовой информации издаются не только на французском языке, но и на бамана (газета широкой направленности “Kibaru”, ежемесячный журнал “Jekabaara”, ориентированный на сельское население), фула (“Kibaaru”), сонгай и других [Galtier, 2011: 405]. Газета “l'Essor”, которая раньше печаталась только на французском языке, начала выходить в интернете под названием “Don kibaru” на языке бамана [EQNM, 2023].

С развитием интернета мы наблюдаем присутствие местных языков на сайтах и особенно в социальных сетях. Развивается и письменность на местных языках. Однако здесь возникают трудности, связанные с тем, что на клавиатурах электронных устройств отсутствуют некоторые символы, заимствованные из Международного фонетического алфавита, используемого для транскрипции этих языков [Galtier, 2011: 407].

Особо следует упомянуть распространение музыкального творчества народности манде кастой гриотов. Эта каста представлена в большинстве этносов страны, является хранителем устной традиции (сказки, песни и т.д.) со времен империи Мали (XIII–XVI вв.). Таким образом, она продолжает сохранять миноритарные языки, передавая свои древние знания, культуру и обычаи из поколения в поколение.

С другой стороны, широкое распространение СМИ на языках первой и второй групп может представлять угрозу для языков третьей группы – малочисленных и наименее известных большей части населения Мали.

4.2.4. Семья

Языковое сообщество – это сообщество людей, говорящих на данном языке. Таким образом, сочетаются лингвистические и социальные признаки. Согласно мнению В.И. Беликова и Л.П. Крысина, языковое сообщество определяется как совокупность людей, объединенных общими социальными, экономическими, политическими и культурными связями и осуществляющих в повседневной жизни непосредственные и опосредствованные контакты друг с другом и с различными социальными институтами при помощи одного языка или разных языков, распространенных в этой совокупности [Беликов и др., 2001: 11]. Важно отличать языковое сообщество от семьи, которая входит в его состав.

Что касается родного/первого языка, то 53 % наших респондентов заявили бамана как L1. Большинство языков, названных в качестве родных, входят в список 13 этнических языков. Из языков меньшинств только бобофин является родным для наших респондентов (см. Таблицу 2).

Таблица 2

Родной язык (L1) для участников опроса (%)

Бамана	53 %
Фула	7 %
Сонгай	3,7 %
Догон	3,6 %
Маninка	3,5 %
Сонинке	3,3 %
Французский	2,4 %
Мамара	2,2 %
Бобо	1 %
Бозо	1 %
Сенуфо	1 %
Бобофин	1 %

Как следует из Таблицы 2, определенный процент участников опроса считают французский язык своим родным (L1), сонгай, догон и сефуко признаются ими самостоятельными языками.

Сам факт придания языку официального или «национального» статуса, а также наличие элементов, способствующих его интеграции в систему образования, не являются единственными признаками устойчивости местного языка. Это касается большинства, если не всех, местных языков Мали, особенно в городах.

Семья может рассматриваться как основная среда сохранения местных языков, поскольку все начинается с нее: от обучения до отношения носителя к родному языку. Согласно нашему опросу, 56 % респондентов на первое место поставили именно семью как основной фактор сохранения этнического языка ребенка, практически равное количество респондентов отдали предпочтение обществу и государству (23 % и 19 % соответственно).

Таблица 3

Сферы, способствующие сохранению местных языков

Семья	**Сообщество**	**Государство**	**Другое: я не знаю**
56 %	23 %	19 %	1 %

После введения национальных языков в систему образования в 1996 г. (переход на двуязычное образование: французский/национальный язык в зависимости от местонахождения образовательной организации), в городских районах, где доминирует бамана, школьников-носителей других этнических языков часто вынуждают обучаться по двуязычной программе,

включающей бамана. В этой ситуации родной язык ребенка оказывается под угрозой. И именно семья или сообщество играют важную роль в сохранении этнического языка.

Такая же угроза сохранению этнического языка есть и в том случае, когда родители отдают ребенка в частную школу, где обучение ведется только на французском языке.

Семья и/или сообщество, особенно в городских районах, играют существенную роль в сохранении устойчивости местных языков. Сохранение родного языка L1 в семье определяется языковой микрополитикой, которая выражается, во-первых, в отказе от посещения государственной школы или обучения на языке бамана, языке города, который влияет на этнический язык, так как он является мажоритарным в городской среде. Во-вторых, установление родителями жестких правил общения на этническом языке в домашнем обиходе, блокирующих влияние доминирующего языка бамана. Наконец, внутриэтнические браки для сохранения гомогенности сообщества, что гарантирует выживание языка происхождения [Валуйцева и др., 2023: 6–9].

Для уточнения вопроса резилиентности языков третьей группы в наш опрос мы включили пункт о знании респондентами того, какие языки этнических меньшинств они знают (см. Таблицу 4).

Таблица 4

Местные миноритарные языки по результатам опроса

№	Местные языки без юридического статуса
1	Самого
2	Бобофин
3	Дафин
4	Бэла
5	Тадаксахак
6	Конабере
7	Моси

Как показали результаты опроса, уровень образования и среда проживания оказывают влияние на знание респондентами местных языков. Например, на вопрос «Какие местные языки Мали, кроме этнических, вы знаете?» местные языки были названы только респондентами,

проживающими в сельской местности (см. Таблицу 4). Что касается респондентов, живущих в городах, то среди полученных нами ответов были ответы «ничего», «не знаю ни одного» и т.д.

Согласно результатам нашего опроса, 72 % респондентов считают, что существование местных языков не находится под угрозой исчезновения. Однако 25 % считают, что они находятся под угрозой.

Таблица 5

Угроза исчезновения местных языков

Да	Нет	Может быть	Другое: я не знаю
25 %	72 %	1 %	1 %

Как написал один из участников нашего исследования: «Нет языков, которым угрожает исчезновение» (перевод наш. – *Я. Т.*).

Это связано с тем, что знание о местных языках у большинства населения страны ограничивается теми языками, которые имеют юридический статус.

5. Выводы

В языковом ландшафте Республики Мали в настоящее время выделяются три группы местных языков: первая – бамана, местный доминантный язык, используемый в качестве языка-посредника на большей части территории страны. Вторая – трансграничные языки фула, сонгай, сонинке и тамашек, представленные и в соседних странах. В состав третьей группы в настоящее время входят не только семь других официальных языков в соответствии с Конституцией 2023 г., но и все остальные языки меньшинств, не имеющие юридического статуса, которые не знакомы/мало знакомы жителям Мали, их часто путают с диалектами. Непопулярность этих языков у жителей Мали показывает, что они находятся под угрозой исчезновения.

Сферы коммуникации малийского общества и такие социальные институты, как государство, семья и сообщество, образование и СМИ вносят вклад в сохранение языков меньшинств. Государство через языковую политику и систему образования представляет собой основной фактор резилиентности местных языков. Придание этническим языкам статуса официальных в соответствии с новой Конституцией – это новый шаг в развитии и сохранении многоязычия в Мали. Осуществление языковой политики распространяется и на СМИ, которые играют большую роль в сохранении языков меньшинств, особенно в устной форме. Одни языки более устойчивы к изменениям, чем другие. Некоторые местные языки находятся под угрозой исчезновения не только в связи с тем, что их носителей стало меньше, но и в связи с тем, что они

не имеют юридического статуса и являются бесписьменными. Традиционная семья, в которой передаются культура, обычаи и нравы народа, является одной из надежных сфер, способствующих резилиентности миноритарных языков в Мали.

По мнению наших респондентов, государство должно принять меры для сохранения исчезающих языков. В список мер входит стимулирование молодого поколения к владению языками через образовательные программы и семью, а также популяризация местных языков через социокультурные мероприятия.

В ситуации, когда 13 этнических языков, согласно Конституции 2023 г., получили статус официальных, государство может провести инвентаризацию всех миноритарных языков, не имеющих юридического статуса, придать им статус национальных на основании закона, а также разработать систему письма, словари и грамматики, позволяющие использовать их в обучении грамоте в сельской местности. При такой языковой политике они будут более устойчивыми. Одновременно считаем необходимым развивать этническое самосознание носителей миноритарных языков и проводить мероприятия по сохранению этих языков.

Пока неясно, как в дальнейшем будет функционировать французский язык на территории Мали в связи с изменением статуса – язык работы – согласно новой Конституции 2023 г.

Литература

Беликов В.И., Крысин Л.П. (2001) Социолингвистика: Уч. для вузов. М.: Рос. гос. гум. ун-т. - 439 с.

Валуйцева И.И., Траоре Я. (2023) Семья как среда сохранения миноритарного языка // Вестник Московского государственного областного университета. № 3. Режим доступа: https://old.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1188. Дата обращения: 20.09.2023.

Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я. (1984) Социолингвистическая типология: Западная Африка. М.: Наука. 128 с.

Языки мира: Языки манде (2017) / Отв. ред. Эрлих С.Е. СПб.: Нестор-История. 1152 с.

Canut, C. (1996) Dynamique plurilingue et imaginaire linguistique au Mali: Entre adhésion et résistance au bambara // Langage et société. No. 78. Pp. 55–76. DOI: 10.3406/lsoc.1996.2760. Consulté le: 26.09.2023.

CM (Constitution du Mali), 1992 Офиц. текст. Disponible à: https://koulouba.ml/wp-content/uploads/2020/10/ConstitutionDuMali.pdf. Consulté le: 26.09.2023.

CM (Constitution du Mali) 2023 Офиц. текст. Disponible à: https://sgg-mali.ml/JO/2023/mali-jo-2023-13-sp-2.pdf. Consulté le: 26.09.2023.

DFATLN (Décret n°159 PG-RM du 19 juillet 1982 fixant l'alphabet pour la transcription des langues nationales), 1982 [указ: принят Президентом Республики 19 июл. 1982 г.]. Disponible à: URL: https://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/mali-decret1982.htm. Consulté le: 20.09.2023.

DPLM (Document de politique linguistique au Mali), 2014. Ministère de l'éducation nationale. 70 p.

Dumestre, G. (1998) Le bambara véhiculaire du Mali // Faits de langues. No.°11–12. Pp. 121–127. DOI: 10.3406/flang.1998.1203

DLLLFM (Dynamique des langues locales et de la langue française au Mali: un éclairage à travers les recensements généraux de la population, 1987 et 1998) Disponible à:

https://www.odsef.fss.ulaval.ca/sites/odsef.fss.ulaval.ca/files/languesau_mali_final_web_c2._28012011_145930.pdf Consulté le 05.03.2024

EQNM (L'Essor, quotidien national du Mali), 2023 / Учредитель «Агентство «L'Essor». Disponible à: https://donkibaru.ml/. Consulté le: 29.09.2023.

Ethnologue, Available at: https://www.ethnologue.com/country/ML/. Acces date: 01.03.2024.

Galtier, G. (2011) Les difficultés d'introduction des langues locales dans le système scolaire du Mali // Plurilinguisme, politique linguistique et éducation: Quels éclairages pour Mayotte ? Pp. 403–411. DOI: https://books.openedition.org/purh/5253. Consulté le: 22.09.2023.

LPMPLN (Loi No.°96-049 du 23 août 1996 portant modalités de promotion des treize langues nationales) Нац. закон: [принят Ген. Асамблей 23 авг. 1996 г.]

ORTM (Office de radiodiffusion télévision du Mali), 2023 Disponible à: https://www.youtube.com/watch?v=E3mXt0oB4AQ. Consulté le: 28.09.2023.

Patten, A. (2001) Political theory and language policy // Political Theory. No. 29. Pp. 691–715.

RFI (Radio France Internationale), 2023 Disponible à: https://www.rfi.fr/ma/kunnafoniw/. Consulté le: 21.09.2023.

RGPH (Recensement Général de la Population et de l'Habitat), 2023 Disponible à: https://www.instat-mali.org/fr/actualites-et-evenements/resultats-du-rgph5. Consulté le: 01.03.2024.

Skattum, I. (2008) Mali: In Defence of Cultural and Linguistic Pluralism // Language and National Identity in Africa. Pp. 98–121. Disponible à: https://www.researchgate.net/publication/279929777Mali_in_Defence_of_Cultural_and_Linguistic_Pluralism. Consulté le: 22.09.2023.

The Languages and Linguistics of Africa (2018) / Güldemann T. De Gruyter Mouton. 1010 p.

The Oxford Handbook of African Languages (2020) / Vossen, R. Oxford University Press. 1066 p.

References

Belikov, V.I., Krysin, L.P. (2001) Sociolingvistika: Uchebnik dlja vuzov [Sociolinguistic: Textbook for universities]. M.: Russian University for Humanities. 439 p. (In Russ.)

Valujceva, I. I., Traore, Ja (2023) Sem'ja kak sreda sohranenija minoritarnogo jazyka [The Family as an environment for preserving a minority language] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. No. 3. (In Russ.) Available at: https://old.evestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/1188. Access date: 20.09.2023.

Vinogradov, V.A., Koval', A.I., Porhomovskij, V.Ja.. (1984) Sociolingvisticheskaja tipologija: Zapadnaja Afrika [Sociolinguistic typology: West Africa]. M.: Nauka. 128 p. (In Russ.).

Jazyki mira: Jazyki mande (2017) [Languages of the world^ Mande languages] / Ed. S.E. Jerlih. Nestor-Istorija. 1152 p.

Canut, C. (1996) Dynamique plurilingue et imaginaire linguistique au Mali: Entre adhésion et résistance au bambara // Langage et société. No. 78. Pp. 55–76. DOI: 10.3406/lsoc.1996.2760. Consulté le: 26.09.2023.

CM (Constitution du Mali) 2023 Офиц. текст. Disponible à: https://sgg-mali.ml/JO/2023/mali-jo-2023-13-sp-2.pdf. Consulté le: 26.09.2023.

CM (Constitution du Mali), 1992 Офиц. текст. Disponible à: https://koulouba.ml/wp-content/uploads/2020/10/ConstitutionDuMali.pdf. Consulté le: 26.09.2023.

DFATLN (Décret n°159 PG-RM du 19 juillet 1982 fixant l'alphabet pour la transcription des langues nationales), 1982 [указ: принят Президентом Республики 19 июл. 1982 г.]. Disponible à: URL: https://www.axl.cefan.ulaval.ca/afrique/mali-decret1982.htm. Consulté le: 20.09.2023.

DPLM (Document de politique linguistique au Mali), 2014. Ministère de l'éducation nationale. 70 p.

DLLLFM (Dynamique des langues locales et de la langue française au Mali: un éclairage à travers les recensements généraux de la population,1987 et 1998) Disponible à: https://www.odsef.fss.ulaval.ca/sites/odsef.fss.ulaval.ca/files/languesau_mali_final_web_c2._28012011_145930.pdf Consulté le 05.03.2024

Dumestre, G. (1998) Le bambara véhiculaire du Mali // Faits de langues. No.°11–12. Pp. 121–127. DOI: https://doi.org/10.3406/flang.1998.1203

EQNM (L'Essor, quotidien national du Mali), 2023 Науч.-попул. газ. / учредитель «Агентство «L'Essor». Disponible à: https://donkibaru.ml/. Consulté le: 29.09.2023.
Ethnologue, Available at: https://www.ethnologue.com/country/ML/. Acces date: 01.03.2024
Galtier, G. (2011) Les difficultés d'introduction des langues locales dans le système scolaire du Mali // Plurilinguisme, politique linguistique et éducation: Quels éclairages pour Mayotte ? Pp. 403–411. DOI: https://books.openedition.org/purh/5253. Consulté le: 22.09.2023.
LPMPLN (Loi No.°96-049 du 23 août 1996 portant modalités de promotion des treize langues nationales) Нац. закон: [принят Ген. Асамблей 23 авг. 1996 г.]
ORTM (Office de radiodiffusion télévision du Mali), 2023 Disponible à: https://www.youtube.com/watch?v=E3mXt0oB4AQ. Consulté le: 28.09.2023.
Patten, A. (2001) Political theory and language policy // Political Theory. No. 29. Pp. 691–715.
RFI (Radio France Internationale), 2023 Disponible à: https://www.rfi.fr/ma/kunnafoniw/. Consulté le: 21.09.2023.
RGPH (Recensement Général de la Population et de l'Habitat), 2023 Disponible à: https://www.instat-mali.org/fr/actualites-et-evenements/resultats-du-rgph5. Consulté le: 01.03.2024.
Skattum, I. (2008) Mali ^ In Defence of Cultural and Linguistic Pluralism // Language and National Identity in Africa. Pp. 98–121. Disponible à: https://www.researchgate.net/publication/279929777_Mali_in_Defence_of_Cultural_and_Linguistic_Pluralism. Consulté le: 22.09.2023.
The Languages and Linguistics of Africa (2018) Güldemann T. De Gruyter Mouton. 1010 p.
The Oxford Handbook of African Languages (2020) /Vossen R. Oxford University Press. 1066 p.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Опросный лист

1. Пол

Мужской Женский Другой

2. Место жительства

Городское Сельское

3. Уровень образования

Школа Среднее образование Университет Другое

4) Какой ваш родной язык (первый язык)? .....

5) На каких еще языках вы говорите?.....

6) На ваш взгляд, какие языки составляют большинство в Мали?.....

7) Конституция от 22 июля 2023 года меняет статус 13 национальных языков на официальный. Считаете ли вы это хорошей инициативой?

Да Нет Другое

8) Помимо 13 официальных языков, назовите, пожалуйста, другие языки, которые вы знаете .....

9) Считаете ли вы, что, помимо 13 официальных языков другие малийские языки находятся под угрозой исчезновения?

Да Нет Другое

10) Если да, то что вы предлагаете сделать для их сохранения .....

11) Если нет, что способствует их сохранению?

Семья Сообщество Государство Другое

Fiche d'enquête sociolinguistique

1.Sexe

Masculin Féminin Autres

2.Lieu de résidence
Urbain rural
3.Niveau d'instruction
Fondamental Secondaire Universitaire Autres
4.Quelle est votre langue maternelle (première langue)? ……
5.Citez les autres langues dont vous parlez? …….
6.Selon vous quelles sont les langues majoritaires au Mali?……..
7.La Constitution du 22 juillet 2023 modifie le statut des 13 langues nationales en langues officielles. Est-ce une bonne initiative selon vous
Oui Non Autres
8.En dehors des 13 langues officielles citez les autres langues que vous connaissez ……..
9.En dehors des 13 langues officielles, pensez-vous que les autres langues maliennes sont sous menace de disparition?
Oui Non Autres
10.Si oui, que proposez-vous pour leur sauvegarde …….
11.Si non, qu'est-ce qui contribue à leur résilience?
La famille La communauté l'état Autres

Траоре Яя – аспирант кафедры теории языка, англистики и прикладной лингвистики, Государственного университета просвещения.
https://orcid.org/0009-0006-2592-2652
Адрес: 141014 Россия, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24.
Эл. адрес: ya2.tra@gmail.com

Yaya Traore – Postgraduate student, Department of Theory of Language, English Studies and Applied Linguistics, State University of Education, Russian Federation
https://orcid.org/0009-0006-2592-2652
Address: ul. Very Voloshinoi 24, 141014 Mytishchi, Moscow Region, Russian Federation.
Email: ya2.tra@gmail.com

Для цитирования: *Траоре Я.* Местные языки в Мали: между угрозой исчезновения и резилиентностью // Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 105–119. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-105-119

For citation: *Traore, Yaya.* Local Languages in Mali: Between the threat of extinction and resilience // Sociolingvistika. 2024. No. 2 (18). Pp. 105–1119. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-105-119

The article was submitted 10.09.2023;
approved after reviewing 15.02.2024;
accepted for publication 05.06.2024.

СЛОВАРЬ СОЦИОЛИНГВИСТА
SOCIOLINGUISTIC GLOSSARY

УДК 81 27 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-120-127

ЯЗЫК И ЭТНОС
LANGUAGE AND ETHNOS

Словарь социолингвистических терминов дает следующее определение терминам язык и этнос:

язык – «важнейшее средство человеческого общения, основной объект изучения языкознания; термин “язык” имеет по крайней мере два связанных значения: 1) язык вообще, как определенный тип знаковых систем; 2) конкретный, т.н. “идиоэтнический” язык – некая реально существующая знаковая система, используемая в некотором социуме, в некоторое время и в некотором пространстве, представляющая собой конкретную реализацию свойств языка вообще» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 255];

этнос (этническая общность, этническая система, этническое образование) – «исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей, которые обладают специфическими особенностями культуры, общим языком и характерными чертами психики, а также самосознанием и самоназванием (автоэтнонимом)» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 255].

В англоязычном словаре «A Dictionary of Sociolinguistics» этничность в контексте языка рассматривается как связь этноса и идентичности говорящего:

«Ethnicity – an aspect of an individual's social identity which is closely associated with language; ethnicity is usually assigned on the basis of descent» (этническая принадлежность – аспект социальной идентичности человека, тесно связанная с языком; этническая принадлежность обычно определяется на основе наследования происхождения) [A Dictionary of Sociolinguistics, 2004: 100].

К термину «язык» приводится дефиниция Э. Сапира: «a purely human and noninstinctive method of communicating ideas, emotions, and desires by means of a system of voluntarily produced symbols» (чисто человеческий и неинстинктивный метод передачи идей, эмоций и желаний посредством системы добровольно создаваемых символов) [A Dictionary of Sociolinguistics, 2004: 162].

Общий принцип формирования тематической терминологической группы

В общем и целом, терминосистема социолингвистики является сложной структурой, поэтому трудно выделить единую классифицирующую систему. Тем не менее, на основе определенного материала были проанализированы связи терминов внутри нескольких социально актуализированных сфер общения. «Социальная актуализация рассматривается нами как частотность использования термина в конкретной сфере общения» [Кириленко, 2016: 62]. Взгляды на принципы выделения сфер разнятся, «набор областей и сфер не одинаков в разных обществах и социальных общностях» [Швейцер, Никольский, 1978: 91]. Взяв за основу процессы интеракции (принцип социального взаимодействия) и формы существования языка, можно выделить несколько сфер, например, *сферу общегосударственного общения, сферу регионального общения, сферу местного общения* и т.д. [Швейцер, Никольский, 1978: 91–92]. Однако выделяемые сферы являются взаимопроницаемыми, все они являются компонентами единой социально-коммуникативной системы и естественным образом взаимосвязаны, вследствие этого их непросто сопоставлять.

Предметные связи терминов в первую очередь определяются тематической областью исследований. Важным в исследовании структуры терминосистемы является определение термина «поле» – «совокупность языковых (главным образом, лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и окружающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений» [Большой энциклопедический словарь, 1998: 380]. Описание сфер общения базируется на применении ряда социально актуальных для данной сферы терминов. Само описание представляет собой терминологическое поле для применения этих терминов. Социально актуализированная терминология представлена в типологических группах терминологии, отражающей ту или иную конкретную тематическую область: «язык и политика», «язык и этнос» и др.

Выделяя понятия в терминологических полях в пределах сфер общения, можно проследить их связи по характеристикам, выраженным в приводимых определениях. Каким же образом можно разделить термины? Ведь один и тот же термин может быть полноправным членом только одной или же двух и даже нескольких тематических групп. В связи с этим возникает новое измерение термина – его валентность. В процессе сопоставления терминов в упомянутых сферах мы основывались на данном понятии. «Валентность – способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [Большой энциклопедический словарь, 1998: 79]. Социолингвистическая валентность термина – это его способность применяться в разных тематических терминологических полях.

В пределах терминологического поля каждой группы выделялись моновалентные, бивалентные и поливалентные термины. Наибольшее внимание уделяется тем терминам, которые характеризуют специфику конкретной группы. Эта лексика социально актуализирована, и данные термины называются маркерами или моновалентными терминами. Низкая валентность этих терминов позволяет легко определить конкретную сферу применения. Далее мы рассматриваем понятие валентности по отношению к терминам, общим в двух тематических группах, что дает нам определение бивалентных терминов. Термины с высокой валентностью определяются как поливалентные. Они объединяют социолингвистику в единое целое и образуют единый метаязык социальной лингвистики. Бивалентные и моновалентные понятия социальной лингвистики можно выявить в процессе построения тематических групп, определяя моновалентные термины как наиболее свойственные конкретной группе. Однако, поскольку бивалентность и моновалентность – понятия нестрогие, распределение их по отдельным группам возможно лишь приблизительно.

История формирования социолингвистической тематической терминологической группы «Язык и этнос»

Социолингвистическая тематическая терминологическая группа «язык и этнос» сформировалась благодаря вкладу ученых, занимавшихся исследованиями взаимосвязи языка, культуры и этнической идентичности.

В истоках разработки терминологии данной терминологической группы в отечественной социолингвистике стоят разработки таких ученых как Иванов Ан.М., Якубинский Л.П., В.М. Жирмунский, В работе «Очерки о языке» (1932) рассматриваются характеристики национального языка, формирование нормы национального языка [Иванов Ан.М., Якубинский Л.П., 1932: 65–73]. В труде «Национальный язык и социальные диалекты» [Жирмунский, 1936], автор впервые предоставил наиболее полное и разностороннее освещение вопроса о специфике и основах формирования национального языка в различных условиях развития общества, в его исследовании много внимания уделяется этнографическим аспектам языка.

Разграничение «национальный язык» и «этнический язык» начинает рассматриваться в социолингвистике в 1960-1970-е годы. Л.Б. Никольский трактовал языковую ситуации в контексте этничности: «под языковой ситуацией понимается совокупность языков, подъязыков и функциональных стилей, обслуживающих общение в административно-территориальном объединении и этнической общности» [Никольский, 1976: 79–80]. Ю.Д. Дешериев работал над разграничением социальных общностей, выделяя среди прочих отдельно моноэтническую общность [Дешериев, 1977: 246].

Значимый вклад в разработку терминологии тематической группы «язык и этнос» был внесен этнографическими разработками Д. Хаймса, в особенности формированием концепции «этнография говорящего» в 1962 году. В концепции Д. Хаймса центральными являются исследования по этнографии речи: «ethnography of speaking (subsequently and often interchangeably ethnography of communication) refer to the ethnographic study of the ways of speaking evident in a speech community» (этнография речи (аналогичный термин – этнография общения) обозначает этнографическое изучение речевых практик, наблюдаемых в сообществе) [A Dictionary of Sociolinguistics, 2004: 101]. Д. Хаймс также исследовал использование языка в конкретных этнокультурных контекстах [Hymes, 1974]. Дж. Фишман, изучая социологию языка, особое внимание уделял вопросам сохранения языка и изменениям внутри этнических групп, и тому, как языки становятся маркерами этнической идентичности и сплоченности языковой группы [Fishman, 1989]. В работах Дж. Гамперца по интерактивной социолингвистике изучалось варьирование языка в социальных и этнических группах и то, как эти различия влияют на формирование идентичности у членов общности [Gamperz, 1971].

Обзор социолингвистической тематической терминологической группы «Язык и этнос»

Тематическая группа «язык и этнос» насчитывает свыше трех сотен терминов. Центральными понятиями здесь являются *язык, нация, этнос, общность*. «Безусловно, нация в языковом отношении представляет собой определенную общность и поэтому наличие общего языка составляет непременное условие ее существования» [Швейцер, 1978: 28]. Исследование таксономии этой тематической группы основывается на данных, полученных в результате анализа научных работ по теме «язык и нация», а также на данных диссертационного исследования Ю.В. Трушковой «Исследование социолингвистической терминологии: тематическая группа лексики “язык и этнос”» (1995) [Трушкова, 1995]. Основой анализа единиц данной группы терминов также стал материал Словаря этнолингвистических понятий и терминов М.И. Исаева (2001), где были выделены социолингвистические термины в общем массиве терминологических единиц, насчитывающем примерно семь сотен понятий [Исаев, 2001].

Большинство единиц, обозначающих участников взаимодействия группы «язык и этнос», были привнесены из этнологии. В данную группу можно отнести общую терминологическую лексику (*этнос, общность*), макроколлективы (*этнос, нация, народность, национальность*), иерархические ряды терминов: *этнос, субэтнос, этническая общность, этническая сфера*,

этнолема, *этнофор*, противопоставления: *этносоциальный организм – этникос, автоэтноним – аллоэтноним,* разделение по территориальному признаку: *диаспора – метрополия.*

Основные поля тематической терминологической группа «язык и этнос» относятся к:

- взаимосвязи между языком и этнической идентичностью: *этничность, этническая группа, этнография говорящего, этнолингвистическая идентичность, унаследованный язык, этнолект;* касательно последнего термина – *этнолект* – важно отметить, что его терминологическую базу составляют различные *этносы*, *этнические диалекты*, а также более широкие бивалентные понятия: *миноритарный/ мажоритарный/ национальный язык*.

- жизнеспособности языка, т.е. вероятности того, что язык будет продолжать использоваться и поддерживаться внутри этнической языковой группы, в зависимости от таких факторов, как институциональная поддержка, демографическая сила и престиж: *этнолингвистическая витальность*: «describes the attitudinal and sociohistorical conditions which support the maintenance of an ethnic language in an intergroup setting» (поведенческие и социально-исторические условия, которые поддерживают сохранение этнического языка в межгрупповой среде) [A Dictionary of Sociolinguistics, 2004: 102]; *этноязыковое восстановление* (ethnic revival) – процессы восстановления языка в иммигрантских сообществах (диаспорах);

- *этнометодологии*: *анализ типов взаимодействия в общении говорящих, норм обращения* и *норм вежливости,* принятых в этнических группах, *норм соблюдения пауз* и *молчания*.

Тематическая группа «язык и этнос» включает в себя некоторые социолингвистические единицы, рассматриваемые с точки зрения взаимодействия языка и этноса, например, *двуязычие*, а также *билингвизм*, *многоязычие*, *монолингвизм*; термины, связанные с различными языковыми процессами, например, *взаимовлияние языка*, *витальность языка*, *языковое планирование, языковая политика, языковое строительство, языковой союз, языковое моделирование*; *диалектное членение языка, обособление диалектов* – отражающие процессы диалектологии; *суперстрат, адстрат* и *субстрат*, как сумма черт языковой структуры; термины, связанные с отношениями взаимодействия в рамках языковой интеракции – *межличностное общение, языковая коммуникация, межэтнические отношения, межнациональные отношения, межнациональный конфликт*.

В обозначении ситуации взаимодействия наиболее употребляемым является бивалентное понятие *языковая ситуация,* а также *многоязычие*, *полилингвизм*, *монолингвизм.* Здесь также присутствуют общенаучные термины (*пространство, среда, сфера*) и наименования (*билингвизм, диглоссия*). По показателям *демографической* и *коммуникативной мощности идиома* языковую ситуацию разделяют на *равновесную* и *неравновесную*, по

наличию/отсутствию характеризующего признака – *сбалансированная* и *несбалансированная*, по противоположным признакам – *эндоглоссная* и *экзоглоссная* языковая ситуация. Впрочем, данная классификация носит скорее поливалентный социолингвистический характер и может рассматриваться и в других тематических группах. Специфика группы «язык и этнос» отражается в моновалентных терминах, которые, выходя за пределы системы социолингвистической терминологии, входят в систему терминов этнологии: *этноязыковое пространство*, *национальный билингвизм*, *национальный нигилизм*, *этническая ассимиляция*.

Заключение

Таким образом, социолингвистическая терминология терминологической группы «язык и этнос» была сформирована благодаря вкладу этнолингвистики, этнологии, этнографии и социальной теории. Это междисциплинарное направление способствовало созданию терминологического инструмента, необходимого для анализа сложных отношений между языком и этносом.

Литература

Большой энциклопедический словарь (1998) Языкознание / Ред. В.Н. Ярцева. 2-е репринтное издание Лингвистического энциклопедического словаря 1990 г. Москва: Большая Российская энциклопедия. 685 с.

Дешериев Ю.Д. (1977) Социальная лингвистика. К основам общей теории. Москва, 382 с.

Жирмунский В.М. (1936) Национальный язык и социальные диалекты Ленинград: Гослитиздат, 297 с.

Иванов Ан.М., Якубинский Л.П. (1932) Очерки по языку. Ленинград: Государственное издательство художественной литературы. 184 с.

Исаев М.И. (2001) Словарь этнолингвистических понятий и терминов. Москва: Флинта. 2001. 196 с.

Кириленко С.В. (2016) Процессы формирования понятийного аппарата социолингвистики. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Институт языкознания РАН. Москва. 276 с.

Никольский Л.Б. (1976) Синхронная социолингвистика: (Теория и проблемы). Москва. 267 с.

Швейцер А.Д., Никольский Л.Б. (1978) Введение в социолингвистику. Москва. 215 с.

Словарь социолингвистических терминов (2006). Отв. ред. В.Ю. Михальченко. Москва: Институт языкознания РАН. 312 с.

Трушкова Ю.В. (1995) Исследование социолингвистической терминологии: Тематическая группа лексики «язык и этнос». Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Институт языкознания РАН. Москва. 311 с.

A Dictionary of Sociolinguistics (2004). Ed. by J. Swann, etc. Edinburgh. 384 p.

Gumperz J. (1989) Language in Social Groups. Stanford: Stanford University Press. 1971. 350 p.

Fishman J.A. Language and ethnicity in minority sociolinguistic perspective. Clevedon, Philadelphia: Multilingual Matters. 717 p.

Hymes D. (1974) Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 245 p.

References

Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' [Large Encyclopedic Dictionary] (1998) Linguistics / Ed. V.N. Yartseva. 2nd reprint edition of the Linguistic Encyclopedic Dictionary 1990 Moscow: Great Russian Encyclopedia. 685 pp. (In Russ.)

Desheriev, Yu.D. (1977) Sotsial'naya lingvistika. K osnovam obshchey teorii [Social linguistics. To the foundations of general theory]. Moscow, 382 p. (In Russ.)

Zhirmunsky, V.M. (1936) Natsional'nyy yazyk i sotsial'nyye dialekty [National language and social dialects]. Leningrad: Goslitizdat, 297 p. (In Russ.)

Ivanov, An.M., Yakubinsky, L.P. (1932) Ocherki po yazyku [Essays on language]. Leningrad: State Publishing House of Fiction. 184 p. (In Russ.)

Isaev, M.I. (2001) Slovar' etnolingvisticheskikh ponyatiy i terminov [Dictionary of ethnolinguistic concepts and terms]. Moscow: Flinta. 2001. 196 p. (In Russ.)

Kirilenko, S.V. (2016) Protsessy formirovaniya ponyatiynogo apparata sotsiolingvistiki. Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Processes of formation of the conceptual apparatus of sociolinguistics. Dissertation for the degree of candidate of philological sciences]. Institute of Linguistics RAS. Moscow. 276 p. (In Russ.)

Nikolsky, L.B. (1976) Cinkhronnaya sotsiolingvistika: (Teoriya i problemy) [Synchronic sociolinguistics: (Theory and problems)]. Moscow. 267 p. (In Russ.)

Schweitzer, A.D., Nikolsky, L.B. (1978) Vvedeniye v sotsiolingvistiku [Introduction to Sociolinguistics]. Moscow. 215 p. (In Russ.)

Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov (2006) [Dictionary of Sociolinguistic Terms] Ed. by V.Yu. Mikhal'chenko. Moscow. 312 p. (In Russ.)

Trushkova, Yu.V. (1995) Issledovaniye sotsiolingvisticheskoy terminologii: Tematicheskaya gruppa leksiki «yazyk i etnos». Dissertatsiya na soiskaniye uchenoy stepeni kandidata filologicheskikh nauk [Study of sociolinguistic terminology: Thematic group of vocabulary "language and ethnicity". Dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences / Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences]. Moscow. 311 p. (In Russ.)

A Dictionary of Sociolinguistics (2004). Ed. by J. Swann, etc. Edinburgh. 384 p.

Gumperz J. (1989) Language in Social Groups. Stanford: Stanford University Press. 1971. 350 p.

Fishman J.A. Language and ethnicity in minority sociolinguistic perspective. Clevedon, Philadelphia: Multilingual Matters. 717 p.

Hymes D. (1974) Foundations in Sociolinguistics: An Ethnographic Approach. Philadelphia: University of Pennsylvania Press. 245 p.

С.В. Кириленко,
Институт языкознания РАН

Кириленко Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-7902-6032
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: svetlanavk@inbox.ru

Svetlana V. Kirilenko – Candidate of philological sciences, associate professor, researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Russia.
https://orcid.org/0000-0001-7902-6032
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email address: svetlanavk@inbox.ru

Для цитирования: *Кириленко С.В.* Язык и этнос// Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С. 120–127 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-120-127

For citation: *Kirilenko S.V.* Language and ethnos // Sociolingvistika. 2024. No. 2 (18). C. 120–127 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-120-127

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Кириленко С.В., 2024

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Svetlana V. Kirilenko, 2024

The article was submitted 20.02.2024;
approved after reviewing 11.05.2024;
accepted for publication 18.06.2024.

ЗАМЕТКИ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ

NOTES OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY

УДК 81272 DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-128-140

ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЕ ЗАСЕДАНИЕ ДИСКУССИОННО-АНАЛИТИЧЕСКОГО КЛУБА ПО ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ «СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КИТАЕ: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ЦЕНТРЫ»

(Москва, Институт языкознания Российской академии наук, 18 января 2024 г.)

THE THIRTY-THIRD MEETING OF THE ANALYTICAL DISCUSSION CLUB ON LANGUAGE POLICY “MODERN LANGUAGE POLICY IN CHINA: KEY DIRECTIONS AND RESEARCH CENTERS”

(Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 18 January, 2024)

18 января 2024 г. в Институте языкознания РАН состоялось тридцать третье заседание Дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике, которое прошло в онлайн-формате на платформе Zoom. На заседании с докладом на тему «Современная языковая политика в Китае: ключевые направления и исследовательские центры» выступили кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям *Мария Яковлевна Каплунова* и PhD, старший научный сотрудник Национального исследовательского центра по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае, старший преподаватель факультета китайского языка и литературы Уханьского университета *Ли Цзя*.

Первая половина доклада, представленная М.Я. Каплуновой, была посвящена описанию языковой ситуации и языковой политике в Китае. В стране проживает 56 этносов, среди которых все, кроме этноса хань (汉族), составляющего 91,11 % от общего населения, относятся к национальным меньшинствам. В отношении языкового многообразия отмечается функционирование свыше 130 языков и 30 видов письменности [Атлас языков Китая, 2012]. При этом основным средством коммуникации на фоне диалектного разнообразия китайского языка в стране выступают путунхуа (т.е. литературная норма китайского языка) и стандартизованные иероглифы. В основе территориально-административного деления КНР лежит система национально-территориальной автономии, на которую повлиял советский опыт. В результате в современной административной системе страны выделяются пять автономных районов

(Синьцзян-Уйгурский, Гуанси-Чжуанский, Нинся-Хуэйский, Тибет, Внутренняя Монголия), 23 провинции, четыре города центрального подчинения (Пекин, Шанхай, Чунцин, Тяньцзинь) и два специальных административных района (Гонконг и Макао). Такая система во многом обусловила ареалы распространения языков в Китае, в том числе монгольских на территории Внутренней Монголии, тибетских в Тибете, тюркских в Синьцзян-Уйгурском автономном районе и т.д. В отношении диалектного многообразия современными лингвистами выделяются десять основных диалектных групп китайского языка: гуаньхуа, цзинь, гань, хуэй, юэ, хакка, пинхуа, цзинь, сян, у. Наиболее распространенной группой, охватывающей около 70 % территории КНР, является гуаньхуа (букв. «речь чиновников», северная группа, на основе которой сформировалась современная литературная норма путунхуа). Особенностью диалектных групп при этом зачастую является нарушение принципа взаимопонятности идиомов внутри группы, что в некоторой степени может привести к проблеме их выделения в качестве диалектов одного языка. Однако, как отмечается, в основе данного подхода в рамках языковой политики Китая лежит идеологический подход, основанный на национальном единстве всех этнических ханьцев, говорящих на китайском языке, а также на включении в китайскую нацию и представителей неханьского этноса, говорящих на других языках.

М.Я. Каплунова отметила, что в настоящее время при ответе на вопрос «Каков ваш родной язык?» китайцы все чаще отвечают: «Путунхуа». Однако при более развернутой беседе с информантами выясняется, что практически каждый китаец старше двадцати лет владеет тем или иным диалектом той местности, где он родился, или, в случае смены места жительства, возможно, и диалектом нового места жительства. При этом сохраняется функциональное различие между идиомами: один становится функционально первым (в случае переезда носителя в другую местность им становится путунхуа), а другой – вторым.

В результате основными направлениями современной языковой политики КНР являются: распространение путунхуа и стандартизованных китайских иероглифов; гармонизация отношений между путунхуа и диалектами, путунхуа и языками национальных меньшинств; сохранение языковых ресурсов; распространение китайского языка в мире. Первая задача стала частью общегосударственной кампании по борьбе с бедностью в Китае. Данная стратегия была официально провозглашена правительством КНР в 2014 г. (подробнее см.: [Ван Чуньхуэй,2020: 41–54]).

В отдаленных сельских регионах граждане, не владеющие путунха, являются ограниченными в возможностях при поиске работы, получении образования, своевременного доступа к информации и т.д. Однако само направление по распространению путунхуа началось еще во второй половине XX в., тогда это была не столько задача преодоления бедности, сколько

преодоления безграмотности среди населения Китая. По оценкам Министерства образования КНР, к концу 14-й пятилетки в Китае в 2025 г. уровень распространения путунхуа в стране достигнет 85 % [Официальный сайт Министерства образования КНР, 2022], что в условиях высокой численности населения Китая говорит о серьезных задачах, стоящих перед правительством. И если в отношении путунхуа речь идет о владении устной формы языка, то так же актуальна и проблема владения навыками чтения и письма среди населения КНР. Докладчик на своем опыте подтвердила существование данной проблемы, столкнувшись в 2023 г. в Пекине с теми, кто не владел навыком чтения иероглифов. Вместе с тем распространение путунхуа может создавать дисбаланс между литературной нормой и диалектами, поэтому задача гармонизации отношений между путунхуа и диалектами, а также языками национальных меньшинств (соответственно, языками 55 народностей Китая). При этом конфуцианский термин «гармонизация» (谐和) активно используется как китайскими социолингвистами, так и политиками. В то же время на фоне процесса глобализации и цифровизации возникает потребность в сохранении языковых ресурсов страны – происходит переоценка ценностей и формирования отношения к языку как к важному культурному ресурсу, национальному достоянию страны. В настоящее время в стране функционирует ряд центров, отвечающих за документацию и цифровизацию языков, за проведение исследований на местах и обновление данных по диалектам и языкам национальных меньшинств. Что касается задачи распространения китайского языка в мире, несмотря на текущие реформы в Институтах Конфуция, наблюдается активное распространение китайского языка за рубежом, продолжает развиваться направление преподавания китайского языка как иностранного на всех уровнях образования.

На законодательном уровне ключевым законом в отношении языков остается Закон об общегосударственном (общеупотребительном) языке и письменности, принятый в 2001 г. и ставший первым законом о языке в истории КНР. Прежде право граждан на использование языка фиксировалось только в Конституции КНР. Также в настоящее время использование языков регулируется законами о национальной автономии и подзаконными актами на уровне округов и уездов, в которых утверждено право национальных меньшинств на употребление своего языка. При этом отмечается, что в Законе об общегосударственном языке и письменности отсутствует термин «государственный» или «официальный» язык, вместо этого используется термин «общеупотребительный» язык, под которым понимается путунхуа и стандартизованные иероглифы. В отношении диалектов в Законе фиксируются особые случаи, при которых допускается их употребление в регламентируемых сферах общения (в целом, подразумевается их употребление в различных сферах коммуникации, в том числе в СМИ, при освещении

исторических событий, культурных явлений и др.). Несмотря на значительное количество подзаконных актов в отношении языков национальных меньшинств КНР, их положения охватывают далеко не весь языковой спектр Китая, а лишь наиболее функционально развитые языки, такие как монгольский, уйгурский, чжуанский и ряд других языков, в основном распространенных среди населения автономных районов КНР (подробнее см.: [Ма Лина, 2023:154–173]).

Также в докладе Каплуновой М.Я. прозвучала информация о научно-исследовательских центрах КНР, занимающихся вопросами языковой политики Китая. Все эти центры являются подведомственными Государственной комиссии по языку при Министерстве образования КНР, которая является главным органом, контролирующим деятельность в области языковой политики в Китае. В результате за период с 2005 по 2023 гг. было основано 28 таких центров. Среди них:

– Центр мониторинга и исследования национальных языковых ресурсов (Пекинский университет языка и культуры);

– Центр исследования языковой стратегии Китая (Нанкинский университет);

– Национальный центр мониторинга и исследования языковых ресурсов языков меньшинств (Китайский университет народностей);

– Китайский центр исследования стратегии в отношении иностранных языков (Шанхайский университет иностранных языков);

– Национальный исследовательский центр языковой политики (Шанхайская академия педагогических наук);

– Национальный исследовательский центр по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае (Уханьский университет) и др.

Вместе с тем среди названий центров зачастую используются термины, имеющие отношение к ментальной стороне взаимодействия человека с языком. В свою очередь, такие термины, как «языковая политика» и «языковая ситуация» в китайской социолингвистике в большинстве случаев заменяются общим термином «языковая жизнь» («语言生活»), который восходит к японской социолингвистике (яп. вариант gengo-seikatsu) 40-х годов XX в., и в настоящее время является основополагающим в китайской социолингвистике. При этом наибольшее распространение в китайских работах термин приобрел за последнее десятилетие с появлением аналитических отчетов о языковой ситуации в КНР. В то же время при переводе на английский язык названий трудов, исследовательских центров и др. данный термин зачастую заменяется более конкретными терминами типа “language situation”, “language policy” и т.д. Аналогично английским соответствием ежегодных отчетов по языковой ситуации в Китае

является “Language situation in China”. Однако, как отмечает докладчик, деятельность китайских исследователей в области языковой жизни в Китае выходит далеко за пределы 28 центров. К примеру, существует множество структур, вовлеченных в реализацию инициативы «Один пояс – один путь», провозглашенную Си Цзиньпином в 2013 г., не последнюю роль в которой играет проблема осуществления коммуникации между вовлеченными странами. Также докладчик упомянула Национальный центр языкового регулирования при Пекинском педагогическом университете и Ассоциацию периодических изданий в области языкового регулирования, о создании которых было объявлено в ноябре 2023 г. в Пекине в ходе первого симпозиума по языковому и национальному регулированию. Деятельность в данном направлении получила широкий охват в Китае, о чем свидетельствуют регулярные мероприятия, проводимые в различных городах страны.

Возвращаясь к вопросу аналитических отчетов о языковой ситуации в КНР, М.Я. Каплунова отметила, что в настоящее время издается четыре разновидности таких отчетов: о языковой ситуации (жизни) в Китае («зеленая книга»), о вопросах по делам письменности в Китае («белая книга»), о языковой политике в Китае («синяя книга») и о языковой ситуации (жизни) в мире («желтая книга»). При этом материалы разных книг так или иначе коррелируют, но ввиду большого объема данных китайские исследователи пришли к необходимости их разграничения.

Далее во второй части доклада Ли Цзя представил основные направления деятельности научно-исследовательских центров в области языковой политики КНР в целом и в частности Национального исследовательского центра по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае [Официальный сайт Исследовательского центра по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае...], научным сотрудником которого он является. Данный Центр (официальное название которого на английском языке звучит как “The National Institute of Chinese Language Matters and Social Development”), организованный в 2014 г., является подведомственным Государственной комиссии по языку при Министерстве образования КНР и Уханьскому университету. Основными задачами Центра являются мониторинг языковой жизни, интерпретация социальных явлений, выработка рекомендаций по принятию решений в соответствии с целью национального развития. Результаты исследовательской работы Центра представлены, прежде всего, в трех форматах:

– в виде ежеквартального внутреннего аналитического отчета по языковой ситуации для Государственной комиссии по языку КНР;

– в виде ежемесячных публикаций в интернет-газете “Language Situation Monthly” на веб-сайте Центра;

– в формате регулярно обновляемой базы данных языковых ресурсов Китая, в которой можно искать новости, связанные с языком, по различным критериям (ключевым словам, по временному интервалу и т.д.).

Публикации основателя и бывшего директора Центра профессора Чжао Шицзюя, а также действующего директора Центра Хэ Линь получили высокую оценку от высших должностных лиц Китая (см., например: [Zhao Shiju, 2016]). Особое место в трудах профессора Чжао занимает понятие «национальной языковой компетенции» (national language capacity), представляющей совокупную способность нации овладевать языковыми ресурсами, оказывать лингвистические услуги, заниматься лингвистическими исследованиями, вносить вклад в развитие языка и связанные с этим задачи [Ibid.]. Объем данного понятия очень широк, и включает такие аспекты, как языковая компетенция граждан, статус основных языков государства внутри страны и за рубежом, а также уровень владения современными лингвистическими технологиями и уровень административного управления языковой жизнью государства [Ли, 2021].

В своем докладе Ли Цзя также представил монографии, опубликованные Национальным исследовательским центром по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае (Рис.1). Данные труды включают серию ежегодных отчетов Центра по языковой ситуации в Китае, сборники трудов сотрудников Центра в области исследования языковой ситуации, монографии «Языковые службы и инициатива Пояса и Пути» (2016), «Язык и искусственный интеллект: междисциплинарный диалог» (2021).

Рис. 1. Монографии, опубликованные Исследовательским центром по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае при Уханьском университете

Отдельная часть доклада господина Ли была посвящена деятельности Центра в период пандемии COVID-19. Во время пандемии 2020 г. город Ухань был заблокирован на 76 дней – с 23 января по 8 апреля. В этот период сотрудники Центра работали над подготовкой специального выпуска «Языковая ситуация в Китае в условиях борьбы с COVID-19» и принимали участие в чрезвычайном проекте, запущенном совместно исследовательскими центрами Пекинского университета языка и культуры и другими учреждениями, что позволило заложить основы формирования экстренной лингвистической службы. Содержание специального выпуска включало следующие аспекты:

– языковые проблемы в профилактике и борьбе с COVID-19 (проблемы наименования, официальный дискурс и т. д.);

– вклад лингвистического сообщества в борьбу с COVID-19;

– иностранные лингвистические службы в борьбе с COVID-19;

– язык жестов в борьбе с COVID-19;

– правительственный дискурс, направленный на снижение негативных эмоций в период эпидемии;

– лозунги по профилактике и контролю COVID-19;

– иностранные слоганы по борьбе с COVID-19;

– новая лексика и новая интерпретация идиом во время эпидемии и др.

Сотрудники Центра также приняли участие в «Корпусе лингвистической службы по борьбе с COVID», проекте, инициированном профессором Ли Юймином (ключевой фигурой в области языковой политики и языкового планирования в Китае) после новостей о том, что медицинская бригада Шаньдуна, дислоцированная в Ухане, была вынуждена самостоятельно написать руководство на уханьском диалекте в результате непонимания некоторой местной диалектной лексики. Это была серьезная проблема, поскольку свыше 40 тыс. докторов и медсестер со всей страны прибыли в Ухань в период пандемии. При поддержке Государственной комиссии по языку при Министерстве образования КНР профессор Ли совместно с профессором Чжао спланировали и организовали «Корпус лингвистической службы по борьбе с COVID».

В результате были последовательно сформированы пять рабочих групп:

– группа проектирования и координации разработки текстов и набора волонтеров;

– группа по сбору корпуса на основе голосовых записей и по обновлению версии WeChat;

– технологическая группа по разработке видеоконтента и осуществлению круглосуточной онлайн-поддержки на диалекте;

– группа тестирования контента;

– группа по рекламе и отчетности.

В ходе реализации проекта на основе различных сценариев диагностики и лечения COVID-19 были отобраны 156 слов и 75 предложений на путунхуа и переведены на девять диалектов провинции Хубэй, включая диалект города Уханя. Также была организована круглосуточная служба онлайн-поддержки на диалектах, разработаны соответствующие веб-страницы, обновлена версия мессенджера WeChat, опубликован карманный справочник и подготовлены короткие видео, содержащие информацию по ежедневным мерам профилактики в условиях пандемии.

Далее Ли Цзя обосновал необходимость подобных мер по лингвистической поддержке населения в условиях чрезвычайной ситуации тем, что, несмотря на успешное распространение путунхуа по всей стране, многие пожилые пациенты в возрасте семидесяти-восьмидесяти лет и старше недостаточно хорошо владеют разговорной речью, хоть и понимают ее на слух. Кроме того, пациенты с незначительными симптомами оказались изолированы в полевых условиях больниц, построенных на базе больших стадионов или школьных общежитий. В таких обстоятельствах люди легко выходили из состояния эмоционального равновесия и в такие моменты переходили на диалекты. В обоих случаях использование диалектов применялось не столько с целью коммуникации, сколько с целью создать комфортную обстановку для пациентов.

После того как ситуация стала более стабильной и общий локдаун был отменен, Пекинским университетом языка и культуры было подготовлено руководство на иностранных языках (включая русский, английский, немецкий, французский, вьетнамский, корейский, монгольский и др.) против коронавируса COVID-19 [A Guide to the Prevention and Control of COVID-19 Epidemic..., 2020], включая серию онлайн-опросников, короткие видеоролики др., включающие подготовленную Национальным управлением здравоохранения КНР информацию по мерам предосторожности, мерам индивидуальной защиты, по срокам диагностики и лечения и др. Кроме того, на ранних стадиях пандемии Пекинским университетом языка и культуры совместно с Пекинским университетом была разработана схема упрощенного китайского языка в отношении дискурса о пандемии для иностранцев с уровнем китайского языка HSK 4 (около 1200 слов), официально опубликованная 12 марта 2020 г. на сайте Министерства образования Китая.

Докладчик также обратил внимание на интерес китайских исследователей к зарубежному опыту в сфере организации работы экстренных лингвистических служб, приведя в пример ежегодный отчет по языковой ситуации в мире («желтую книгу») за 2021 г., в которой был представлен российский, немецкий, японский корейский, французский, чилийский и американский опыт в данной сфере.

В результате разновидность идиомов, используемых в рамках экстренной лингвистической службы Китая, включает путунхуа (как стандартизованный, так и его локальные варианты); диалекты китайского языка; языки национальных меньшинств Китая; а также основные иностранные языки, в том числе шесть официальных языков ООН и такие значимые региональные языки, как португальский, итальянский, немецкий, суахили, хинди, урду, малайский, японский и корейский, а также языки соседних стран и язык жестов.

В конце своего доклада Ли Цзя выделил три основные задачи экстренной лингвистической службы:

– осуществление безбарьерной взаимопонятной коммуникации;

– содействие спокойствию людей, пострадавших в чрезвычайной ситуации;

– осуществление мониторинга общественного мнения.

В настоящее время в Китае активно привлекается полученный опыт работы экстренной лингвистической службы. В частности, в 2022 г. в результате землетрясения в Сычуани национальный корпус лингвистической службы проводил учения по быстрому реагированию и командованию, оказанию помощи в спасении и эвакуации, поддержки во время оказания медицинской помощи, в полевых госпиталях, а также обеспечению многоязычной информатизации и психологического комфорта пострадавшим, с особым упором на то, как всесторонне использовать путунхуа, языки национальных меньшинств и китайские диалекты для экстренной связи при различных сценариях.

Первый вопрос, заданный к докладчикам, был озвучен профессором МГУ им. М.В. Ломоносова *Зоей Григорьевной Прошиной*. Вопрос касался наличия исследований в области языковых контактов между литературной нормой китайского и диалектами, а также о популярности среди современных исследований в области специфики китайского английского. Ли Цзя отметил, что с конца XX в., а именно с периода реформ и открытости 1978 г. в Китае проводится много исследований в области языковых контактов на фоне массовой миграции населения внутри страны, когда имели место частые контакты между различными диалектами китайского языка, а также языками национальных меньшинств. В результате этого часть местной лексики проникла в литературную норму. В свою очередь путунхуа также оказал влияние на диалекты. Ли Цзя также упомянул исследования китайских лингвистов в области «миграции трех ущелий» (масштабный проект по расселению свыше миллиона граждан на фоне строительства в начале XXI в. гидроэлектростанции «Три ущелья», расположенной на реке Янцзы в провинции Хубэй), а также отметил внимание исследователей к языку мигрантов с северо-востока Китая, направленных на юг страны для строительства заводов и других промышленных объектов. В отношении китайского варианта английского языка в ходе

дискуссии докладчики пришли к выводу , что его специфика проявляется, прежде всего, в подборе лексики, отражающей китайскую идеологию (например, в выражениях типа “to serve national development”). Также докладчики упомянули сложности, возникающие при переводе китайских наименований на примере университетов Жэньминь (Renmin University of China) и Миньцзу (Minzu University of China) на английский язык, прежние официальные переводы названий которых – People's University of China и The Central University for Nationalities – неточно передают специфику китайских понятий 人民 (народ) и 民族 (этнос).

Модератор заседания, директор Института языкознания РАН *Андрей Александрович Кибрик*, поделившись опытом Института языкознания РАН в области разработки единой концепции языковой политики РФ, поинтересовался относительно наличия подобной концепции в Китае. Ли Цзя отметил, что актуальным в настоящее время является изданный в 2020 г. Государственным советом КНР план по работе в области языка и письменности в новую эпоху [Официальный сайт Государственного совета КНР, 2021]. Кроме того, Государственная комиссия по языку при Министерстве образования КНР регулярно готовит пятилетние планы на деятельность в области употребления языка и исследования языка. М.Я. Каплунова напомнила, что с одобрения Госсовета КНР, с 1998 г. третья неделя сентября является Национальной неделей пропаганды путунхуа, а начиная с 18-го съезда Коммунистической партии Китая в 2012 г. ЦК КПК, во главе с Си Цзиньпином, придает большое значение деятельности в области языка.

Ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН *Эржен Владимировна Хилханова* поинтересовалась проблемой недостаточного владения путунхуа среди населения Китая. Данную проблему, по мнению М.Я. Каплуновой, стоит связать с тем, что активное распространение путунхуа в Китае началось, прежде всего, с его внедрения в образовательную систему страны, которое наиболее масштабно проводилось на протяжении последних двадцати с лишним лет. В результате образовался разрыв между старшими поколениями, не получавшими подобного образования и столкнувшимися с литературной нормой языка в СМИ и других сферах коммуникации, что стало особенно затруднительным для носителей диалектов, сильно отличающихся от путунхуа.

Вопрос старшего научного сотрудника Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН *Марии Васильевны Орешкиной* касался доступности ежегодных отчетов по языковой ситуации в Китае на других языках, и, в частности, на русском языке. Докладчики отметили, что несмотря на то, что переводов отчетов на другие языки на регулярной основе не ведется, в 2021 г. СПБГУ был издан сборник «Доклады о языковой ситуации в Китае: языковая политика», куда вошли переводы на

русский язык 34 статей и выступлений китайских исследователей и государственных деятелей, опубликованных в разные годы в ежегоднике о языковой жизни в Китае. Также в разные годы издавались подобные переводы избранных текстов отчетов на английском и корейском языках.

В ходе дальнейшей дискуссии были затронуты и другие проблемы, касающиеся языковой политики в Китае, включая проблему реализации языковой политики на местах, латинизации иероглифической письменности и др. Подводя итог, Андрей Александрович Кибрик подчеркнул информативность докладов и комплексность затронутой тематики.

Более подробно ознакомиться с материалами тридцать третьего заседания Дискуссионно-аналитического клуба можно на сайте Института языкознания РАН по ссылке https://iling-ran.ru/web/ru/workshops/240118_daclp .

Литература

Ван Чуньхуэй (2020) К вопросу теории языка и бедности: Опыт Китая // Социолингвистика. № 3 (3). С. 41–54. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-3-3-41-54

Ли Юймин (2021) К вопросу о национальной языковой компетенции //Социолингвистика. № 4 (8). С. 8–24. DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-8-24

Ма Лина (2023) Языковое законодательство в отношении национальных меньшинств в КНР // Социолингвистика. № 2 (14). С. 154–173. DOI:10.37892/2713-2951-2-14-154-173.

Официальный сайт Государственного совета КНР. Цзяоюйбу дэн сань бумэнь: путунхуа пуцзилюй нянь дадао 85 % [План по работе в области языка и письменности в новую эпоху] (2021) Режим доступа: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5661979.htm Дата обращения: 12.06.2024.

Официальный сайт Исследовательского центра по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае при Уханьском университете. URL: https://ling.whu.edu.cn/

Официальный сайт Министерства образования КНР. Цзяоюйбу дэн сань бумэнь: путунхуа пуцзилюй нянь дадао 85 % [Министерство образования и три других ведомства: к 2025 году распространение путунхуа достигнет 85%] (2022) Режим доступа: https://www.gov.cn/xinwen/2022-01/11/content_5667564.htm Дата обращения: 12.06.2024.

Чжунго юйянь дитуцзи (Атлас языков Китая) (2021) Пекин. 233 с.

A Guide to the Prevention and Control of COVID-19 Epidemic in Foreign Languages—Daily Precautions (2020) Режим доступа: http://yuyanziyuan.blcu.edu.cn/en/info/1065/2105.htm Дата обращения: 12.06.2024.

Zhao, Shiju (2016) National Language Capacity in Global Competition // Social Sciences in China 37 (3): 93–110. doi:10.1080/02529203.2016.1194633.

References

Wang, Chunhui (2020) Revisiting theories of language and poverty: Evidences from China // Sociolinguistics. No. 3 (3). Pp. 41–54. (In Eng.) DOI: 10.37892/2713-2951-2020-3-3-41–54

Li, Yuming (2021) Reflexions on national language capacity // Sociolinguistics. No. 4 (8). Pp. 8–24. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713-2951-4-8-8-24

Ma, Lina (2023) Language legislation in relation to national minorities in the People's Republic of China // Sociolinguistics. No. 2 (14). Pp. 154–173. (In Russ.) DOI:10.37892/2713-2951-2-14-154-173

Official website of the State Council of the People's Republic of China. Guowuyuan bangongting guanyu quanmian jiaqiang xinshidai yuyan wenzi gongzuo de yijian (2021) [General Office of the State Council on Comprehensively Strengthening Language and Writing Work in the New

Era]. (In Chin.) Available at: https://www.gov.cn/gongbao/content/2021/content_5661979.htm Access date: 12.06.2024.
Official website of the Research Center for Language Situation and Social Development in China, Wuhan University. (In Chin.) Available at: https://ling.whu.edu.cn/ Access date: 12.06.2024.
Official website of the Ministry of Education of the People's Republic of China. Jiaoyubu deng san bumen: Putonghua pujilü 2025 nian dadao 85% (2022) [Ministry of Education and three other departments: The Mandarin popularization rate will reach 85% by 2025]. (In Chin.) Available at: https://www.gov.cn/xinwen/2022-01/11/content_5667564.htm Access date: 12.06.2024.
Zhongguo yuyan dituji (2012) [Language Atlas of China]. Beijing. 233 p. (In Chin.)
A Guide to the Prevention and Control of COVID-19 Epidemic in Foreign Languages—Daily Precautions (2020) (In Eng.) Available at: http://yuyanziyuan.blcu.edu.cn/en/info/1065/2105.htm Access date: 12.06.2024.
Zhao, Shiju (2016) National Language Capacity in Global Competition // Social Sciences in China 37 (3): 93–110. (In Eng.) DOI:10.1080/02529203.2016.1194633.

Каплунова Мария Яковлевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН.
https://orcid.org/0000-0002-1481-0624
Адрес: 125009, Россия, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1/1.
Эл. адрес: maria.kaplunova@iling-ran.ru

Ли Цзя – Ph.D., старший научный сотрудник Национального научно-исследовательского центра по вопросам языковой ситуации и социального развития в Китае, старший преподаватель факультета китайского языка и литературы, Уханьский университет, Китай.
https://orcid.org/0009-0001-0675-3156
Адрес: 430072, Факультет китайского языка и литературы, Уханьский университет, Ухань, Китай.
Эл. адрес: leechia@whu.edu.cn

Maria Ya. Kaplunova – Candidate of Philological Sciences, senior researcher at the Research Center on Ethnic and Language Relations of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.
https://orcid.org/0000-0002-1481-0624
Address: 125009, Russia, Moscow, B. Kislovsky lane, 1/1.
Email: maria.kaplunova@iling-ran.ru

Li Jia – Ph.D., Senior researcher of the National Institute of Chinese Language Matters and Social Development, Senior Lecturer of the College of Chinese Language and Literature, Wuhan University, China.
https://orcid.org/0009-0001-0675-3156
Address: 430072, College of Chinese Language and Literature, Wuhan University, Wuhan, China.
Email: leechia@whu.edu.cn

Для цитирования: *Каплунова М.Я., Ли Цзя.* Тридцать третье заседание дискуссионно-аналитического клуба по языковой политике «Современная языковая политика в Китае: Ключевые направления и исследовательские центры» (Москва, Институт языкознания российской академии наук, 18 января 2024 г.) // Социолингвистика. 2024. № 2 (18). С.128–140. DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-128-140

For citation: *Kaplunova, M.Ya., Li, Jia.* The thirty-third meeting of the analytical discussion club on language policy “Modern language policy in China: Key directions and research centers” (Moscow, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 18 January, 2024)// Sociolingvistika. 2024. No. 2 (18). Pp. 128–140. (In Russ.). DOI: 10.37892/2713-2951-2-18-128-140

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Каплунова М.Я., Ли Цзя., 2024

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).
© Maria Ya. Kaplunova, Li Jia, 2024

The article was submitted 03.04.2024;
approved after reviewing 11.06.2024;
accepted for publication 30.07.2024.

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «СОЦИОЛИНГВИСТИКА»

Требования и рекомендации к оформлению статей

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Основные требования

1. Объем статьи –- 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:

- Индекс УДК;
- Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
- Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
- Аннотация на русском и английском языках.
- 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
- Текст статьи.
- Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
- При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;
- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводимых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов).
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.

Образец

Сведения об авторе:

Фамилия Имя Отчество – ученая степень, ученое звание, должность, место работы, страна.
ORCID: 0000-0000-0000-0000
Адрес: индекс, страна, город, улица, дом.
Эл. адрес: name@mail.ru

Surname Name Patronymic – degree, academic title, position, place of work, country.
ORCID: 0000-0000-0000-0000
Address: 123181, Bolshoy Kislovsky per. 1/1, 125009 Moscow, Russian Federation.
Email: name@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к авторским оригиналам в электронном формате:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению текста:

- Шрифт гарнитуры Times New Roman (если необходимо применить шрифт особой гарнитуры (при наборе древнерусских, церковнославянских, греческих, арабских и т. п. слов, специальных символов), нужно пользоваться шрифтами, устанавливаемыми системой Windows по умолчанию). Если в работе есть редко используемые шрифты, их (все семейство) нужно прислать в электронном письме вместе с файлом статьи.
- Строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- Использование разрядки как способа выделения не допускается.
- Переносы не допускаются.

Требования к оформлению библиографических ссылок

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это

работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки…, 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как Литература, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.1-2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. Фамилия и инициалы автора выделяются курсивом.

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем - работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia). Источники и словари оформляются отдельным списком по алфавиту (с указанием принятых сокращений) в соответствии с требованиями, которые предъявляются к оформлению списка литературы.

Источник в списке литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется курсивом);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

Если даются ссылки на работы одного автора, которые изданы в один год, то используются буквенные индексы (a, b, c и т. д.). Например: 2014a, 2014b.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, указание на электронную форму публикации – [Электронный ресурс], полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Примеры описания

Статья из журнала

Биткеева А.Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы. Вопросы филологии. № 1(61). С. 31–37.

Материалы конференции

Михальченко В.Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты. Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения. М.: МГИМО. С. 12–13.

Книга (монография, сборник)

Михальченко В.Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков. Вильнюс: Мокслас. 224 с.

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015). Отв. ред. А.Н. Биткеева. М.: Азбуковник. 471 с.

Интернет-ресурс

Жукоцкая А.В. (2009) Феномен идеологии. Режим доступа: http://service.ebooksearch.webfactional.com/en. Дата обращения: 12.11.2019.

Оформление REFERENCES

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как REFERENCES, составляется в порядке полностью идентичном Списку литературы. REFERENCES помещается после списка литературы.

Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, напр. (In Russ.).

References должен быть оформлен согласно следующим правилам:

авторы (имена не транслитерируются), название статьи в транслитерированном варианте [перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках], название русскоязычного источника (транслитерация)/название источника на другом языке (в оригинале) [перевод названия источника на английский язык — парафраз (для журналов можно не делать)], выходные данные с обозначениями на английском языке.

Для журналов, издающихся на русском и английском языках, ссылка дается на английскую версию журнала.

Образец

Author, A.A., Author, B.B., Author, C.C. Транслитерированное название публикации [Перевод названия на английский язык]. Транслитерированное название журнала, 2019, Vol. 7, no. 2, pp. 34–40.

Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте http://www.translit.ru

Примеры описания

Статья из журнала

Bitkeeva, Aysa. N., Wingender, Monika and Mikhalchenko, Vida Yu. (2009) Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskii aspect [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta, Issue 2, Iazykoznanie, pp. 6–23. (In Russ.). DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1.

Статья из электронного журнала

Lamazhaa, Ch. K. (2014) Zasaianskie tuvintsy: obraz zhizni, tsennosti, idealy [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals]. The New Research of Tuva, no. 3 [online]. Available at: https://nit. tuva.asia/nit/article/view/138. Access date: 01.11.2019. (In Russ.).

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) Sovremennaia iazykovaia politika i problema sokhraneniia iazykovogo i kul'turnogo raznoobraziia v Rossiiskoi Federatsii [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation]. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Sohranenie i razvitie yazykov i kul'tur korennyh narodov Sibiri". Abakan, pp. 9–12. (In Russ.)

Здесь приведено полное описание конференции вместе с транслитерированным и переведенным на английский язык названием статьи. Основная часть (кроме авторов) включает: название конференции на языке оригинала (в транслитерации, если нет ее английского названия). Выходные данные (место проведения конференции, место издания, обозначение страниц) должны быть представлены на английском языке.

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri [Sociolinguistic processes in the republics of the South Siberia]. Abakan, Khakass State University Press. 166 p. (In Russ.)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennyh yazykovyh processov. Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow, 2015. 471 p.

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov (Rules for the Citing of Sources). Available at: http://www.scribd.com/ doc/1034528/. Access date: 07.02.2011.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGVISTIKA

№ 2 (18)

2024

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов* | *Vladimir M. Alpatov
(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева* | *Aysa N. Bitkeeva
(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор | Editor
В.И. Меркулова | *V.I. Merculova*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Редактор английских текстов *С.В. Кириленко* | Translation into English *S.V.Kirilenko*

Компьютерная верстка | Desktop publishing
О.С. Корявкина | *O.S. Koryavkina*
(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Oryol State University named after I.S. Turgenev)

Дата выхода: 05.08.2024| Published 05.08.2024
Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 18,62 | Format 60x84/8. Printed sheets 18,62

Учредители, редакция, издатели:
Институт языкознания Российской академии наук, 2020
Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020
Founders, editors, publishers:
Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020
Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1